

ЮЛИЯ РУДЕНКО

Я - твоя женщина!

Юлия Руденко

Я — твоя женщина!

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Юлия Руденко, 2025

«Я — твоя женщина!» — первый роман Юлии Руденко. В 2015 году книга была переведена на английский язык. В основу сюжета положена история с автобиографическими нюансами. Война в Чечне, «оборотни в погонах», коррупционный скандал в МЧС, любовь, лихо закрученные в одну повествовательную линию, несомненно придутся по вкусу как женской аудитории, так и мужской.

18+

ISBN 978-5-4474-5436-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Я — твоя женщина!](#)

[Часть I](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Часть II](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Глава 43](#)

[Глава 44](#)

[Часть III](#)

[Глава 45](#)

[Глава 46](#)

[Глава 47](#)

[Глава 48](#)

[Глава 49](#)

[Глава 50](#)

[Глава 51](#)

[Глава 52](#)

[Глава 53](#)

[Глава 54](#)

[Глава 55](#)

[Глава 56](#)

[Глава 57](#)

[Глава 58](#)

[Глава 59](#)

[Эпилог](#)

Второе издание в редакторской правке автора.

Для тех, кого любят боги,
несчастья оборачиваются благом.

Леонардо да Винчи

Часть I

ГЛАВА 1

Город пробуждался ото сна. И на московскую гостиницу «Байкал» тоже упали первые лучи солнца. Сентябрьское воскресенье 1995 года обещало быть приятным в отношении погоды. Андрей Малкович, обхватив руками подушку и подмяв ее под себя, лежал на кровати в одном из люксов и как-то по-детски причмокивал губами. Когда солнце прильнуло к его лицу, он открыл глаза, нехотя развернулся, глянул на электронные часы. До звонка будильника оставалось еще шесть минут. В комнате и за окном было тихо. Он снова закрыл глаза и попытался вернуться в виртуальность ночных видений. Как же звали тебя, ночная колдунья – девушка из сна? Малкович вспомнил, что заснул на передаче, посвященной красивой танцовщице начала двадцатого – Мата Хари. И мозг поддался телевизионной волне. Образ исторического прошлого проник в подсознание и продолжал жить. Очертания обнаженной девушки окутывал туман. Она стояла на скале и молча протягивала к нему руки. Он приблизился. Обвиншись вокруг него, казалось, всем, она пробудила в нем желание. В воздухе была разлита рассветная прохлада. Вдруг стало нечем дышать... Туман обступил плотным кольцом... Ее губы жгли огнем... Ее сердце проникло к нему под кожу и стучало... Хоть один глоток воздуха!.. Он попытался освободиться. Девушка сделала шаг назад и исчезла совсем. Он остался один. Снова жуткая тишина. Она была и до этого. Но теперь Малкович ее слышал. Ощущение безнадежной потери заставило сердце сжаться и на мгновение застыть. Он с трудом нашел в себе силы сделать шаг вперед. И... холодная бездна обступила его летящее тело...

Спортивное и загорелое тело лежало неподвижно, распластавшись. Одеяло соскользнуло на пол. Андрей окончательно проснулся. Нужно было собираться. Через полчаса, сдав ключ от номера очаровательной администраторше, он вставил пластиковую карту в дверь, чтобы покинуть этаж. Два хмыря за дверью встретили его неласковой просьбой вставить карту еще раз, чтобы они могли войти. Представив наивно-голубые глаза молоденькой администраторши, Андрей напористо двинулся к лифту. Но, заметив резкое движение руки одного из них, преградивших путь, к себе за пазуху, Малкович испугался: оружие. Мгновенно среагировав на это ударом в челюсть одному и следом – правым коленом в живот другому, Андрей отвернул полу пиджака упавшего первым. Так и есть – ПМ. Сунув его себе в карман кожаной куртки, он не стал дожидаться лифта, а схватившись за перила, перепрыгнул через загнущихся бандюг и ринулся бегом вниз по лестнице.

Спустившись, он остановился, отдышался и спокойно направился к выходу. Как бы невзначай, задержавшись рядом с охранником, он заметил:

— Последние солнечные деньки! — и, прищурившись, нагнувшись слегка к лицу отэлектранителя, Андрей шепнул: — На девятом этаже на меня напали два сукиных сына, хотели проникнуть внутрь. Вероятно, вооружены.

Не давая охраннику возможности задать вопросы, Малкович четко двинулся на выход. Двери бесшумно раздвинулись и так же бесшумно сомкнулись, когда он вышел. Здоровенный мужчина побежал к телефону. Когда через пятнадцать минут четверо милиционеров выводили из гостиницы тех двух парней в наручниках, бывший капитан морского флота Малкович сидел за рулем своего серебристого «Бьюика» и выруливал со стоянки. Направлялся он в город, где его ждали большие деньги. И город этот звался Грозный.

ГЛАВА 2

— Нет, я не понимаю, я абсолютно отказываюсь понимать слово «геройство» в применении к нашей жизни. Мы только поженились, а ты хочешь сразу умчаться черте куда подвиги совершать. Нормальные люди женятся, рожают детей, воспитывают их...

— Вот именно, воспитывают! Воспитывают на собственном примере. А если мы будем всю жизнь прятаться и бояться этой самой жизни, то что у нас за дети вырастут? И потом, я еду в Грозный не подвиги, как ты говоришь, совершать. Я еду работать. Я военное училище, в конце концов, закончил! Профессия у меня такая. Ты знала за кого замуж выходишь.

— Мне и в голову не приходило, что ты сам захочешь в Чечню!

В семье Гаровых ссора разгоралась не на шутку. Если бы в ситуацию не вмешалась свекровь Лариса Ивановна, не известно, чем бы все закончилось.

— Деточка, Лерочка, ну успокойся! Саша не маленький. Съездит, посмотрит, может, не так страшен черт, как его малюют. И потом — там ведь деньги хорошие ребята получают. Накопите на квартиру. Машину купите. И прекрасно живите дальше.

— Лариса Ивановна! Мои родители уже сказали, кажется, что начинают строить нам дом. Неужели мы совсем бедные, чтобы Саша ехал за тридевять земель зарабатывать? Да еще рискуя жизнью! Вдруг его там убьют?

Слова жены показались Александру обидными. Он и раньше чувствовал какой-то дискомфорт оттого, что родители жены были не бедны и при должностях. А его мать — простой бухгалтер — растила сына одна. И особенно обидно это напоминание об их бедности прозвучало из уст Валерии.

— Ну, хватит. Я все решил, — сказал Александр и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Лариса Ивановна со вздохом поднялась со стула:

— Пойду, котлеты согрею. Да утям надо травы принести, — и тоже вышла.

Валерия осталась в комнате одна. Ничего не хотелось делать: зачем? Если все ее слова как от стены отскакивают? Может, она вообще тут не нужна? Нет, ну почему-то же женился Сашка на ней, а не на Кате, Маше, Глаше и т. д. А ведь он красивый! По-мужски привлекательный! На улице все бабы только на него и глядят. И выбрать мог любую. Но предпочел ее — воспитательницу Леру Лаврову. Да, не очень красива. Зато при деньгах благодаря родителям — можно жить в удовольствие, особо не напрягаясь. Все так хорошо начиналось! Лера облокотилась на спинку кресла и вспомнила, как они впервые встретились.

Она летним воскресным вечером возвращалась на своем «опеле» с моря. А он — курсант последнего курса — ехал домой в отпуск и «голосовал»

на окраине Краснодара. Она притормозила. Александр, открывая дверцу и плюхаясь на сидение, сходу начал хохмить:

— Александр — бандит-автоугонщик! А вас как величать, прекрасная обладательница не менее прекрасного автомобиля?

— ...Ва-ле-рия, — как-то не сразу, растягивая гласные, по слогам ответила Лера и, не спеша, нажала сцепление и газ. Переключая скорость, она случайно задела локтем Александра. Он не растерялся и сразу положил свою руку на ее:

— Помочь?

Лера, было, слегка дернулась в противоположную сторону, но парень сам тут же руку убрал:

— Нет, я же с самыми лучшими побуждениями! А вы что подумали? — и пристально посмотрел на нее.

Лера перевела взгляд на дорогу. С трудом справляясь с возникшим волнением, стала вести машину дальше. Чувствуя, что краснеет, она попыталась прервать неестественное молчание:

— Вам куда ехать-то?

— Мне в Динскую. А куда и откуда едет такая молодая и красивая, бесстрашная Амазонка?

Лера снова смутилась. Начала было говорить про морской прибой, но в голове не понятно что творилось, все перепуталось. Александр видел Лерину взволнованность. И ему это нравилось. Его настолько увлек образ только что придуманного автоугонщика-соблазнителя, что следующую фразу он неожиданно произнес шепотом прямо над ухом Валерии:

— Лерочка, расслабьтесь! Еще не справитесь с вождением! А я жить хочу...

И тут Валерия резко нажала педаль тормоза, желая одного: выкинуть этого «наглого» попутчика:

— Выхо...

Александр не дал ей договорить. Он чуть не ударился о лобовое стекло, но тут же развернулся, схватил Леру за плечо, притянул к себе и поцеловал. Сопротивляться у нее не было сил. Нет, помнится, она что-то попыталась сказать в защиту своей девственности: разве можно так — в первые минуты знакомства? Но эта попытка была очень слабой. Рука Александра уверенно опускалась ниже. Ее грудь — предательница — заставила Леру застонать. И от этого губы Александра только сильнее прижимались к ее губам, а рука опускалась еще ниже...

ГЛАВА 3

Раздался резкий стук в дверь:

— Товарищ майор! Товарищ майор! Откройте!

— Рядовой Глушко! Пшел вон! — рявкнул майор Смирнов, не открывая.

— К Вам там это... жена... что ли... приехала.

Дверь распахнулась на половину. Майор Смирнов, заворачивая голый торс полотенцем, испуганно произнес:

— Что — сам видел?

Не менее испуганный Глушко вообще потерял дар речи при виде обнаженной волосатой груди майора. Поэтому просто кивнул.

— А где она?

Глушко неопределенно махнул рукой в сторону комендатуры:

— Т-та-ам.

— Где? В комендатуре что ли? Говори!

Глушко наконец-то затараторил:

— Там... это... машина остановилась... Ну... синяя такая. Или не синяя. Я не знаю. Забыл. А из нее женщина выходит! Красивая такая! Ну! Рыжов так и сказал, прости, господи: «Че это тут красотки по Грозному разъездились на тачках, как у себя дома?» Это он так сказал. А она — прямо к нам. Рыжов еще это... говорит: «Грудастенькая!».

Смирнов сдвинул брови:

— Я те с-щас покажу «грудастенькая»!

— Товарищ майор! Не выдавайте! Рыжов не со зла. Он же не знал, что она ваша это — жена... А если вы ему по шее надаете, он догадается, что я вам сказал. И мне не жить тогда!

— Ладно! Куда дели Светку? Надеюсь, не здесь где-нибудь? — Смирнов перегнулся через плечо Глушко, оглядел пустынный коридор одного из общежитий аэропорта «Северный».

— Она в этом... Рыжов ее... в вагончик повел. «Придется, — говорит, — вам подождать. Майор Смирнов выполняет важное задание».

— У-у-ф! Молодец Рыжов! А ты, Глушко, на всякий случай, пока я оденусь, — стань на дверях общаги и подежурь: чтобы Светка не вздумала сюда заходить. Понял? Повтори!

Довольный оказанным доверием, рядовой Глушко вытянулся и четко протараторил:

— Стоять на входе в общежитие и Светку не пускать!

— Молодец! Только тебе она Светлана Владимировна! Шагай!

Глушко направился к выходу. А майор вслед добавил:

— Да смотри, не скажи ей, что это я тебе приказал ее не пускать.

— Есть, товарищ майор, не говорить!

— А то знаю тебя, — проворчал майор, закрывая дверь общежитской сауны и заходя в парилку, — Одевайся. Отдохнули. Жена приехала.

Прапорщик Любовь Антонова лениво потянулась:

— Слышала. Иди сам. Еще чуть попарюсь.

— Как знаешь, — Смирнов быстро натягивал штаны.

Через пять минут он постучал в одну из комнат общежития, противоположную выходу. Не дожидаясь ответа, нажал на ручку двери и открыл ее. В помещении никого не было. Он прошел к распахнутому окну и перелез на улицу. Заросли беспорядочной травы укрыли майора по пояс. Смирнов прошел метров пять, нагнулся, приложил ладони к дорожной пыли, затем — к лицу. Запустил руки во влажные волосы, растрепал их, потом слегка пригладил. Медленно оглядел камуфляж, обтер о штаны ладони:

— Теперь порядок!

Майор Смирнов огибал двухэтажное здание общежития и стремительно направлялся ко входу в комендатуру, расположенную в десяти метрах от того места, где маячила одинокая фигура худого низенького рядового Глушко:

— Рядовой Глушко! Вы что — бездельничаете? А ну-ка марш приводить себя в порядок! Помыться, постираться, погладиться, почистить оружие, приготовить разгрузку! Завтра чтоб как новенький! Пойдешь со мной сопровождать колонну в Ханкалу.

— Так я ж это... По вашему ж приказу тут... А почему я-а-а — в Ханкалу?.. Вы же меня никогда с собой не брали!.. — раскрыл от удивления рот Глушко.

Пока солдат пытался мысленно разобраться в том, что же ему делать вначале из предложенного майором, последний стремительно заходил в круглый вагончик комендатуры:

— Ба-а! Светлана? Ты? Не сплю ли? Откуда? Дети с кем остались?

ГЛАВА 4

Малковский «бьюик» остановили, едва он миновал Моздок. С АКМ-ами на перевес двое патрульных поста подошли к машине на расстояние вытянутой руки:

— Выходи.

— Малкович хотел достать свое давно недействительное удостоверение капитана морского флота, числящееся утерянным, но парни не дали ему такой возможности. Мгновенно взяв Андрея под прицел, они повторили снова:

— Выходи из машины!

«Господи! Что я тебе сделал плохого? — подмигнул небу Малкович. — Помоги, а?»

— Руки на капот. Ноги на ширину плеч.

Один из патрульных стал ощупывать куртку Малковича. Достал паспорт, удостоверение и бумажник. Прочел вслух данные паспорта:

— Андрей Андреевич Малкович. 1966 года рождения. Родился в городе Волгограде. Не женат. Детей нет.

Затем раскрыл удостоверение. Молча уставился в него. Подумал. Протянул обратно. Произнес:

— Товарищ капитан, извините за задержку. Можете ехать.

«Вот так бы и давно! — самодовольно улыбнулся Малкович. — Спасибо тебе, господи!»

И тут, когда он уже сел за руль и поворачивал ключ зажигания, второй патрульный как бы нехотя попросил:

— А откройте-ка багажник! Вам же не трудно? И нам спокойнее будет. Для порядку посмотрим, и поедете себе дальше.

Малкович секунду задержал руку на ключе. Медленно, с достоинством, повернул голову к окну, медленно же спросил:

— Что?

— Багажник, говорю, откройте! — повторил патрульный, чуть занервничав.

«Господи! Ну за что ты так?» — снова пронеслось в голове у Андрея. Начав напевать мелодию песенки «Остров невезения в океане есть...», он выключил зажигание, вытащил ключи, открыл дверцу и скороговоркой произнес:

— Ребят! А давайте договоримся! По пятьсот каждому хватит? Мне время дорого! На каждом посту останавливают, проверяют. Замучился уже открывать багажник, закрывать. И везде одно и то же, одно и то же! А время-то идет. С вами уже тут торчу полчаса. А ждали меня в Ведено еще вчера. Ну, так как? — Малкович полез за бумажником.

Второй патрульный насторожился и грубо перешел «на ты»:

— Убери деньги! Открывай.

Малкович тяжело вздохнул и направился открывать багажник. Зазевавшийся было патрульный хотел прикрыть рот рукой для приличия, но вдруг присвистнул и закричал:

— Вась! Да тут у него целый арсенал! Оружие всех мастей. Иди-ка сюда.

Пока первый патрульный подходил к машине, мысли Малковича вихрем кружились в голове, не желая сосредотачиваться на чем-нибудь одном.

— Ладно! Скажу вам правду, хотя не должен. Это оружие для военной комендатуры аэропорта «Северный». Сами знаете: ребята гибнут, наше оружие достается чеченцам, а страдать из-за этого должны командиры отрядов. В комендатуре пропавшего оружия стало ну очень много. А тем, блин, толстым задницам генералам в Ростове да в Москве этого не объяснишь, что в бою оружие пропадает. В бою! Вот и еду выручать старых друзей — восполнять, так сказать, образовавшиеся оружейные пробелы.

— Эту басню ты, капитан, адвокату своему расскажешь. Пошли!.. А потом мы удивляемся: откуда у «боевиков» наше оружие? — презрительно сплевывая на ходу, пробормотал Василий. И повел Малковича в кабину поста, чтобы вызвать по телефону наряд милиции из Моздока для задержания преступного элемента до выяснения обстоятельств.

ГЛАВА 5

Двадцатитрехлетний лейтенант Гаров, не смотря на конфликт с молодой женой, уехал из родной станицы. «Может потом поймет меня, — думал Александр, сидя на брезентовых свернутых палатках, сваленных у кругляка-оконца военного самолета, совершающего маршрут „Ростов — Грозный“. — Разделяют же судьбу мужа другие жены военных?!».

— Лейтенантик! Первый раз летишь? — прокричал сердобольный старичок, пристроившийся рядом.

Александр кивнул:

— В первый.

— Водички хочешь? У меня тут минералочка осталась. Попьешь? — снова закричал дед-чеченец.

— Нет, спасибо. У меня своя есть, — закричал в ответ Гаров и прикрыл глаза, делая вид, что дремлет.

Когда в том Лерином «опеле» он необузданно, страстно брал ее, он и представить себе не мог, что окажется ее первым мужчиной. Дамочка едет в сумерках одна по трассе, сажает себе незнакомого пассажира, более того — тут же готова отдаться ему! Он забыл бы ее на следующий день, если бы не обнаружил в душе, снимая плавки, следы крови и не сопоставил только что обнаруженные улики с Лериным криком «больно же» в самый кульминационный момент.

— Ма-а-а! А ты Лавровых знаешь?

— Кто ж их не знает? Он — директор рынка, а она — главный прокурор.

— Ой, е-о-о!

— Чего ты, сын? — не расслышала тогда мать из-за шума воды открывшегося крана.

— Ничего, ма. Есть хочу! Голодный — просто жуть...

Следующим вечером он поджидал Леру у детского сада. Когда она вышла с работы, последний предзакатный луч солнца попал прямо Александру на лицо. Прищурился:

— Привет...

Лера вдруг неожиданно заговорила мужским голосом.

— ...Парень!.. Проснись!.. Слышишь?.. Прилетели...

Александр резко дернулся, открывая глаза. Над ним стоял «заботливый» дед:

— Прилетели, говорю. Задремал? Ничего, не торопись, успеешь еще выйти. Обратного не повезут. Они обратно теперь завтра полетят. С «двухсотым». Сюда — с живыми, отсюда — с мертвыми. Живые и мертвые. Как у этого вашего писателя, как его? У-у-у, забыл. Дырявая моя голова! Не помнишь, лейтенантик? — старик улыбался.

Гаров готов был дать старику в челюсть. Он с силой сжал кулаки. Дед заметил его настроение и тоже переменял выражение лица и тон:

— Не сердись, что так говорю. Ни ты, ни я не хотим смерти. Ни ты, ни я не начинали убивать. Войну начали до нас. Другие. Те, кто в «мерседесах» и в кабинетах. Они не видят крови. Они считают деньги. Им мало. Им не интересно, знает ли этот мир про тебя, или про меня. Им интересна только их сытая жизнь. Они на войну, как Наполеон, не отправятся. Они таких, как ты, на смерть пошлют. И ты пойдешь подвиг совершать. Из-за каких-то неопределенных идейных соображений.

Александр не возражал. Слушал молча и хмуро. Кулаки сжимались и разжимались.

Дед тоже ненадолго замолчал, потом тихо произнес:

— Мы с Нино увиделись впервые в День Победы, 9 мая... Она девчонка совсем была. Школу заканчивала. В институт хотела поступать, а тут — война. Я в окопе под Сталинградом как раз в сорок втором был, когда принесли бандероль. Не мне одному. Многие получали тогда. Развернул, смотрю: носки вязанные шерстяные лежат. А из одного — фотография выглядывает и треугольничек письма. Женщины наши в тылу собирались — и кто что мог для нас на войну отсылали. Нино носки связала, и загадала: кому попадут они, за того она замуж пойдет — это она мне потом сказала, когда уже сыну год был. А тогда я посмотрел на фотографию — улыбается красавица, аж сердце защемило: так домой захотелось, в тепло, в уют. Письмо прочитал, узнал как зовут и про то, что земляки мы, из Грозного, жили на одной улице. Война, получается, помогла любовь свою встретить. Ответил ей. Так и писали друг другу до самой победы. Я в апреле 45-го ранение получил и в госпиталь попал. А выписывали 1 мая — ходить мог только на костылях. И отправили врачи меня домой. Нино на вокзал встречать пришла. Тюльпаны принесла. Потом сын у нас с ней через год родился...

Старик помолчал.

— Нет больше Нино. А я есть. И сына больше нет. А я есть. Только на самом деле и меня тоже нет... Не хотели мы уезжать из Грозного. Все уехали. Мы одни остались. На третьем этаже. Куда нам, старикам, по чужим квартирам скитаться, чужие места осваивать? Уж пришло, думаем, время умирать, так жили вместе — и умирать вместе будем... Не получилось. Вышел я что-то на полчаса всего. А в это время и началось. Вертолеты, стрельба, наши, ваши. Дом у меня на глазах и «осел». Взорвали. Когда уходил, она говорит: «Прилягу. Подожду тебя. А потом Ваську покормлю». Васька — это кот наш... Не покормила, выходит.

Александр не удержался, спросил:

— А сын?

Старик замолчал. Переспросил:

— Сын?.. Сынок разбился в самолете... Летчик был... От снохи вот еду. В Ростове с внучкой живут. Оставляли меня, а я не хочу. Не могу без Нино. Все равно умирать. Так лучше уж рядом с ней...

— Слушайте, выходите! На улице поговорить не можете, что ли? —
раздалось со стороны.

ГЛАВА 6

Комендатура 293 Управления начальника работ, а попросту — УНР, встретила Сашу Гарова тепло. Окрестив Санька Гариком, майор Смирнов сразу же предложил ему пойти вместе с колонной продовольствия в Ханкалу.

— Не вопрос! — с готовностью ответил Александр. — Когда выходим?

— Ух, ты! Шустрый! погоди. Не сейчас. Завтра. — Майор Смирнов, прищурившись, посмотрел в глаза Гарову. Натолкнувшись на такой же острый немигающий взгляд, отвернулся, крикнул, — Глу-ушко!

Рядовой Глушко примчался со скоростью света. Услышав громкий рык командира, он выскочил из деревянного туалета, застегивая на ходу ширинку. Добежал быстрее, чем застегнул пуговицы на штанах. Майор Смирнов не преминул съязвить по этому поводу:

— Видишь, лейтенант, с какими олухами приходится воевать?!

— Товарищ майор!.. — попытался вставить что-то в свою защиту Глушко. Потом застеснялся, покраснел.

— Вот именно, что я — товарищ майор, а не Глушко у нас — товарищ майор! Ладно, рядовой, застегните оставшуюся пуговицу. Встаньте, как полагается. Доложите нам с лейтенантом Гаровым, как там чувствуют себя задержанные.

Глушко поправил рубашку, штаны и ремень. Вытянулся. Помолчал секунду. Затем, как будто бросаясь на амбразуру, на одном дыхании выпалил:

— Товарищ майор, разрешите доложить? Задержанные вчера вами два «боевика» сидят в погребе тихо. Но не потому, что такие послушные. Я так мыслю, что просто сил у них не осталось. Вы как их ночью воспитали, так они до сих пор и лежат в крови. Иногда говорят «суки», «все равно всех порвем».

— А ты че? Сидишь над ними и бред их специально слушаешь? — спросил Смирнов. — Ты бы лучше книжки читал. В них иногда правду пишут. Какая у тебя любимая книжка, Глушко?

Рядовой задумался. Потом ответил:

— «Три медведя».

Гаров прыснул от смеха, повернувшись в сторону. Сделал вид, что закашлялся.

Майор Смирнов с умным лицом продолжил:

— Это что? Сказка что ли такая? Сказки, значит, любишь? Сказки — это конечно, хорошо! А последнюю какую книгу ты прочитал, Глушко?

Глушко немного растерялся. Опять подумал. Произнес:

— «Три медведя».

Гаров «закашлялся» еще сильнее. Смирнов взглянул на него, слегка улыбнулся, затем с деланно важно-серьезным лицом произнес:

— Глушко! Вот от твоих ответов лейтенант Гаров поперхнулся. Ты хоть думаешь, что говоришь? Слава богу, дожил до девятнадцати лет. Девятнадцать

тебе?

— Так точно.

— Так неужели ты последний раз читал книги в третьем классе?

— Да нет, — улыбнулся Глушко. — Она у меня под подушкой. Я перед сном ее читаю.

— Кого? — спросил Смирнов, широко раскрыв глаза. — Сказку «Три медведя»?

Гаров уже хохотал в открытую, не в силах сдержаться. Глушко, глядя то на Гарова, то на смеющегося Смирнова, искренне не понимал, что происходит. Покраснев сильнее, чем от расстегнутой ширинки, силился понять, что же в его ответах не так.

— Товарищ майор, я вам честно сказал. А вы!

— Глу... ш... кко... А т-ты... это... «Про Ку... рочку Ря... бу» чита-ал? — заикаясь от смеха, спросил майор. — Я тебе принесу... Знаешь? Тоже... ин... нте... ресно!

В вагончик зашел прапорщик Мердыев с большими пакетами продовольствия:

— Смеемся, значит? Опять Глушко чего-нибудь сморозил?

Смирнов, все еще задыхающийся смехом, спросил Мердыева:

— Леха!.. Ты «Три медведя» не читал?.. Ха-ха-ха... Вот Глушко советует. Говорит хорошая книжка... У него — на-астольная. Прямо, как Библия.

Мердыев, деловито закладывая в холодильник продукты, мельком пробежался взглядом по обиженному Глушко:

— «Три медведя» — отличная сказка. Мне мама читала. Что тут смешного? Плохо, что Глушко других книжек не читает. Хочешь, Ромка, я тебе «Войну и мир» первый том принесу? В одной из пустых квартир грозненских захватил с собой. Может, думаю, пригодится. Хочешь?

— Хочу, — буркнул насупленный Глушко.

На громкий шум вышла из другой комнаты вагончика жена майора — Светлана:

— Чего издеваетесь над мальчишкой?

— Кто здесь мальчишка? — резко переспросил майор. — Глушко — солдат, защищающий свою Родину — Россию, вместе с тем свою маму и свою деревню Глушкино. Он должен знать свою страну, своих героев, своих писателей. Чем он отличается от тех, кто говорит «порвем, суки»? «Тремя медведями»? А если чеченцы в эту дверь войдут, Глушко как Машенька выпрыгнет в окошко и побежит домой к маме?.. Хм... Добежит ли? — Смирнов презрительно хмыкнул.

В это время где-то недалеко грохотнуло. После взрыва началась перестрелка очередями. Смирнов быстро развернулся, схватил с кровати автомат и ринулся к дверям, отталкивая Глушко. Не останавливаясь, обернулся:

— Гаров! Со мной?

— Да! Конечно! — Сашка схватил такой же автомат и легко рванул за майором.

— А мне? Мне что делать? — раздался из вагончика голос Глушко.

— «Войну и мир» чита-ать! — донесло эхо ответ Смирнова.

— Сщас достану, — проговорил Мердыев, продолжающий суетиться вокруг продуктов.

— Откуда тортики с пельмешками? — спросила Светлана. — Здесь есть магазин?

— Да какой магазин? — улыбнулся Мердыев. — Надо же чеченцам как-то зарабатывать? Вот и приходят в аэропорт торговать. А я как увижу их: «Где разрешение? Нету? Вот и валите отсюда!» Так чтоб остаться, они мне пакеты с едой и вручают торжественно. Так и живем.... Держи! — протянул прапорщик Мердыев рядовому Глушко, вытащенный из-под матраса пыльный и потрепанный увесистый том Толстого.

ГЛАВА 7

Моноotonно из ординаторской доносился четкий ритм времени. Дверь в палату была приоткрыта. Тихий час Даша Свириденко не любила с детства, с тех пор, как из-за частых ее болезней матери пришлось забрать из детсадовских ясель навсегда. Она одна не спала. Проектировала мысленно предстоящий таинственный процесс рождения нового человечка, иногда бралась за спицы — детские штанишки были почти готовы. Часы прозвенели четыре раза, когда низ живота стал неестественно влажен. Болей никаких не последовало, но Даша испугалась — вдруг ее малышу уже не терпится появиться на свет? Не решившись будить соседок, она молча встала и поспешила к выходу. По ее подсчетам до назначенной даты осталось два дня. Медсестра-акушерка, рассмотрев ее, распластанную по креслу, покачала головой: «Воды отошли, на сухую рожать будешь...».

Рожать естественным путем вообще не получилось. Через тринадцать часов Дашу, измученную схватками, практически без сознания, отвели в хирургическое отделение, вызвали бригаду врачей и медсестер. Бывшая одноклассница, теперь — реанимационная сестра, подошла к Дашиному истерзанному уколами телу, ласково шепнула:

— Хороший врач кесарить будет. Я подходила к нему. Говорю: красотулю нашу не испортите! — Татьяна улыбнулась и отошла.

— Где тут наша венка? Ну-ка кулачком поработай! — проговорил анестезиолог Даше, легко заигрывая между делом с одной из медсестер. Почти все присутствующие знали, что они любовники. Даша тоже об этом уже слышала. И ей было приятно засыпать во флюидах тайной любви, витающих над ней. Она закрыла глаза. Последние слова анестезиолога: «Даша! Посчитай мне до десяти-и-и-и!» — прозвучали как в микрофон, потом растворились, словно эхо в горах. Она доверчиво улыбалась. Спала.

Как ни готовился мысленно к предстоящему событию курсант Свириденко, телеграмма свалилась все-таки неожиданно. Он не знал что делать, куда идти, что кому говорить. «Родился сын». У него родился сын. У НЕГО! ЕСТЬ! СЫН!.. Нет... Разве такое бывает? Это наверно не у него. У кого-то другого... СЫ-ЫН! Неужели он теперь отец? Что такое «отец»? Что такое «сын»? Такое случается сплошь и рядом. Но с НИМ!? Хотелось быть свободным поэтом. Умереть как Пушкин молодым. А теперь — у него есть сын! Нужно писать колыбельную — вот что нужно делать. Он пошел к командиру роты. Через час курсанта Свириденко отпустили в увольнение на сутки.

Примчавшись в Ростов, он направился сразу в роддом. К Даше его не пустили. Передав записку, пошел к теще домой. Та нервно раскричалась: «Хоть бы цветы купил! Папаша!». Дальнейшее время он провел молча. Говорила теща: то руки помой, то переоденься. В общем, то одно, то другое. Ну,

как она не понимает? У НЕГО РОДИЛСЯ СЫН!!! У НЕГО, а не у нее. И когда она, второпях ворожа утюгом над пеленками, чтобы отнести их скорее в роддом, в очередной раз попросила его что-то сделать, он накинул куртку и выскочил из дома. Ночь провел под окнами больницы. Сами собой пришли в голову слова колыбельной. Записал на клочке бумаги. Утром возвратился в училище. «У МЕНЯ РОДИЛСЯ СЫН!».

ГЛАВА 8

Малкович был знаком с майором Смирновым по Афгану. Но уверенность, сможет ли рассчитывать на его поддержку сейчас, отсутствовала. Тем не менее, ничего лучшего ему в голову не пришло. И Андрей позвонил старому товарищу. Рассказал ситуацию. Упросил приехать в Моздокский суд в качестве свидетеля.

От начальника управления работ Смирнов вернулся чернее тучи. Еще бы! Малковичу что — ни жены, ни детей. Свободен как птица. А тут — не дай бог что! Мало ли своих проблем? Оружие все здесь крадут, прячут, нелегально провозят, продают. Но что бы так попасться! «Эх, Малкович, Малкович! Умный мужик, но дура-ак!»

Гаров сразу заметил перемену в настроении Смирнова.

— Что-то случилось?

— Случилось!.. Черт бы побрал этого Малковича... Оружие он вез в УНР! Ничего повеселее не придумал? «Смирнов, приедь! Выручи! Век не забуду доброты! Продадим — пополам поделимся». А хрен с маслом не хотел? Вот не поеду, и что тогда? — все больше горячился Смирнов.

— Да ладно, майор. Неужели так сложно сказать в суде, что этот Малкович вез оружие к нам в комендатуру? Ну, давай я скажу!

— Ты скажешь? Молодец! Придумал! Он скажет! — Смирнов все время ходил взад-вперед, брал вещи, перекладывал их с места на место и никак не мог успокоиться. Потом внезапно сел напротив Гарова, широко расставив ноги, оперся на колени. — Лады! Ты. Едешь. В Моздок. Завтра.

Так Гаров совершил поступок, который стал определяющим всей дальнейшей его судьбы. Малкович никогда не забывал тех, кто ему помог.

Из Моздока новоиспеченные знакомые вернулись в комендатуру «Северного» вдвоем. Радости Малковича не было предела. Гаров тоже был счастлив, что дело «выгорело». Их безудержный оптимизм передавался всем окружающим. Сама собой появилась на столе вагончика бутылка «Столичной», икорка красная, балычок, сало. Светлана начала энергично хлопотать: то хлеб порежет, то рюмки где-то нашла — сбегала выпросила у общежитских. Вот наконец-то сели. Одним из тостов, конечно, помянули погибших товарищей. Помолчали. Поговорили. Под шумок зашли две «декабристки» из общежития. Присоседились. Малкович за словом в карман не лез — обаял всех. Появилась еще бутылка водки. Следом — другая. А потом — часа в три ночи — мужья «декабристок».

Тут вдруг выяснилось, что одной из жен (а их вообще в общежитии было по пальцам пересчитать) нет. Исчез из-за стола и Малкович. Муж — лейтенант роты Пузанов — отправился тогда в свою комнату пожелать любимой супруге — блондинке с внешностью Мэрилин Монро, — эротических снов.

Не обнаружив оной в кровати сладко спящей, он решил вернуться к оставленной компании. Возвращаясь, почувствовал нужду. Хотел справить на улице, но в самый последний момент передумал и свернул по коридору направо.

Ах, если бы, если бы он вышел на улицу! Но черт, или кто там есть, дернул его пойти в туалет с логичной буковкой «М» на двери. Открыв эту самую дверь, он уперся взглядом в чью-то широкую спину, загородившую окно. Вокруг нее обвилились две голые ноги. Человек с широкой спиной часто дышал. Постепенно от ритмичных телодвижений штаны опускались все ниже и ниже.

Пузанову показалось происходящее любопытным. Скромностью он не обладал. Поэтому снова не пошел на улицу. Зашел в кабинку, сделал свое «мокрое» дело. В это время послышался счастливый женский стон. Веселый Пузанов, собирающийся рассказать об увиденном застольной компании, вышел. Хлопнула за спиной дверь. И тут он остановился как вкопанный.

Сумочка! Сумочка лежала на полу! Нет такой ни у одной из женщин в общежитии. Сам ее покупал для жены в Питерском бутике. «Е-о-о-о-о! Так это она — там, в мужском туалете, на грязном подоконнике — с голыми ногами, обвившими чью-то спину!»

«Сука!» — пронеслось в мыслях, остро режущих голой правдой голову Пузанова. «Сука!» — сказал он вслух. «Сука-а-а-а!» — закричал во весь голос. Открыл дверь туалета, подошел к одевающейся жене. И, как бы не замечая Малковича, бросил ей в лицо: «Сука!». Резко развернулся и сосредоточенно зашагал в комендатуру.

На утро ночной инцидент облетел всех и каждого. Пузанов пожаловался другу Никишову. Никишов предложил обсудить дальнейшие действия Пузанова с Рыжовым, потом имел неосторожность сказать новость своей жене со строжайшим приказом никому сию тайну не разглашать. Та клялась и божилась, но дружба с Веркой ведь дороже... Так и пошло-поехало. Верка — Таньке. Танька — мужу. Перешептывания окружили кольцом семью Пузановых. Пузанов не стал долго ходить в роли обманутого му... ка. Подвез как-то секретаршу начальника УНР — длинноногую Оксану. В машине с ней и покувыркался, раз пять или побольше... Об этом снова рассказал Никишову. Никишов — Рыжову. Опять понеслось... Разводиться Пузановы не стали. Так потом и жили — изменяя друг другу, прощая секс на стороне и снова изменяя...

ГЛАВА 9

Очнулась Даша от истошного женского крика, доносящегося из-за стенки. Огляделась. На соседней койке рядом лежал какой-то мужчина. По трубке, спускающейся из-под его одеяла в ведро, медленно стекала желтая жидкость. Даша осторожно пощупала под одеялом свой живот. Гладкий! Вот холодная грелка в самом низу. А выше? Нет ни бинтов, ни пластыря? Как же они доставали ее ребенка?

Господи! Как страшно спросить! Что с ним? С ее сыном? Или все-таки дочерью? Да собственно пока и не у кого спрашивать. Темно за окном — значит ночь. Под кроватью началась капель. Сил только и хватило — чуть приподнять одеяло. Оказалось: от нее тоже спускалась трубка в ведро как у мужчины напротив.

Вошла медсестра со шприцом. Отвернула край Дашиного одеяла. Протерла ватой чуть выше колена. Уколола. Даша слегка вскрикнула. Спросить про ребенка не успела. Медсестра ушла. О сыне сказал анестезиолог, зашедший на минутку утром. Прежде чем Даше пришлось увидеть сморщенное красное тельце, ей стали массировать грудь. Холодные руки акушерки опускались и мяти так сильно, как будто не человек перед ней, а тесто. И процесс этот был какой-то унижительный. Даша действительно чувствовала себя тестом, апельсином, из которого выжимают сок. Было очень больно, но кричать не хотелось. Сдержалась.

— Надевайте халат и переходите в роддом! — сказала на прощанье медсестра.

Покидая реанимацию, Даша придерживала рукой низ живота. Бывшая одноклассница не обманула: хирург сделал очень маленький горизонтальный разрез. Пространство, сблизившее ее с мужем, мамой, подругами, раздвинулось на невероятно огромное расстояние, когда взяла в руки пеленчато-одеяльчатый комок и приложила его к ярко-красным соскам. Чадло впивалось с невероятной жадностью, тянуло молоко все сильнее и сильнее. Наконец насытилось.

«Мой ребенок! Никому никогда не дам в обиду!». По кровати рядом с Дашей пробежал таракан. И она не выключала свет всю ночь, чтобы насекомые не потревожили ее кроху.

ГЛАВА 10

Казалось, удача стала сопровождать теперь Малковича бесконечно. Утром он со Смирновым и Гаровым нашел покупателей на спасенное оружие. Смирнов списал его как не пригодное. Малкович пообещал открыть друзьям счет в банке и положить обоим по немаленькой сумме.

— Гарик! У тебя дети есть? — спросил Малкович.

— Не успел. Только женился.

— А чего жену не прихватил с собой?

— Куда? В этот крысятник? Да и работу не может оставить — потом не устроишься, — печально произнес Саша.

Крысы, будто почуяв, что про них вспомнили, с новой силой зашуршали по круглым стенам вагончика. Одна вылезла в дыру и обнюхивала воздух. Пахло жареными котлетами, приготовленными несколько ранее Светланой на электрической маленькой плитке. Вадим Смирнов, стараясь как можно тише, достал пистолет. Раздался выстрел. Попал. Через минуту в комнату осторожно зашел огромный черный гладкошерстый пес Джохар и утащил убитую крысу. Смирнов по-киношному дунул в дуло пистолета, положил его рядом:

— Жена у Гарика — изнеженная барышня. Не такая как моя Светка — через все огни и воды ко мне доберется. Ничего не боится.

— А тебе оно видимо надо! Проверяет она тебя своим неожиданным появлением. Вдруг ты ей изменяешь? — проговорил Малкович.

— Пусть проверяет. Все равно правды не узнает. Даже если что-нибудь услышит про меня, не уйдет. Куда ей с детьми?

— А прапорщица-то ничего! Очень даже сексуальная! — оскалил ровные белые зубы Малкович.

— Но-но! Попрошу не выражаться! — играя ревнивого соперника, схватился за пистолет Смирнов.

— Ну, вы тут сами разбирайтесь, а я умываю руки и сматываю удочки, — произнес, смеясь и вставая, Гаров.

— Куда ты? — спросил Смирнов. — А кто будет моим секундантом?

— Да пойду ребят проверю. Задание дал — вычистить баню, убрать под навесом. А то страшно подойти! Порядок солдаты у меня наводят, короче говоря.

— Эт правильно. Иди-иди, проверь. — Смирнов замолчал. Дождлся, пока Гаров закрыл за собой дверь. Повернулся к Малковичу: — Смурной он какой-то ходит. Тоска у него. Наслаждаться жизнью еще не научился. Верность хранит. По-честному думает прожить... Трудно ему будет...

— А ты не жалея. Чем можем — поможем парню. Идет? — Малкович заговорщицки подмигнул Смирнову. — У меня тут план один созрел. Смотри

сюда!

Андрей достал чернильную ручку «паркер», залихватски схватил какой-то неиспользованный бланк со стола и стал чертить круги:

— Видишь? Это строительная фирма «Кентавр». Она должна была выполнить строительные работы в порту Ейска. Не уложилась в срок. Сейчас на грани банкротства. Я приезжаю, оплачиваю векселями заказчику то, что не выполнил «Кентавр». «Кентавр» — должен мне! Я даю ему время заработать. Через год фирма возвратит мне эту сумму с процентами. Или дом мне на побережье построит. Бум строить порт? А, Смирнов? — Малкович слегка толкнул плечом рядом сидящего майора.

— Ты-то может и будешь. А я причем? Нам в Грозном — стрелять всякую тварь, не перестрелять!

— Это одно, — воодушевленно продолжал Малкович, не замечая ответа Смирнова. — В Волгограде у меня есть подружка — замша начальника УКСа. Она уже кое-что подписала. Сейчас еще с ее помощью взаимозачетом закрою долг УКСа перед вкладчиками долевого строительства. УКС — должен мне! Через год-два потребую с них квартиры на сумму с процентами. Как? Квартира тебе нужна? А, Вадим Геннадьевич? Или ждешь, что государство о твоей верной службе вспомнит? Детям твоим крышу над головой предоставит? Где они сейчас у тебя, кстати?

— В Ставрополе, в общежитии. С соседкой по комнате остались.

— Ты подумай, подумай! Жить в этой стране можно! Если хотеть. А ты ведь не хочешь, майор. А? Не ждать надо, а брать! Причем легко, весело, с достоинством! И Гарика твоего с собой возьмем.

— Гарика хоть не тронь! Не дам испортить парня. Да и сам не поеду.

— Ладно. Жизнь покажет, кто прав. Ключи привезу тебе в следующий раз от квартиры в Москве. И тогда не поедешь со мной?

— Зачем мне в Москве? Я в Ростове получу. В очереди стою.

— Сколько?

— Что — сколько?

— Сколько стоишь?

— Пять лет.

— Ну еще двадцать пять простишь!.. Верно говорю, Светлана? — игриво обратился Малкович к зашедшей жене Смирнова.

— Хватит вам тут шептаться. Небось, нас женщин все обсуждаете? Пойдемте котлеты есть — остынут ведь... И когда ты, Андрюха, женишься? Ездишь все — моего соблазняешь...

— Соблазнишь его! Я ему — посмотри на эту, на другую! А он — отстань, да отстань. Жену, говорит, одну люблю.

Смирнов незаметно, шутя, ударил Малковича кулаком поддых.

ГЛАВА 11

Лариса Ивановна Гарова нажала кнопку звонка, выведенного за калитку плотного высокого забора. Раздался лай короткошерстного «боксера» Ван Дамма, затем — голос Валериной матери:

— Место! Я сказала — место! Молчать! Да заткнешься ты, наконец? Чертов Ван Дамм.

Постепенно лай затих. Видимо, хозяйка сумела загнать псину в вольер. Раздались шаркающие приближающиеся шаги. Открыв, новая родственница не смогла сдержать разочарованного зевка:

— А! Это ты? Что-то случилось?

— Да нет. Я — к Валерии, — тон Ларисы Ивановны получился какой-то оправдательный.

Не пожелав продолжать разговор, хозяйка двухэтажного дома кивнула головой, показывая, что можно зайти. Захлопнула калитку, направляя взгляд все время куда-то поверх Ларисы Ивановны или сквозь нее.

На балкон вышла Валерия:

— Ма-а! Кто там?

— К тебе. Не можешь задницу поднять, чтобы самой выйти? Я со своим давлением должна бегать на все звонки? — высокомерно выговаривала дочери высокая крупная женщина с крашеными белыми волосами, заходя в дом. — И Шварценеггера своего не забудь покормить. Разорвать меня готов. Еле успокоился.

В прихожую вышел огромный персидский кот. Мать Валерии — Людмила Гавриловна Лаврова — томно подняла его на руки: «У! Ты мой хорошенький! Лапусенька!» — и прошла в зал. Лариса Ивановна шла следом. Остановившись перед круговой лестницей, она не знала, подниматься ли ей, или Валерия спустится сама. Как будто услышав ее мысли, Валерия перегнулась через перила:

— Поднимайтесь, Лариса Ивановна.

Запыхавшись, мать Александра сразу плюхнулась в кресло. Тонкие губы Валерии незаметно растянулись в улыбке. Она села напротив:

— Что-нибудь случилось?

— Ну почему сразу случилось? Все хорошо. Саша передал со знакомым письмо и деньги.

— Какие деньги?

— Он получил первую зарплату. Написал, чтобы тебе отдала. Хочешь, на книжку положи. А хочешь — купи что-нибудь.

Лариса Ивановна собиралась рассказать о письме сына. Но ее поразил железный тон снохи:

— Я денег не возьму. Мне ничего не нужно.

Лариса Ивановна осеклась. Она не понимала, что произошло. Неведомые силы подняли ее с кресла. Находясь в каком-то оцепенении, она едва слышно прошептала:

— Хорошо. Я пойду. До свидания.

И не будет она ничего рассказывать. Что-то не хочется.

Валерия не поняла, почему свекровь вдруг переменила свое намерение.

— Куда вы?.. Лариса Ивановна?

«Она даже мамой меня не зовет».

— У вас тут кот в туалет сходил на ковер, — выходя к лестнице, так же тихо произнесла Лариса Ивановна, оставляя вопросы Валерии без ответа.

— А?.. Да пускай... Давайте чай попьем! Куда же вы?

— Спасибо, Лерочка. Не стоит волноваться. Всего доброго, — Лариса Ивановна почти выбежала за калитку.

Никогда в жизни она не пересечет порог этого холодного дома! Никогда.

ГЛАВА 12

— Гаров! Да не дозвонишься ты! Вторые сутки не соединяют даже с Ростовом. В Моздок колонну не могу отправить. А ты говоришь — жена.., — четко печатал каждое слово начальник управления работ.

— Михал Андреич, прошу разрешить мне попробовать. Очень нужно. Ведь дома каждому слову телевизионщиков верят. Волнуются.

— Ох, Гаров! Волнуются? Ладно, в порядке исключения разрешаю. Как лучшему сопровождающему колонн. Только не особо распространяйся потом, если дозвонишься. А то желающих — знаешь сколько!?

Тучный подполковник вышел отнюдь не из-за деликатности. Его ждали за праздничным столом. Если верить календарю — то наступило седьмое ноября.

— Алле, алле, папа, это вы? Здравствуйте. Это Саша. Лера дома?

Мрачное «минуту» больно резануло слух. Минуту — и все. Ни «как ты», «ни здравствуй».

— О? Сашка? — весело спросила «трубка».

— Привет, Лерк, слушай, у меня мало времени. Могут разъединить в любую минуту. У меня все в порядке. Телек не смотри — с журналистами тут никто не разговаривает — они и придумывают разные ужасы.

— А я и не смотрю, — прошептала «трубка».

— Да? — переспросил Гаров. — А чем ты занимаешься?

— Вчера с предками только вернулись из Сочи. Маман загорела — жуть. Теперь мучится со своим давлением. Папка собирается стать депутатом. Представляешь?..

— Зайка, извини, не могу долго разговаривать...

— М-м-м. Ты когда приедешь-то?

— Надеюсь, через месяца два смогу выбраться. Ты к маме моей сходи. Скажи, что я звонил. Может, поживешь у нее?

— Да ну-у-у, неудобно как-то, — протянула Лера.

Гаров едва сдержался, чтобы не бросить трубку. Неудобно! Его жене неудобно жить с его матерью! О том, чтобы поддержать мать морально, да и просто помочь в хозяйстве, мысли и не возникает.

— Все, Валер, время вышло... — устало проговорил Гаров.

— Хм, пока... ту-ту-ту...

Неслышно вошедший прапорщик Мердыев похлопал Гарова по плечу:

— Ты трубку-то положи, вдруг звонить будут?.. Что дома? Ты счастливчик, если дозвонился.

Гаров нервно сжал связку ключей, лежавших на столе:

— Да каюк, просто каюк...

И поспешил уйти, чтобы не объясняться с другими на личные темы.

За столом собрались почти все. Жены надели красивые платья. Мужья — ордена. Опоздавшему Гарову освободили место рядом с прапорщицей Любой Антоновой. Она тут же взяла над ним шефство. Но Александр отказался от выпивки и многочисленных салатов. На заботливые Любочкины вопросы отвечал односложно. Поведение ее было оправдано тем, что по правую руку от нее находился Вадим Смирнов с супругой Светланой. Люба чувствовала себя не ахти как. Попыталась соблазнить Гарова в отместку Смирнову. Пригласив его на медленный танец, Любочка, расчувствовавшись под песню Талькова, особо страстно прижималась к Гарову на словах «...Ты придешь, но будет поздно...».

Гаров вначале не реагировал никак. Потом, почувствовав, что что-то в нем отвечает взаимностью упругим бугоркам без лифчика на теле Антоновой, несколько отодвинулся. А когда «Летний дождь» прозвучал последним аккордом, ринулся на улицу.

— Ты куда, Саша? — ласково произнесла Любовь.

— Пойду воздухом подышу. Душно здесь чего-то.

— Я с тобой. Можно?

— Ну, пойдем.

Конец сего внезапно возникшего влечения двух тел был на мази. Антонова, предвкушая предстоящее, притворилась пьяной. Схватила Гарова под руку. Но почувствовала, как ее другую руку взял... Кто?.. Смирнов!

Смирнов не вытерпел. Вышел следом, в темноту, оставив свою разговорчивую Светлану болтать с женой Никишова.

— И куда мы собрались? Голубки?

Антонова не растерялась:

— Я что — не имею права гулять с кем хочу? Иди-ка ты, товарищ майор, к своей Светочке...

Смирнов шепнул Гарову:

— Слышь, оставь нас, а? Мы тут немного пообщаемся.

Гаров возвращаться не стал. Пошел спать. Но так и не смог уснуть. Вышел снова на улицу. Звезды мерцали. Откуда-то из сарая доносился шепот голосов Смирнова и Антоновой. Потом стихли. Майор вскоре вышел, затягивая ремень. На прощанье бросил в темный проем, оставшийся позади: «Смотри у меня! Увижу с кем — накажу!». Не замечая Гарова, Смирнов, проходя мимо, сам себе под нос буркнул: «Хм! Гарова она захотела! Щас!».

Тишина накрыла все вокруг. И только ракетницы, летящие стрелой в ночное небо, изредка ее нарушали. К сидящему на ступеньках вагончика Александру Гарову подошел Джохар. Уткнулся мокрым носом ему в грудь. Человек крепко обнял собаку, как будто зверь мог понять его тоску...

ГЛАВА 13

Даша Свириденко вышла на балкон. Где-то вдалеке темноту рассекал салют. Ночной мрак непонятным образом соотносился в Дашиных мыслях с тем, что происходило за ее спиной — в квартире, подаренной молодой паре свекром со свекровью. Новоселье, приуроченное к седьмому ноября, было в разгаре. Тост за тостом, анекдоты, смех, водка, разбитая посуда...

— Где хозяйка? Вы не слышали, как она поет? Она у нас — певица! — хвалился свекор перед гостями.

— Да? — ответил чей-то пьяный мужской голос. — А что она поет?.. Пусть про соловья споет.

— Какого тебе соловья? — ответила резвая, не смотря на полноту, тетка с красным от выпивки лицом. — «Виновата ли я» ваша «хозяйка» может? А?

И тут же не дожидаясь ответа, заголосила. Пьяная компания подхватила «...что люблю...». Даша присела на корточки, закрыла уши ладонями, и слова сами собой стали складываться в рифмованный узор:

«...Среди шумной бесстыжей борьбы
За конфетки игрушечной власти
Сын растет. И уже у судьбы
Я прошу не себе — ЕМУ счастья...»

— Дашк! Ты че тут делаешь? Дашк! — выскочил на балкон разгоряченный супруг.

— Я? Я стихи пишу, — улыбаясь, ответила девушка.

— Что? Пойдем. Замерзнешь ведь. Чего ты ушла?

— Подожди! Давай чуть-чуть постоим. Смотри — вон Млечный Путь. Интересно, есть там кто-нибудь живой? Такой, как человек?

— Посюсюкаться захотелось? Ну и Млечный Путь. Ну и что из этого? Какая разница, есть там кто, или нет? Меня больше волнует мое распределение. Твоя тетя Галя, между прочим, еще месяц назад обещала переговорить об этом со своим сыночком — полковником. Ну и где?

— Да ведь целый год впереди!

— Это так кажется, что времени много. А оно пролетит — не заметишь. И что — в Грозный прикажешь ехать? Сына без кормильца хочешь оставить? Да? Может, ты меня не любишь, а? Может, тебе в напряг мои предки? Чего ты сюда ушла, а? Макса мамаше своей заранее оттащила! Что — моя мама не умеет с детьми обращаться?

— Саш! Два месяца ему! Маленький! Зачем он на этой пьянке?

— Все! Не хочу ничего слышать! Хочешь здесь торчать — оставайся! — стекло в балконной двери зазвенело. Александр Свириденко хлопнул ею с силой, от души.

— Я выдержу! Выдержу! Выдержу! Я сильная! Сильная! Сильная! Все будет хорошо! Хорошо! Хорошо! — сжав кулаки, твердила Даша. — Боженька, пожалуйста! Пусть все будет хорошо! — но слезы не удержались в глазах.

Молодая красивая женщина смотрела на звезды и умоляла о счастье. Для себя. Для сына. Для мамы. Для всех людей на земном шаре.

ГЛАВА 14

Начинался 1996 год. Малкович думал. Крепко думал.

Проблема №1 — скрыть доходы фирмы, зарегистрированной в Москве как «Малкович и К». Проблема №2 — отвязаться от «ореховской» группировки, которая упала ему на хвост с предложением быть «крышей» его фирмы. Проблема №3 — шантаж бывших двух «друзей» по бизнесу с требованиями «подарить» им квартиры в Москве. Проблема №4 — Жанна, с которой он встречался на протяжении последнего года в Питере, забеременела.

Болела голова. Нужно было что-то предпринимать. Что?

Малкович снял трубку телефона. Набрал номер. Ответила Жанна. Андрей не стал говорить сразу. Слушал красивый голос любимой женщины. Мягкий, кошачий, с предыханием. Он действительно любил ее.

— Почему вы молчите?.. Алло...

Малкович представил ее коварные розовые пухлые губы, ласково, умело целующие всего его. Представил ее обнаженную, прижимающуюся к нему тонкой белой кожей. Как она обнимает его!.. В тумане... Туман! Он все больше обволакивал Малковича. Он же видел ее в тумане во сне! Чувство страха как молния пронзило Малковича: «Это была не Жанна! Не Жанна! Со скалы упала тогда Мата Хари. Но не Жанна. Нет.»

Малкович встряхнулся. Но сердце ныло.

— Алло! Жанна, это я, — получилось устало, тяжело, глухо.

— Я знала, что ты. Просто боялась спросить: вдруг все-таки муж?

— А он не дома?

— Уехал. Вчера. В Ганновер...

— Как ты?

— Хорошо.

— Правда?

— Конечно.

— Что решила? — осторожно произнес Андрей.

— ...Андрюш, ты не обижайся только. Я была сегодня у врача...

— ...И что?

— Ребенка не будет.

— Не будет? — еще тише отозвался Малкович.

— Ну вот, я знала, что ты расстроишься... Ты где сейчас? В Москве?

— Да... Почему ты это сделала?

— Андрюшечка! Ну перестань! Не трави душу. Зачем я тебе? Замужняя старуха с двумя детьми?

— Ты не старуха.

— Я старше тебя. На десять лет. От этого никуда не денешься.

— Я люблю тебя.

— Андрей! Милый! Прости... Прости меня!..

Она плакала в трубку.

— Не надо. Не плачь. Я к тебе приеду.

— Когда?

— Сейчас.

— Ты купил самолет?

— Не потеряла чувство юмора. Это радует... Я сейчас выезжаю. Позвоню.

Давай... Пока?..

— Пока...

Малкович вышел из своего кабинета. Арендуемый им офис на Арбате состоял из двух комнат. В соседней, не смотря на поздний час, еще работали.

— Андрей, ты куда сейчас?

— Я в Питер.

— Когда назад?

— Послезавтра.

— Что делать с «ореховскими»?

— Скажи, никак не можешь со мной связаться. В понедельник вернусь — решим.

ГЛАВА 15

Счастье Даши Свириденко заключалось только в растущем и уже говорящем сыне. Кроха маму не разочаровывал: то новогоднюю елку на себя перевернет, то с испугу начнет впервые говорить вместо ожидаемого «мама» – «баба». Курсант Свириденко успешно закончил училище. И искал возможность наилучшего распределения где-нибудь недалеко от родного Ростова. Отдохнув в отпуске летом, отправился на службу. Через две недели Даша получила письмо.

«Дорогая моя, ненаглядная женушка! Это письмо, возможно, станет последним в моей жизни. Я взял направление в город Грозный. Других вариантов не было. Сын твоей тети Гали так ничего и не сделал. Сказал, что нужно было взятку дать. Но ты не расстраивайся: в случае моей гибели вы с Максом получите денежную компенсацию. А если выживу – тоже заработаю неплохо. Надейся на лучшее. Твой Санек. Люблю. Целую. Прощай».

Появление Александра Свириденко в Грозненской комендатуре аэропорта «Северного» совпало с внезапным наступлением «боевиков». В начале августа колонна возвращалась из Ханкалы в аэропорт по Моздокской улице. Свириденко с Гаровым ехали открыто, не прячась, на первом БТР-е. Свиста неожиданной пули слышно не было за шумом машин. Свириденко как раз повернул голову к Гарову, начал что-то кричать. Гаров не расслышал и чуть подался вперед. В это время Свириденко вдруг протянул руку и стянул с последнего косынку цвета хаки. На самом ее краю угла дымилась крохотная дырочка. Гаров посмотрел на нее, и чувство гневной силы накрыло его всего как океанской штормовой волной. Свириденко среагировал быстрее – резко встал, выстрелил в воздух. Затем парни вдвоем, по очереди, прыгнули в люк и закрылись. Больше никто не стрелял. Пока не стрелял.

От танковых гусениц в воздух поднимался рыжий песок, который ни с каким больше не спутаешь – пыльный, прожженный, чеченский песок. Прошло минут пять. Вокруг не было ни души. Местные жители, которые часто раньше встречались – грязные оборванные мальчишки, торгующие женщины в темных одеждах – незаметно исчезли. Во всех пяти танках молчали, ожидая нападения противников. Оставался километр до автошколы ДОСААФ, где располагались подразделения федеральных сил. Хотелось поскорее добраться к своим.

Из девятой городской больницы вышел старик-чеченец и стал усиленно махать руками, показывая в сторону наших танков какие-то знаки. Видимо, звал к себе. Гаров успел спросить Свириденко о том, что делать, как вместо ответа раздались выстрелы. Мишенью оказался дед. Раненый в руку, он скрылся за стенами клиники.

Пули полетели, казалось, со всех сторон. Так же и отстреливаться пришлось: вокруг себя. Но постепенно поняли — больница единственное место, откуда огня не было. Танки стали пятиться к зданию. Один из них взорвался, едва Смирнов с двумя солдатами выскочил и скрылся в дверном проеме. Свириденко крикнул Гарову: «Уходи! Прикрою!». Гаров заскочил в больницу и наткнулся на Смирнова, ругающегося с какими-то людьми в белых халатах. Из их крика понял, что они здесь главные, и что они отказывают им в укрытии за больничными стенами.

Отстреливаясь, спиной уткнулся в спину Гарову Александр Свириденко. Развернулся:

— Я не понял! Что здесь происходит? Вы чего столпились? Что — места мало? Хотите, чтоб нас поубивали нахер? Там счас Рыжов еще в танке с парнями...

— Я сказал: нет! — оборвал возгласы лейтенанта один из врачей. — Мы никому не даем убежища. Мы — больница! И вести военные действия на нашей территории ни кому не позволим. У нас — больше трехсот пациентов! Мы должны их лечить! А ваше присутствие поставит под угрозу их жизнь! Многие из них не могут встать на ноги. В здании находятся люди, которым приходится за ними ухаживать. Они все мирные жители. А дети? Вам не жалко детей? Находясь в здании, вы подпишите им смертный приговор! Как еще вам объяснить? Уходите!

На фоне непрекращающейся стрельбы раздался взрыв гранаты. Дверь, итак свободно болтающуюся на петлях, снесло взрывной волной. Через секунду в нее протиснулся Рыжов, весь в крови и копоты, несущий на своих плечах одного из солдат. Смирнов заорал так, что даже Гаров со Свириденко переглянулись — никогда таким майора не видели:

— Как там тебя: Мовсар, Умар?.. Мне без разницы! Но ты ведь, сука, — врач! Перед тобой раненый! И ты сейчас прикажешь своим сестричкам немедленно оказать ему необходимую помощь!

Заметив у врача отрицательное мотание головой и желание ответить, Смирнов закричал еще резче, передергивая одновременно затвор автомата и направляя его на видневшиеся вдали коридора палаты:

— Ты не понял, врач? Ты не понял? Я за себя не отвечаю, я — чокнутый, я всех сейчас здесь положу, мало не покажется! Я за своих ребят глотку любому перегрызу! Так что давай шевелись быстрее!

Врач тяжело вздохнул и стал что-то по-чеченски доказывать тем, кто стоял рядом с ним. Смирнов перебил:

— При мне говорить только на русском! — И, как когда-то киношный Жеглов, добавил: — Я сказал.

Один из чеченцев направился вглубь коридора, к лестнице, ведущей в подвал.

— Гаров, Свириденко! — скомандовал майор. — Сопроводите товарища...

— Умара, — подсказал врач. — Умар — хирург. Ведите своего раненого с ним.

Гаров подхватил тяжелую ношу с плеч Рыжова на свои. Свириденко, держа автомат перед собой, шел за Умаром, за ним — Гаров с раненым. Спускаясь в подвал, они то и дело встречали молоденьких медсестер. Девушки не стеснялись в выражениях, высказывая свое отношение к русским, и Свириденко пришлось пару раз выстрелить рядом с ними. Картинно причитая, девушки бросились убегать.

ГЛАВА 16

Обойдя всю территорию больницы и не заметив ничего подозрительного, Смирнов с ребятами засел в сыром подвале, куда перебралась большая часть больных из-за минометного обстрела здания «боевиками». В который раз майор попытался связаться по рации с федералами из ДОСААФА. Сквозь шип и хрип состоялась долгожданная связь двух командиров. Смирнов просил помощи, но тот, другой командир, в поддержке им отказал, посоветовал: «Держитесь!». Майор обвел взглядом своих, задержал взгляд на перевязанном солдате. Все ждали, какое майор примет решение.

— Будем обороняться сами, — уныло выдохнул Смирнов. — Гаров, расставь ребят по этажам. Никого из больницы не выпускать. Наблюдать за улицей.

К вечеру все входы и выходы больницы были заминированы. Гаров заглянул в одну из комнат на первом этаже — единственную оставшуюся неприкрытой. Окна ее вели во двор, откуда в здание приносили воду и продукты из пищеблока. У окна стоял спиной к Гарову старик с перебинтованной рукой. Александр шагнул внутрь, и в оконном проеме увидел двух девушек в черном, пригнувшись, бегущих от больницы.

Гаров выхватил из кармана разгрузки пистолет, подскочил к окну, намереваясь стрелять, закричал: «Куда? Назад!». Дед развернулся и ахнул:

— Вот и свиделись, лейтенантик!

На Гарова смотрел старик из самолета, с которым он летел в Грозный. Раздумывать было некогда:

— Дед! Потом поговорим! — Гаров направил пистолет на бежавших чеченок. Но дед схватил его руку, и выстрел ушел вправо.

— Дед? Ты чего? Они же завтра с подкреплением нас убивать придут! Знают ведь, как нас здесь мало. — Гаров с силой оттолкнул руку старика и снова прицелился.

В это время одна из чеченок развернулась, держа в руках автомат Калашникова. Дед, покачнувшись, набросился на Гарова, силой всего своего тела пытаясь изменить направление руки с пистолетом:

— Лейтенантик! Внучка то моя! Зуля! Приехала, а тут — та... — не успел договорить дед. Автоматная очередь прошла его, повиснувшего на руке Гарова, почти насквозь. Теперь Гаров подхватил старика и упал вместе с ним на деревянный пол. Дед смотрел широко раскрытыми глазами на Гарова:

— Зуля там, лейтенантик... Не стреляй... Не надо... Пусть она живет... Она красавица у меня... — голова старика вдруг задержалась, жадно ища воздуха и как будто не находя его.

— Дед! — Гаров с трудом сдерживал слезы. — Дед! Не умирай! Де-ед! Это же она сейчас стреляла! Она тебя убила! Де-ед! — совсем уже по-мальчишески плакал Гаров.

Старик, наконец, вздохнул, сухими потрескавшимися губами прошептал: «Ни... но...», голова его повернулась набок и застыла.

На выстрелы примчался Свириденко с двумя солдатами:

— Санек! Что? Живой?

Спрятавшись за стеной у окна, он направил автоматную очередь во двор.

— Не стреляй, — сказал Гаров, закрывая глаза старика. Смахнул одним движением свои слезы, встал.

Свириденко удивленно посмотрел на него:

— Не стрелять? Почему? Гаров! Что происходит?

— Просто прошу тебя: не стреляй!

— Гаров! Ты е.....ся совсем?!... Ну ок! Не буду.

Спустя часа два после этого события, когда совсем стемнело, к Смирнову подошли знакомые врачи:

— Чеченцы сказали, если ты со своими уберешься этой ночью, они нас не тронут. Уйди! В подвале от грязи и спертого воздуха умерли десять больных...

— Ты откуда имеешь такие сведения? От кого? — схватил его за грудки Смирнов. — Посылал к «боевикам» своих людей? Посылал? Говори!

Врач упрямо молчал. Сверху раздался истеричный женский вопль. Зуля, вернувшись и доложив предложение чеченцев, снова уходя, наткнулась на тело деда. Она долго громко оплакивала его.

Ее не стали трогать из-за Гарова, твердо сдержавшего натиск друзей. Он и сам не понимал, почему так поступает. Просто не смог по-другому. Внутри все переворачивалось, его коробил ее плач, но вспоминал слова и взгляд старика, и они оказывались сильнее всех отношений со Смирновым, Свириденко... Хотя, кажется, Смирнов его понял... Ей дали уйти со словами майора о том, что ночевать они останутся в больнице.

— Так и скажи им, девочка: и среди нас могут оказаться басаевы, захватывавшие буденновские больницы...

В три часа ночи, когда больные спали, Смирнов по-тихому сообщил всем:

— Уходим по двое с перерывом в пятнадцать минут, в одежде чеченок, завернув лицо платком, незаметно. Я — последний. Прорываемся к зданию автошколы. Как-нибудь пройдем. Желательно не стрелять, стараться не привлекать к себе внимание. При встрече с противником использовать штык-нож.

...Дошли, как позднее выяснилось, все.

ГЛАВА 17

В начале октября Дашу разбудил ранний звонок телефона. Незнакомый приятный веселый мужской голос предложил встретиться.

— А вы собственно кто? — недоверчиво поинтересовалась девушка.

— Я — маг-чародей, который сделает Дарью Свириденко богатой и счастливой.

— Кто? Какой мак?

— Не мак, а маг! В смысле «чародей»! Волшебник. Никогда волшебников не видела?

— Нет, — совершенно ничего не понимая, машинально ответила Даша.

— Волшебники — это те люди, которые делают чудеса. Понятно, что тебя ждет при встрече со мной?

— Понятно, — осторожно ответила девушка. — Хотя и не совсем.

В это время проснулся и заплакал ребенок.

— Максик, я здесь! — крикнула Даша.

— Вообще, ближайšie полчаса ты дома?

— Дома. А что?

— Значит, я подъеду.

— Зачем?

— Я же сказал: чтоб сотворить чудо. До встречи.

— Алле! Подождите! — Даша не успела больше ничего сказать: незнакомец положил трубку.

Ровно через полчаса раздался звонок в дверь. Даша открыла. На пороге стоял симпатичный темноволосый мужчина в черном джинсовом костюме. Энергия добра, так активно излучаемая «волшебником», окончательно сразила Дашу. Она опустила глаза.

— А всегда так двери, не спрашивая, открываешь?

— Всегда.

— Не надо. Нужно спрашивать. Народу всякого полно. Осторожность никому еще не вредила.

— Вы собственно как раз и есть тот, кого следует опасаться? Ну так всего хорошего.

Даша с грозным видом попыталась захлопнуть дверь, но незванный гость протянул в разъем руку.

— Стоп! Меня зовут Александр Гаров. Можно на «ты». Я только что из Грозного. Еду в отпуск, в Краснодарский край. По пути Александр Свириденко попросил меня заехать к тебе. Знаешь такого?

Даша улыбнулась.

— Так вот он передал тебе деньги и письмо. Полагаю, в нем написаны слова любви и верности.

Гаров протянул бумажный сверток.

— А это кто такой? — Гаров повернулся к дверному проему зала. Оттуда шагал нетвердой походкой годовалый Макс. Мальчик широко раскрытыми глазами смотрел на незнакомого дяденьку.

— Чей это пузатик? А? Мамин или папин? — Гаров протянул руки навстречу Макс и поднял его над собой.

Ребенок смешно задрыгал ножками и захохотал.

— Ух, ты, толстячок! Максик тебя зовут? Да?

— Что мы на пороге стоим? Проходи. Я сейчас чай поставлю. У меня там салат остался. Пельмени еще сварю.

— Пельмени? Пельмени! Вай-вай-вай! Как я хочу пельмени!

— Заходи в зал. Там телевизор включай. Я сейчас быстренько приготовлю. У тебя поезд или автобус?

— Автобус.

— Когда?

— Вечером...

— У меня все. Прошу на кухню, — проговорила Даша, заходя в зал через пятнадцать минут.

В телевизоре заканчивалась «Утренняя почта». Александр Гаров сидел на диване, приобняв ковыряющегося в «лего» пацана, и... спал.

Даша осторожно вытащила из тяжелой руки со вздутыми венами пульт и приглушила звук. Повернулась и стала разглядывать Александра.

— Так вот вы какие — волшебники! — тихонько улыбнулась, боясь нарушить идиллию.

Мальчик, заметив ее, протянул руки:

— Ма-ма! Во-сь-ми ми-ня!

— Тсс, тихо, Макс! Видишь, дядя Саша спит. Он устал. Он на войне был. Нас с тобой защищал. Как папа. Пойдем, я тебя покормлю. Пойдем? — Даша осторожно взяла сына и унесла на кухню.

ГЛАВА 18

Гаров сидел в автобусе. Ощущение семейного уюта, возникшего в квартире у Даши Свириденко, исчезало по мере того, как он приближался к своей станице. Вдруг стало себя жалко. Будет ли когда-нибудь тепло в его семье? Если родится ребенок, что-то изменится? Вряд ли. Валерия сейчас уделяет внимание только себе, а потом и подавно не будет считаться с его потребностями — совершенно естественными, обычными. Неужели это так трудно — СЛЫШАТЬ человека, который рядом? Она просто привыкла, что ее желания всегда исполнялись родителями. Она не знает, что значит любить. Любить — в первую очередь отдавать. Всего себя. Без остатка. Без оглядки. Ничего не требуя взамен. Валерия так не умеет. Гаров поймал себя на мысли, что совершенно не желает встречаться с ней и ее родителями. Как будто не жена она ему. Отчуждение... Когда впервые он почувствовал, что они отдаляются друг от друга? Отдаляются! Да, может, они и не были никогда близки? Просто спали вместе. А теперь пелена сексуального влечения спала, и что? А ведь ничего и не осталось, связывающего их вместе. Разве что штамп в паспорте...

Лариса Ивановна обомлела: на пороге стоял сын, ее родной, любимый, единственный сын, гордость и отдушина.

— Сынок! — смахнула непрошеную слезу со щеки. — Навсегда что ли приехал?

— Здравствуй, мама! Мамуля!.. — Гаров по-медвежьи сильно сжал ее в объятьях, приподнял и стал кружить.

— Что ты? Что ты? Отпусти, ненормальный! — как будто испугавшись, радостно закричала Лариса Ивановна.

— Ну как вы тут, мама? — опуская на крыльцо смеющуюся и плачущую одновременно женщину, спросил Гаров.

Лариса Ивановна ответила не сразу. Поняла, что сын имеет в виду их отношения с Валерией. Не хотелось его отпускать к ней сейчас. И говорить о невестке не хотелось.

— Пойдем, сынок, в дом. Ничего правда не готовила — не знала же, что счастье такое приключится. Хоть бы позвонил, или письмо написал. Но щц есть. Вчерашние. Будешь? За столом и поговорим.

— Да не хлопочи особо, ма! Меня так накормили в Ростове, что я до Динской еще не успел калории растряссти! Я вон смотри, какой у тебя толстый!

— Это кто же тебя там накормил? Кому ты еще кроме меня нужен? — рассмеялась Лариса Ивановна.

— Друга жена. Помнишь, я тебе писал, что к нам в комендатуру прибыл новенький лейтенант? Тоже Александр. Свириденко. Так у него в Ростове

семья — жена Даша и сын Максим. Вот к ним я и заезжал. Деньги отвез и Санькино письмо... А Валерия к тебе часто приходит?

— Да в магазине только и встречаемся, раз в неделю, — с горечью сказала Лариса Ивановна. — Я за чем-нибудь в очереди стою, а она зайдет: «Здрасьте, Лариса Ивановна! Как дела?». «Хорошо, — говорю. — Как у всех». Вот и весь сказ. Тяжко у меня на душе, Сашка, тяжело! Не знаю, как и быть. Не нравится мне, как вы живете, порознь. Ты — там, она — здесь, каждый сам по себе. Разве это семья? Ни детей, ни дома. От женщины многое зависит. Нужно чтобы тебе хотелось к ней возвращаться всегда, где бы ты ни был, где бы ты ни находился. А ты? Ты хочешь?

— Что?

— К ней приезжать?

— Хочу, наверное.

— Да если б ты хотел, Саша, ты бы сейчас не у меня на кухне сидел, а у нее. Что я — слепая что ли? Ничего не вижу? Боишься ты к ней идти, нет у тебя желания никакого...

Разговор прервала соседка, заглянувшая на огонек:

— Ой, Сашка приехал? Радость-то какая! И молчат! В гости не приглашают!

— Да погоди ты с гостями, — прервала соседку Лариса Ивановна, выпроваживая обратно. — Зашел парень только. Не успел с дороги ни поесть, как следует, ни искупаться. Завтра приходи в гости. А сейчас — извини!

— А Леруся-то знает, что приехал?

— Да не успели еще ничего и никуда. Вот суматошная!

— Ладно, ладно, пойду. Пусть отдыхает Санька. Не буду мешать.

— Иди-иди, завтра приходи.

— Ма! Ну что ты так? Пусть бы с нами посидела!

— Ну их всех в баню, сынок. Я по тебе соскучилась. А их всех не переслушаешь. Их много, а ты у меня один!.. Золотой мой! — Лариса Ивановна наклонилась над сыном и стала гладить его волосы. — А седых сколько! Откуда?

— Да, ма, на войне как на войне...

— Эх, сынок, сынок! Умру я, кто тебя пожалеет?

— Ты погоди умирать-то! Рановато...

ГЛАВА 19

Прапорщик Мердыев залетел в комендатуру как угорелый:

— Вы чего сидите? Не слышали ничего?

— Чего орешь-то? — Смирнов как всегда был невозмутим в любых ситуациях.

— «Вертушка» разбилась. Перед аэропортом. С Ростова летела.

— Так. Ясно. Плохо дело. Но взорвем и мы их не сегодня — так завтра. А чего ты нервничаешь? Мало вертолетов за последние дни падали?

— Так там Глушк-ко ле... тел... — Мердыев медленно стянул фуражку. — Из отпуска возвращался... Позвонил еще мне из Ростова три часа назад — вылетаю, мол... Сволочи! — прапорщик сел на табуретку и заплакал. Потом ударил кулаком по столу. — Га-ды! Пацан ведь был! Молодой!..

...Хоронить было нечего. Отправляли домой пустой гроб. Нашлись только отдельные обгорелые вещи. И все. Перед тем, как совсем распрощаться с любимым солдатом, Мердыев сбегал в казарму, вытащил из-под подушки помятую семистраничную детскую книжку «Три медведя» с картинками, положил на собранные вещи, оставшиеся от Романа Глушко. Даже привычный к смерти Смирнов не сдержался. Слеза медленно покатилась по его мужественному суровому лицу.

Странно как-то было без Глушко. Порой Смирнов забудется, захочет крикнуть: «Глушко, ко мне!» — потом опомнится, вздохнет тяжело и махнет рукой в сторону. Потому как устал он. Помоложе был — с Афгана равных не было: обходили стороной снаряды врага, не боялся он их, шел всегда легко навстречу опасности, рисковал немерено, шутил над своей удачливостью, над другими. А теперь устал от войны. Чувствительнее стал, что ли. Понял: пора завязывать. Написал Светлане в Ставрополь, что жди, мол, жена, вернусь при ближайшей возможности. Возможность представилась, правда, не скоро...

ГЛАВА 20

Гаров пришел к жене следующим утром. Первым встретил «папу», собирающегося на службу:

— А? Прибыл, вояка? Не всех еще проституток в Грозном перетрахал? — бросил на ходу и помчался дальше, с легкостью, совершенно не задумываясь о бестактности своего вопроса, вбивающей еще один гвоздь раздора в отношения молодых.

Гаров обомлел от подобной циничности. Хотел сразу развернуться и уйти. Но выплыла из ванной комнаты Валерия. В ночнушке и растрепанная:

— Я знаю, что ты приехал. Почему вчера не позвонил?

— А нужно было?

— А как ты себе семейную жизнь представляешь? Я — жена тебе! Не подружка. Ты приезжаешь после годовалого отсутствия, а я узнаю об этом случайно.

Гаров стоял в центре огромной входной комнаты. И даже под обстрелом он не чувствовал себя более хреново. Валерия обрушила на него весь пыл своей «обиды»:

— Представляешь, как я себя чувствовала перед знакомыми, которые зашли вчера вечером к маме и как бы, между прочим, обмолвились о твоём приезде? А я и стою, как дура!

Александр молчал. Не знал, что делать. Хотелось уйти. И ушел бы. Но Валерия вдруг сменила гнев на милость. Подошла, прижалась, обняла. Гаров продолжал стоять недвижимо, не реагируя никак. Потом схватил ее на руки и понес наверх, в спальню:

— Мать дома?

— Нет, уже в прокуратуре.

Александр стянул с Валерии короткий прозрачный халатик. Она лежала на кровати — худая и голая. Гаров молча рассматривал ее, сидя рядом. Потом протянул руку к ее соску. Она потянулась, как кошка. Он гладил ее. Постепенно взял ее правую кисть и опустил на самое интимное место. Валерия не сразу поняла, что он хочет. Но он не отпускал ее руку. И она начала гладить себя, ласкать, вводя палец все глубже и глубже. И, когда не осталось терпения, Гаров оттолкнул ее руку, лег сверху и стал лихорадочно освобождаться от одежды. Вошел. Валерия застонала. Гаров двигался навстречу ее бедрам сильно и энергично. Когда все закончилось, он оттолкнулся от женского тела, лег на спину рядом, закрыл глаза. Через пять минут Валерия потянулась к своему мужчине с попыткой «еще разок». Гаров мягко, но уверенно убрал ее руки со своей груди:

— Одевайся.

— Почему?

- Поедем на рынок. Хочу посмотреть, прицениться к машинам.
- Ты машину хочешь купить?
- Да, «девятку».
- Что, насовсем приехал?
- Нет. В отпуск.
- И что она — будет стоять ржаветь?
- Ну, может, я уволюсь из армии. Ты ж хочешь, что б я дома жил?
- Хочу.

ГЛАВА 21

Комендатура состояла из вагончика, бани, маленькой казармы, оружейной комнаты и деревянного туалета, огороженных высоким плотным забором. Александр Свириденко завтракал в вагончике вместе со Смирновым и Мердыевым. Снаружи слышался громкий лай Джохара и мужской рык заместителя начальника управления работ:

— Уберите собаку!.. Свириденко!.. Убери пса! Или я сейчас его прострелю!..

Александр было дернулся встать. Смирнов приказал:

— Сиди! Не хер ему тут делать. Зачем нам здесь подполковники? Тебе он нужен?

— Да нет.

— И мне не нужен. Пусть себе идет, куда шел. Ты его не слышал. Просто не слышал. Спал.

Подполковник Закиров — толстый седой усатый татарин — недолго соревновался в крике с собачьим лаем. Быстро надоело. Махнул рукой, ругнулся сквозь зубы конкретно на Свириденко и — в общем — на всю «элитную» комендатуру. И действительно пошел дальше — «куда шел» — к начальнику управления работ.

— Чего он тебя так не любит? — спросил Мердыев Александра.

— Откуда я знаю? — пожал плечами лейтенант Свириденко.

— Завидует, может? — поддержал разговор Смирнов.

— Чему? — удивился Свириденко.

— Да мне почему известно? Предположил. А вообще — ты болтаешь много. Мой тебе совет — трепись поменьше. Тут у нас все равны. Избранных нет. Будь проще, как все. И нос не задирай.

— Да-да, не задирай! — поддакнул Мердыев. — Сначала сделай чего-нибудь, а потом говори.

— Да вы чего? Двое на одного?

— Без обид, Сань! Настроение просто — ужас какое. Надоело все. Послать бы всех этих начальников к чертовой матери. Ты как? Пошлем?

— Не вопрос.

— Ну и отлично. Хоть бы Гаров скорее вернулся — с ним как-то спокойнее.

— Вернется он тебе. — Мердыев был уверен. — Сейчас с женой повстречается, ощутит, так сказать, прелесть родной женской ласки, и все: «Прощай, оружие!».

— И такое может быть. Только я его знаю — ни в жизнь он не будет держаться за женскую юбку. Не того склада. Эт тебе не Свириденко! — Смирнов подмигнул Мердыеву. Александр сделал вид, что шутка Смирнова его задела за живое:

— А причем тут Свириденко?

— Да при том. Письма жене каждый вечер пишешь?

— Пишу.

— А Гаров не пишет.

— И что? Из этого следует, что Свириденко держится за женскую юбку?

Просто я очень люблю свою жену. Может Гаров свою не любит?

— Да ладно тебе! Не кипятись. Детский сад прямо... «Ромашка»... Любит — не любит...

ГЛАВА 22

- Ой, ты?
 - Опять не спрашиваешь: кто?
 - Да чего мне бояться?
 - Ладно, дело твое. Можно?
 - Заходи, конечно. Ты уже обратно?
 - Да вот. Еду. А погода нелетная. Придется задержаться. Не знаю... Сейчас дождь у тебя переждет, можно? А потом — в гостиницу, наверно, придется.
 - Зачем? Переночуешь у нас.
 - А муж не заревнует?
 - Нет, что ты! В этом же нет ничего особенного?
 - Где Макс?
 - Спит. Тихий час у него. Пойдем на кухню.
 - Опять есть пельмени?
 - Пельменей, к сожалению, нет. Есть пирог с капустой.
 - Еще лучше. Сама пекла?
 - Ну а кто? Садись.
 - Сажусь.
 - Что дома нового?
 - Ничего. С родными, друзьями встретился. «Девятку» купил.
 - Да? Все успел?
 - Да... Все...
 - Саш, а там... в Грозном... очень страшно?
 - Ну, так... Не знаю... Страшно, наверно...
 - Я бы тоже хотела поехать. Возьми меня с собой!
 - Ты что? Свириденко потом из меня отбивную сделает!
 - Да ничего он не сделает.
 - Нет, Даш, не получится. Нельзя тебе туда. У тебя Макс маленький. Ну и стреляют там все-таки.
 - Всем можно — мне нельзя?
 - Не обижайся. Ты — классная. Моя Лерка наоборот — ни за что бы не поехала. Я сейчас увольняться из армии буду. Из-за нее.
 - Любишь ее?
 - Наверно.
 - Ой, Макс проснулся. Дай, пройду.
- Гаров вскочил со стула, закрывавшего выход в узкий коридор. Даша заторопилась, чуть не подскользнулась и попала в осторожные, но цепкие руки Александра. Она подняла голову, посмотрела ему в глаза.
- ...Я-а ...по-ой-ду ...Там... Ма-акс, — вдруг стала заикаться.
 - Иди, — Гаров не отрывал от нее взгляда.

— Так я пойду...

— Да... Иди... Конечно... — он опустил руки.

Даша стояла. Макс приковылял сам:

— Ма-ма!

— Да! Проснулся, котенок? — она наклонилась к нему, хотела взять на руки. Гаров опередил ее и поднял его сам:

— Привет, солдат! Как поживаешь?

— Не саль-тат. Не-а. Не-е, — замахал головой ребенок.

— Не солдат? Почему?

— Не-еть.

— Ну ладно. Не солдат.

— Ко-те-о-нек.

— Ты котенок?

— Дя. Мак-симь — коте-о-нек.

— Да вы оба мокрые! А я и не туда!

— Только по разным причинам!

— Ну а я-то подумала!.. Дождь сильный?

— Тучи надолго.

— Хочешь в ванну?

— Не помешало бы.

— Сейчас принесу полотенце.

Даша теперь избегала смотреть на Гарова. Да и он тоже.

Ночь прошла в каком-то странном состоянии, не знакомом ей раньше. Она долго не могла уснуть. Александру тоже не спалось. Но они оба тщательно скрывали это друг от друга. «Что же, что со мной происходит?» — волновалась девушка. А Александр вспоминал Леру, и невольно сравнивал ее с Дашей. «Жаль, что ты не моя женщина», — подумал он, представив Дашу обнаженной. И показушно всхрапнул.

Из окна сквозь незакрытые шторы рассеивался звездный свет. Млечный Путь убегал вдаль...

Часть II

ГЛАВА 23

Новый год встречали по домам: Смирнов — в Ставрополе, Свириденко — в Ростове, Гаров — в Динской. Итожа прошедший, никто не мог желать лучшего — остались живы. Смирнова и Свириденко ждала дальнейшая служба в Буденновске, куда выводили 293 УНР, а Гаров покинул армию насовсем.

Серый мрачный Буденновск нежданно свалился в размеренную домашнюю жизнь Даши Свириденко, меняя ее каким-то кардинально-операбельным путем. Словно ураган, ее муж заскочил однажды вечером домой: — Собирайся! — скомандовал он разгоряченно, энергично и поделовому продолжил, — Завтра утром чтоб сумки стояли вот здесь. — Указал на порог.

— Куда? Куда собираться? — недоуменно проследовала за убежавшим в ванную Александром Даша.

— Я договорился со Смирновым. Будет ехать мимо, захватит нас с собой. В семь утра будь готова.

Косолапой походкой медленно вышел из зала Максим и спокойно, как бы между прочим, произнес:

— О-о! Папа приехал...

— Да Макс! Папа за тобой приехал. Поедешь с папой в город Буденновск?

— Саш, ну ты как всегда, в своем репертуаре! Заранее нельзя было сообщить? Все у тебя с бухты-барахты!

— А чего? Матери я позвонил. Утром она заедет за ключом, пустит сюда пока квартирантов.

— Вот как?

— А чего? Деньги помешают что ли? Я там, между прочим, квартиру снял не за так даром!

— Значит, мой голос в этой семье ничего совсем не стоит? Все решается за меня.

— Слушай! Давай не будем! Квартиру кто покупал? Ты что ли?

— Ну да! Я — всего лишь бесправная роженица и нянька твоему сыну! Иждивенка у тебя на шее!

— Конечно! А то не так что ли? — усмехнулся горделиво возвышающийся в центре кухни мужчина. — Меня кормить кто-нибудь будет?

Даша закрыла за собой дверь в зал:

— Ну, как же так можно? Вроде не чужие люди! Куда мне складывать за одну ночь вот эту вазочку, подаренную лучшей подругой, вот эти книги с дарственными надписями друзей, мамы, родных, вот это постельное белье, вышитое мною с любовью? Ведь это же составляющие семейного уюта! Я все это люблю! Придут какие-то неизвестные квартиранты и будут все разглядывать, пользоваться! Ну, неужели нельзя было заранее меня

предупредить? Я бы отнесла часть вещей к маме, чтобы они сохранились! Со слезами на глазах Даша достала с антресоли огромную дорожную сумку и стала складывать в нее самое необходимое.

ГЛАВА 24

— Андрей! Мне нужен четкий ответ: да или нет? Либо ты идешь на наши условия, и твои орлы провозят оружие с наркотиками через Таджикистан, и у нас с тобой после этого мир, дружба, любовь и что там еще, — жвачка, что ли!? — с легким кавказским акцентом, не спеша, говорил полноватый мужчина в возрасте, завернутый в простыню.

У его ног, в миниатюрном бассейне, плескались две совершенно голые пятнадцатилетние девчушки. Они хохотали и брызгали друг на друга водой. Малкович тоже был завернут в простыню и сидел в мягком кожаном кресле, как и его собеседник.

— А если ответ будет отрицательным? — осторожно поинтересовался он.

— Значит, наша «ореховская» братва тебя «душить» будет, — произнес кавказец. — Обещаю: в Москве тебе не жить. И не только в ней... Ты ж пойми меня, Андрюша, правильно: не мои правила. Здесь так: хочешь жить красиво — послушай старших! Я, Андрюша, тебе не угрожаю, нет. Просто говорю. Ты, конечно, можешь, иногда спрятаться в Питере у своей бабенки — министерской женки...

На лице Малковича не шелохнулась ни одна мышца.

— Ты, наверно, удивлен моими познаниями?

Малкович продолжал сидеть с отрешенным взглядом.

— Молодец — хорошо держишься. Думаю, ты сделаешь правильный выбор.

Одна из девушек поднялась по лестнице бассейна и наклонилась к соседу Малковича. Взяв у него из рук бокал с «мартини», она отпила несколько глотков и поставила его на маленький столик с фруктами. Потом села на колени мужчины и стала гладить волосатую грудь его из-под сбившейся простыни.

— Какая она прелесть! Моя малышка! — слащаво произнес он. — Ну давай: сделай папочке хорошо!.. Какая нежная ручка!.. О-о-о!

Малкович поставил свой бокал с шампанским рядом с другим, встал, откинул простыню и спустился в воду. Ухватил плавающую вторую девицу за мокрую копну волос и притянул ее за голову к себе. Рассмотрев пристально красивое, слегка испуганное лицо, он прильнул губами к ее губам.

Когда все закончилось, Малкович снова занял свое место в кресле, обтеревшись предварительно широким дорогим полотенцем.

— Кисунь, на сегодня хватит! Папочка позвонит тебе, когда захочет еще. Идите, отдыхайте, девочки, хорошо поработали! — авторитет «ореховских» провожал смачным взглядом голые бедра удаляющихся проституток.

Малкович сидел с закрытыми глазами, полностью облокотившись на спинку кресла.

— Я согласен, — ответил он Багрозарову, не открывая глаз, когда стихли девичьи шаги.

ГЛАВА 25

Прошла уже четвертая неделя, как Гаров поселился в доме у родителей Валерии. И с каждым днем надежда устроиться на нормальную оплачиваемую работу таяла со скоростью пропорциональной окончательно исчезающим деньгам, полученным в Грозном. Период страха профессиональной невостребованности и нищеты, когда Александр оббегал все предприятия станицы в поисках рабочего места, сменился равнодушием, когда он тупо выполнял поручения по хозяйству своей жены и тещи.

Накануне Дня Советской Армии тесть позвонил домой и быстро затараторил:

— Александр! Давай бегом! Хватай трудовую книжку, паспорт, и лети в администрацию! Я тут переговорил кое с кем. Иван Захарыч пообещал посодействовать. Так что давай, не тяни резину! Через 10 минут — чтоб у меня! А лучше сразу — в 13-й кабинет. Ну и заскочи в магазин — коньячку ему, само собой, прихвати. Гаров с сумасшедшей скоростью прыгнул на сидение машины. Подъехал к магазину, купил, не задумываясь, самый дорогой коньяк, какой был. Плюхнулся снова за руль и... застрял. Любимая «девяточка» заглохла! После нескольких нервных попыток завестись, Гаров плюнул на все, закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

Минут пять он успокаивался. Затем взял себя в руки: «Ну! Миленькая! Заводись же!». И она от такой ласки, как будто живая, взяла и запыхтела, затрепетала...

— Вы куда? — остановила Гарова ярко крашеная всех возможных частей пышного тела женщина с перстнями на десяти пальцах рук.

«Интересно, — подумал Гаров. — На ногах у нее тоже кольца?».

— Я к Степан Захарычу! — бодро ответил Александр.

— Нет у нас таких, — рявкнула женщина, сотрясая грудью над столом.

— Как нет? — растерялся Гаров. Вышел за дверь, взглянул на табличку, и, увидев перепутанное имя, зашел обратно. За эти несколько секунд даме позвонили, и она со знанием дела стала подробно излагать что, как, зачем и почему нужно сделать. Гаров в предчувствии, что разговор ей предстоит долгий, присел на стул в углу у двери.

Секретарша, не замечая его, продолжала вещать томным голосом. Гаров достал листок бумаги и ручку. К тому времени, как женщина завершила беседу, Александр закончил свое художество «Обнаженная» в стиле Рубенса. На пальцах ног у нее тоже были массивные перстни.

— Молодой человек, — развернулась она к нему. — Я что-то не ясно сказала? Вы чего тут расселись? У меня, может, конфиденциальный разговор!

— Извините, Бога ради, что осмелился присутствовать при вашем тет-а-тет! И извините вдвойне, потому что я ошибся: я к ИВАНУ Захарычу.

— А-а-а! — протянула, внимательно разглядывая Гарова, секретарша, видимо пытаясь догадаться, кем же он может быть. — А Ивана Захаровича нет. Он с полчаса как уехал. А что вы хотели? По какому вопросу?

— Я по поводу трудоустройства. Мой тесть — Лавров Пал Петрович — договаривался насчет меня...

— Кто только не лезет во власть по блату! — ошарашила Гарова собеседница непоколебимостью собственного мнения. — Еще нам зятя Лавровых не хватало!

Александр опешил и не нашел ничего лучше как тут же удалиться молча. «Ласково» улыбнувшись, он попрощался, закрыл аккуратно за собой дверь. Затем достал изо рта беленький слюнявый комочек жвачки, придавил его под табличкой с фамилией Ивана Захаровича и прикрепил к нему рисунок.

Того, как вернувшийся позже хозяин кабинета отодрал «картину» и показал вопросительно своей «помощнице», и как она зашипела: «Подлец!», Гаров не видел. Да если бы и находился при этом, ему было все равно. Все равно, что скажут эти люди, что скажет тесть, Валерия. Он решил вернуться к матери, собрать вещи и...

Но его ожидал сюрприз.

ГЛАВА 26

Подъезжая к дому Лавровых, Гаров увидел знакомый серебристый «бьюик». «Неужели Малкович? — присвистнул Санек, припарковываясь рядом. — Не забывает старых друзей!».

— Приветствую вас, Андрей Андреевич! — неожиданно громко и уверенно прозвучал голос Гарова в зале. С радостью он протянул руку другу.

— Здорово, — медленно поднялся с кресла Малкович и обнял Гарова за плечи. — Как живешь, можешь не рассказывать. Сам вижу. Сначала заехал к твоей матери.

На секунду Андрей замолчал.

— Хороший дом, — произнес, прищурившись, оглядывая комнату.

— Папин знакомый строил по эксклюзивному проекту, — раздался неожиданно голос Валерии. Она несла две чашки с кофе.

— Думаю, одним кофе тут не обойдется, — сказал Гаров слегка суетливо, забирая у жены поднос и ставя его на журнальный столик. — Андрей Андреевич у нас же с дороги?! Да и я проголодался. Как раз вместе пообедаем.

— Как у тебя с работой? — медленно спросила Валерия. — Папа сказал, что все нормально. Взяли?

Гаров напрягся. Малкович заметил. Валерия ждала ответа. Свысока. Нужно было разрядить накал. Поэтому Малкович насколько возможно доброжелательно спросил:

— А что за работа?

Валерия, игнорируя поставленный вопрос, обиженно отвернула голову в сторону:

— Ясно... Ничего не вышло... Я — в садик. Борщ в холодильнике.

Она ушла, не попрощавшись с Малковичем.

— Так все плохо? — спросил он, погодя.

Гаров пожал плечами:

— Не смертельно.

Они прошли на кухню. Малкович, прочувствовав обстановку, стал хохмить напропалую. Гаров тоже за словом в карман не лез, вдохновленный неожиданной встречей. Доели борщ. И договорились о том, что Гаров будет исполнительным директором одной из фирм Малковича. В ближайшее время, в связи с этим, переедет в Ейск.

— А по деньгам что? — как бы невзначай спросил Саша.

— Пятсот баксов тебе на первое время, думаю, хватит. А там — как пойдет! На зарплату жить не будешь, — хохотнул Малкович и достал пачку американских денег. Отделил одну купюру для Гарова, а остальное положил обратно — в потайной карман пиджака. — Порт, милый мой, это такая

инфраструктура, где возможности не просто богатейшие! Это даже не просто возможности! Это супервозможности!!! Металл, нефть, золото... Почему Петр первый так охренительно стремился строить корабли? А?.. Бандюков там, конечно, много — тех, кто пытается контролировать перевозки. Но и мы не робкого десятка. Главное держать все время связь. И по любому возникшему конфликту, не понятной ситуации, звонишь мне. Лады?

— Лады!

— Все, не провожай меня. Действуем, как договорились. Подтяну еще туда Смирнова, и через пару недель все там встретимся. Держи! — протянул Малкович Гарову памятный московский пистолет из «Байкала».

— Зачем? — попытался возразить Александр.

— Так. На всякий случай. Возьмешь с собой.

— Ну ладно, — улыбался Гаров. — Возьму.

— Все. Давай. Распрощались.

— Вот удача и улыбнулась товарищу Гарову Александру, — подмигнул сам себе в зеркало бывший лейтенант, когда Малкович вышел из дома.

— Да, ма! — ответил он на звонок телефона с определителем и автоответчиком.

— Сынок! Там нашел тебя твой друг? Встретились? — волнуясь, спрашивала Лариса Ивановна.

— Встретились, ма, — все еще улыбаясь, говорил Гаров.

— Он, правда, такой богатый? Привез новый цветной телевизор в коробке. С пультом управления! Сказал, что это подарок от него самой лучшей маме самого лучшего парня на земле... Сынок! Чего ты молчишь? Алло!...

— Он шутил, ма... И чего только телек? Ключи от «бьюика» не оставил, нет?

ГЛАВА 27

— «Когда меня ты позовешь, боюсь — тебя я не услышу. Как громко дождь стучит по крыше-э...» — почти бегом поднимаясь по лестнице на пятый этаж, напевал Александр Свириденко.

Звонок в дверь раздался резко и пронзительно. Он нажал на кнопку еще раз.

— Ну что ты творишь? — открыла дверь Даша. — С ума сошел? Двенадцать ночи! Максим спит. Где ты дел свой ключ?

— У меня есть ключ? Правда? Извини! Извините, простите, пожалуйста! Дорогая, достопочтенная женушка! Не соблаговолите ли вы подать мне на стол тарелочку манной каши? Я ужасно голоден! — разулся и прошел на кухню лейтенант Свириденко.

— Каши нет. Есть котлеты.

— Как нет каши? Свари. Я подожду! — он подошел к ней сзади, положив правую руку на торчащую грудь, а левой задирая короткую комбинацию. — И только не говори, что у нас нет молока! Макс же его пьет, я тоже хочу! — Свириденко активно массировал женское тело.

— Пусти, — Даша с силой стала вырываться из крепкого кольца объятий.

— Не пущу!

— Пожалуйста! Ты пьяный что ли?

— Не-а!.. Просто в самом расцвете лет и сил мужчина... Кашу сварить?

— Да сварю, сварю!

— Тогда ладно. Свободна! — опустил руки муж, достал из кармана скомканные двести долларов, бросил их на стол и направился в ванную, снимая на ходу грязную военную форму.

— Где мое полотенце? — закричал он, искупавшись под душем.

— Я его постирала. Оно сохнет. Возьми другое.

— Постирала! А нельзя было постирать так, чтобы к моему приходу оно уже высохло?..

После ванной он вернулся на кухню:

— Где моя кашка?

Его загорелое тело, завернутое в полотенце, было мускулистым и хорошо сложенным. Он приглаживал коротко подстриженные мокрые волосы назад. Сел за стол, где уже стояла дымящаяся тарелка со стремительно тающим куском масла.

— Видела доллары? — спросил мужчина, делая акцент на второй слог.

— Видела. Откуда?

— С неба свалились.

— Не хочешь рассказывать — чего тогда спрашиваешь?

— Скоро мы с тобой, детка, переедем. Получим квартиру и будем жить припеваючи на самом Азовском море!

— Вашу часть опять переводят?

— Никого не переводят. Просто я увольняюсь из армии.

— Ты что? Всерьез?

— Конечно. Сегодня приехал один хороший знакомый Вадима на крутой иномарке, с чемоданом, набитым деньгами, и предложил ему работать на него, в одной из строительных фирм Ейска.

— Прямо булгаковский Воланд какой-то!

— Он самый! — усмехнулся Александр.

— А ты при чем?

— А я тоже напросился. Мердыев и Рыжов тоже поедут, Гаров.

— И что ты там будешь делать — на этой фирме?

— Не знаю. Деньги зарабатывать. Еще вопросы есть?

— Нет.

— Вот и славненько... Иди ко мне, детка.

Даша послушно села на голые колени мужа. Он протянул руку к выключателю. Щелчок, — и свет погас.

— Какая ты у меня, шелковая! — прошептал Александр. — Я хочу тебя прямо здесь. На кухне. На столе.

— Нет. Не здесь.

— Не возражай мне! Ложись...

ГЛАВА 28

— То Грозный, теперь Ейск! Лишь бы куда, только не дома!.. Вечный бродяга!.. Всю жизнь мотаться собираешься?.. Плохо ему у нас!.. Рай ищешь? Да нет его, рая! Не-ет! Приехал крутой Малкович, поманил длинным рублем, и Саша весь в его власти! Мои родители тебе покруче подарки покупают! А ты! Неблагодарный! Ни стыда, ни совести!.. Купился! За телек мамочке купился! — Валерия никак не могла остановиться в своем монологе перед собирающим дорожную сумку мужем.

— Так! Что еще? — словно не слыша обидные слова жены, оглядывался Александр. — Ага! Зубная щетка! — и бежал в ванную.

— Давай, давай! Беги! Ищи приключений на свою голову!

— Любящие жены, между прочим, с мужьями ездят! — бросил ей вслед Александр. Валерия аж присела на ступеньку лестницы:

— Ты представляешь, насколько это серьезно — уволиться с работы?! А в Ейске кто меня ждет? Где я устроюсь? Здесь у меня стаж идет, разряд повышается! А там? Ты что ли сможешь меня одевать и содержать? Я — уволюсь, приеду, а ты возьмешь меня и бросишь! А что? Детей не хочешь! Жить дома не собираешься! Значит бросишь! Как я вернусь обратно домой? С какими глазами? Как побитая ворона? Не-ет! Спасибо. Ба-альшее спасибо!.. Слушай, а ты что, правда, не видишь, что Малкович — бандит?

Гаров не отвечал. Еще раз осмотрелся:

— Кажись все. Присяду на дорожку.

На секунд пять в доме воцарилась тишина. И едва-едва Валерия ощутила, что окончательно теряет мужа, одновременно и власть над ним, бегом спустилась с лестницы, прильнула к нему — резко вставшему со стула у входа, как он убрал руки ее от себя, сказал: «Пора!» — и шагнул за дверь, набросив сумку на плечо.

— Скотина! — процедила она сквозь слезы. — Ненавижу!

Прохожие на улицах Динской невольно провожали взглядами мчащуюся «девятку» с громко играющей музыкой. Гаров старался перекричать Филиппа Киркорова: «Дива Виктория, Афродита-а!...». И в какой-то мере ему это удавалось. Сердце его колотилось как никогда. Он не знал, правильно ли поступает, но отступать назад не привык. Ехал! И единственной настоящей верной подругой его была свобода!

— Андрюх! Я в пути! — радостно сообщил он по сотовому телефону, когда закончилась песня и станица осталась позади.

Удовлетворенный Малкович не менее окрыленно сообщил, что завтра в Ейск прибудет и остальная братва из Буденновска. Он же сам выезжает из Волгограда.

...Однако Андрей Андреевич Малкович вовремя к своим друзьям не прибыл.

ГЛАВА 29

Гаров который раз набирал зазубренный наизусть номер. И который раз слушал автоматический женский ответ сначала на русском, затем на английском языке. Малкович был недоступен более трех суток.

— Слышь, не кипятись, сядь, — обратился к Александру Смирнов. — Давай подумаем... Где он может быть?

— Да в том-то и дело, что где угодно! — скороговоркой выпалил Гаров и, по-шутовски кривляясь, показал рукой на шею, затем, схватив со стола пистолет, приставил его к виску: — Андрюха может сейчас беседы с Богом...

— Ага! Или с дьяволом, что скорее всего, — вставил Свириденко.

— Один хрен, — продолжал Гарик. — А мы тут сидим и не чешемся!

— Он что — мог нас кинуть? Вот так сорвать с места, и — кинуть? — сумрачно прочавкал жующий плов Мердыев.

— Не мог он нас кинуть, Леха! Не мог! С ним что-то случилось! — закричал Гаров.

— Давайте что-то делать!

Смирнов многозначительно посоветовал:

— Ты в милицию, Сань, заявление напиши! Так, мол, и так: пропал начинающий практику крестный отец русской мафии. Вернуть за вознаграждение. Нашедшему участковому — пожизненная крыша.

— Дошутимся! Потом поздно будет! — Гаров вдруг резко бросил пистолет на одинокий диван общежитской комнаты и бросился к раздававшемуся звонку. — Малкович! Ты? Живой? Вот зараза! Где ты?

Все замерли, пытаясь расслышать знакомый голос.

— Сань! Меня тут, не поверишь, — пытали! Наркотики вкалывали и к дереву подвешивали вниз головой, как Буратино, — очень эмоционально, но абсолютно без жалости к себе, рассказывал Андрей.

Смирнов нажал кнопку «громкая связь», и не тихий сам по себе голос Малковича стал раздаваться на всю комнату.

— Мы все тебя слушаем! Здесь три дня тебя ждали: Смирнов, Свириденко, Мердыев... — Гаров от волнения закашлялся. — Так кто эти вонючие ублюдки, кто тебя «заказал»? И когда ты приедешь?

— А я, Сань, еду! Сейчас еду. Вот, блин, представляешь, под кайфом — и за рулем! Эти, как ты говоришь, ублюдки — обычные русские провинциальные парни. Разнюхали, что есть такой замечательный Малкович, который — просто дурак: возит в машине «бабок» немеряно без охраны. А я-то деньги на счет положил. С собой у меня оказались лишь пара векселей. Как чувствовал! Вот они и давай изгаляться, требовать деньги. Спротивлялся я долго. Потом пришлось пообещать им финансовую поддержку. Более того, они будут у меня работать.

— Андрюх! Ты издеваешься?

— Отнюдь. Они мне умереть не дали. Не убили же?! Такова моя благодарность им за сохраненную жизнь.

— Я с «отморозками» не яшась, — резюмировал Смирнов.

— Ой, чей это голос слышу я, или мне это только почудилось?.. Смирнов! Родной! Как же я вас всех люблю, ребята! Приеду: возьмем пивка, девочек — и на море!.. Ва-у!.. Пост ГАИ виднеется впереди. Ростов! Уже Ростов. Теперь уже близко. Ждите...

ГЛАВА 30

Гаров и Мердыев сворачивали на улицу Ленина. УАЗик громыхал как ненормальный. Июльское солнце, расплавлявшее даже асфальт, постепенно уходило с зенита. Ейская жара полегоньку спадала.

— О, Дарья Свириденко с Максом! — игриво сообщил Мердыев.

— Где? — повернул голову к тротуару сидящий за рулем Гаров.

— Да вон же, у санатория! Что, решил остановиться?

— Давай подвезем!

— Смотри у меня, Гаров! Она — девушка замужняя!

— Ну так и я женат!

Машина остановилась прямо рядом с Дашей. Она обернулась на сигнал. Улыбнулась, увидев знакомые лица.

— Красавица! Нам не по пути? — выглянул в открытое окно Александр.

Потом она будет вспоминать каждое его слово, каждый взгляд, а пока — улыбка не сходила с ее губ. Мердыев молча поглядывал: то на Гарова, то на Дашу.

— Может и по пути. Я же не знаю вашего направления! А мы идем домой.

— Значит, заполняйте свободные места.

На заднее сиденье вскарабкался сначала ребенок, затем и молодая мама.

— Санек звонит? Что говорит? — предусмотрительно напомнил о муже таджик. — Когда вернется?

— Говорит, Питер больше нравится, чем Москва. Только холодно там и дожди.

— А-а-а! А нам здесь хорошо-о-о! Нас и тут неплохо кормят, — сдохмил Гаров, подражая голосом мультяшному попугаю Кеше и вытирая салфеткой пот со лба. — Не поедем в Питер!

В какой-то момент Даше показалась в словах Гарова легкая обида или соперничество с ее мужем. «Действительно, почему Свириденко сразу умчался с Малковичем в Питер, а все остальные здесь? Почему Андрей взял с собой не Гарова? Ей было безумно радостно находиться рядом с Гаровым. Да! Да! Да! Тысячу раз да! Но она поняла, что в эту минуту он предпочел бы оказаться на месте Свириденко в Питере. Ее муж — гиперхолерик. Он борец! Без тени сомнений — „Я“! А Гаров? Лидер. Безусловно. Но другого плана. Он внушает любовь. Харизматик... Свириденко любить нельзя: чувства — для него слабость. Гарова — нужно, он без чувств не выживет. Похоже что я влюбилась! А любима ли?». Так про себя рассуждала Даша, наблюдая проплывающие мимо елки.

— А куда мы едем? — спросила она, недоуменно выглядывая в окно.

— Девушка! Не задавайте лишних вопросов! Куда надо, туда и едем! — послышался четкий ироничный ответ.

— Вот! — не вытерпел Мердыев. — Будете знать, мамаша, как к почти незнакомым мужчинам в машину садиться!

В сообщающихся смежных комнатах общежития Даше обрадовались. Макс вообще стал центром всеобщего внимания. Гаров переоделся и пошел что-то стирать в ванну. Мердыев — готовить плов. А Смирнов усадил девушку за компьютер.

— Чего? В первый раз, говоришь? Ничего, у нас тоже когда-то это было впервые! — подмигнул он незнакомому Даше парню. От какого-то другого смысла сказанного она застеснялась и покраснела.

— Тебе стрелялки или стратегию?

— А что происходит в стратегии?

— Да нет, тебе наверно сразу сложно будет в нее играть. Давай начнем с простого. Вот — это ты. Идешь по лабиринту и стреляешь.

Даша положила руку на «мышку». Попыталась как-то ею управлять. Вошел Гаров. Секунду наблюдал.

— Не плохо для начала... Но я бы сделал вот что...

Он незаметно приблизился к экрану и положил ладонь на Дашину руку. Медленно стал регулировать процесс игры через ее кожу, пальцы, кровь. «Что происходит?» — единственное, о чем она могла думать. Разговоры в комнате как-то притихли и перешли в режим «зажеванной» пленки, когда звук становится все дальше, дальше, дальше...

— Теперь сама! — громко, как ни в чем не бывало, сказал Александр и убрал руку.

— Уже темнеет, — через силу, сжимая зубы, встала Даша. — Нам пора.

— Жаль, — ответил Гаров и указал на незнакомца. — Серега вас отвезет.

ГЛАВА 31

«Люблю! Люблю! Люблю! Люблю! Люблю!»

Чувства бились захлест в Дашином сердце. Оно проваливалось в невесомость...

«Он! Один! Единственный! Родной! Сашка!».

Она терзалась от невозможности быть вместе. Ведь у него есть жена. А у нее — муж и сын.

«Почему? Почему она никого никогда так не любила? Не чувствовала насквозь, навзрыд? Что произошло? Сколько угодно рядом семьи разводятся. Но — сын! Чем он виноват? Я не могу! Не могу бросить мужа. Я — чужая жена. И у меня есть определенные семейные обязанности. И я не должна провоцировать и развивать отношения с Гаровым! Не должна! Точка. Я люблю его, и чувство это сильнее всего на свете. Но никто, никто и никогда об этом не узнает.»

Даша лежала на раскладном кресле в маленькой, заставленной старой мебелью, комнате. Рядом посапывал Максим. Она смотрела на сына и потихоньку утирала слезы подушкой.

«Люблю! Как все-таки это здорово! Он есть на белом свете — мой единственный мужчина на земле! Он — есть! И не важно: со мной, не со мной, лишь бы только с ним было все в порядке! Пусть у него все-все в жизни будет хорошо!»

Утром первым проснулся ребенок. Луч солнца проскользнул между штор и попал ему на лицо. Мальчик зашевелился и сел. Посмотрел вокруг, как будто все было незнакомо. Увидел маму. Неумело сполз с высокой кровати, пошатнулся, но, ухватившись за край простыни, удержался. Подошел к креслу и забрался поближе к ней — самой родной. Мать обняла его спросонья. Так и дремали вместе до тех пор, пока не зазвонил телефон.

— Через десять минут чтоб были готовы! Мы уже выезжаем из общаги! — услышала Даша оптимистичный голос Александра Гарова.

— Так точно, товарищ командир! Только, скажите, готовой быть для чего? — мягко, по-кошачьи, забыв про ночные клятвы самой себе, проворковала девушка.

— Мы с ребятами посоветовались и решили на море зарулить. Суббота же — выходной! — отчего-то чуть серьезнее и тише ответил Гаров.

— Хорошо! Приезжайте, — скатившись до шепота, Дашин голос выдавал волнение. Гаров молчал, как будто проверяя, не передумает ли она, давая ей время на отказ.

— Давай! До встречи! — сказал он и снова чуть помедлил, едва расслышав ее «Пока!».

Одевалась девушка сосредоточенно, разглядывая себя в зеркало. Она рассматривала себя как будто со стороны, как будто его глазами. И все недочеты тела странным образом превращались в достоинства.

«Он хочет увидеть меня без одежды, — мелькнула вскользь мысль. — Я доставлю ему это удовольствие!».

Гаров заехал, чуть припоздав. Один.

— А где остальные? — спросила она, когда спустились к блестящей чисто вымытой «девятке».

— Они уже на пляже... Можно к ним не ехать, если не хочешь, — словно ему все равно, пробормотал Александр.

— Да, лучше отдельно, — ни секунды не сомневаясь, согласилась Даша.

На песчаной косе Ейского пляжа загорали отдыхающие. Александр, Даша и Максим шли вместе к пустому месту на окраине берега. Дальше начинался портовый пирс, у которого стояли пароходы. Взрослые в нерешительности остановились, предвкушая новое открытие друг друга.

Даша решила расстегивать кофточку первая. Александр, очнувшись от замешательства, тоже стянул футболку. И, что-то мурлыча себе под нос, расстегнул молнию на джинсах, повернувшись к спутнице боком. Аккуратно сложил брюки, пока Даша расправлялась с джинсовой юбкой такого же черного цвета. Оба преувеличенно старались не смотреть друг на друга. Даша наклонилась раздеть Максима. И Гаров украдкой воспользовался моментом разглядеть девушку в белом купальнике. Она успела перехватить его любопытствующий взгляд, когда выпрямилась.

— Ну что? — не растерялся он. — В воду?

И побежал к морю.

Даша направилась за ним, приказав сыну находиться на берегу около воды. Мальчик послушно взял игрушечную лопатку и стал копать в песке. Гаров постепенно продвигался вперед. Вода доходила до колена, когда Даша почти догнала его и обрызгала водой. Александр не остался в долгу: Даша морщилась, возмущалась, закрывалась и отворачивалась, но брызги обрушивались на нее с новой и новой силой.

— Сдаюсь, — закричала она.

— То-то же, — довольный собой, Гаров лег в воду и поплыл на глубину. Иногда сомнения насчет разумности своих действий мучили его своей правдой. Наверное, нельзя ему одному находиться здесь с женой друга. И тут же он гнал их от себя. Ни с одной девушкой ему никогда не было так хорошо и спокойно как с Дашей.

«Я же не сплю с ней. Значит, нет измены и предательства».

Он оглянулся на берег. Увидел издалика Дашин силуэт и направился к ней.

— Люди! Кто-нибудь догадался взять полотенце или одеялко? — спросил он.

Даша сидела рядом с Максимом и помогала ему строить песочный замок.

— Догадался, — игриво ответила она, не отвлекаясь от занятия.

Не дождавшись того, о чем спросил, Александр лег неподалеку на спину и закрыл глаза от солнца рукой. Даша встала и отправилась к пакету с вещами. Достала свернутое большое голубое полотенце. Любимый ею мужчина лежал не шелохнувшись. Она стояла с полотенцем, смотрела на Гарова и не знала, что делать.

«Коричневые плавки не очень плотные и не новые, — подсознательно, мимоходом, пришло в голову ей. — Если б я была его женой, я купила бы ему другие, более современные и дорогие».

Гаров слышал приближающиеся легкие шаги. Песок обсыпал его ногу. Тень прикрыла живот от солнца. Но он специально никак не реагировал.

— Кто-то просил полотенце, — лениво сказала Даша. — Держите, Александр Николаевич! Вместе с полотенцем с ее ладони стекли несколько капель холодной воды.

— Ах, ты, мстительница! — шутя, укорил ее Гаров.

Даша вернулась к Максиму. У берега лежало широкое бревно. Молодая пара, сидящая на нем, целовалась без всякого стеснения. Даша, слегка завидуя, смотрела на них, когда неслышно сзади подкрался Александр и сел рядом с ней. Проследил за ее взглядом и вздохнул. Дотронулся до ее колена.

— Что? — возбужденно дернулась Даша.

— Ничего, муравей бежал.

— А-а!

Гаров взял валявшуюся, никому не нужную сухую ветку, очертил круг на песке и вставил ее по центру.

— Солнечные часы. Величайшее изобретение древнего человека!..

...Когда возвращались домой, Максим заснул на заднем сиденье.

— Поможешь занести его в квартиру? — спросила Даша грустно, желая только одного: чтобы Александр Гаров не уезжал. Он понял ее. Бережно взял мальчика на руки. Пацан уткнулся носом ему в плечо и устало посапывал. «Идиот, что же я делаю?! Разбиваю чужую семью. Семью друга».

— Заходи! Что же ты?

— Нет, Даш, я поеду. Там наши уже вернулись наверно, да и дела кое-какие есть, — выдавил из себя Гаров и переложил ребенка в Дашины руки.

Его тяжелое «пока» сказала ей о многом. Всю ночь она в слезах металась по постели, ненадолго заснув лишь под утро.

ГЛАВА 32

Малкович и Свириденко сидели в стриптиз-баре гостиницы «Байкал» и ждали Багрозарова. Последний пришел не один.

— Знакомьтесь: Вика — начинающая, подающая большие надежды экономист. Могу порекомендовать в качестве бухгалтера. Она мне как дочка! — Багрозаров оскалил ровные зубы.

— Очень приятно, — улыбалась длинная «барби».

— Аналогично... Присаживайтесь, — мимика Малковича оставалась прежней.

— Как я понимаю, вести хорошие? — Багрозаров разливал бутылку с вином.

— Думаю, у нас разные понятия о хорошем, — Малкович едва растянул губы.

— Ох, Андрюша, дошутишься ты когда-нибудь! Попомни мои слова! — обиженно выговаривал авторитет «ореховских».

Вика сидела напротив Свириденко и молча потягивала «мартини» со льдом. Александр откровенно рассматривал ее открытые декольтированные груди. Он представил, как можно их сжать, придавить телом, и как ее длинные ярко-красные ногти царапают его спину. Он покраснел от возбуждения, но в полумраке это было незаметно.

Разговор Малковича и Багрозарова был негромким и недолгим.

— Знаю, ждешь денег... Груз твои орлы переправили, и я рад, что справились... Старость, Андрюша, подходит, устал я чего-то. Так что поехали с тобой сейчас за «налом», а твой товарищ пусть поухаживает за Викой, развлечет ее малость. Вижу, глаз он на нее положил. Не будем мешать молодежи, пусть отдыхают...

— Вика, у вас красивая грудь! — нахально произнес Свириденко, когда Багрозаров и Малкович удалились.

— Хочешь увидеть больше? — томно спросила девушка.

— Еще бы!

— А что мне за это будет?

— Смотря что тебя интересует.

Вика повернула голову к танцовщице. Той осталось снять трусики. Несколько парней стояли слишком близко к сцене и махали бумажными дензнаками в ожидании возможности ущипнуть ее за икры. За одним из столиков сильно пили. И вот теперь, в невменяемом состоянии трое «новых русских» громко спорили и ругались, пока один из них не встал и не взобрался на сцену. Он схватил танцующую за талию и, навалившись на нее, уронил на пол. Сам упал сверху. Девушка испуганно кричала под оглушительную музыку. Припозднившиеся «вышибалы» как котенка за шкуру

подняли «обидчика» и скинули со сцены, стали бить ногами бесчувственную массу в красном пиджаке.

— Пойдем отсюда! — равнодушно сказала Виктория.

— Ты не сказала, чего хочешь.

Она прищурила глаза:

— Того же, что и ты. У тебя в номере.

Свириденко самодовольно улыбался. Он не имел половых контактов с женщиной целый месяц. С тех пор, как Малкович увез его из Ейска в Питер, а затем в Москву. До сих пор он не изменял жене. Но теперь — другое дело. Парни то и дело хвалятся своими мужскими победами. Теперь и ему будет что рассказать. «Интересно, как она устроена там, между бедер? Надо обязательно „загнать“ ей сзади, пусть потерпит.»

Александр Свириденко даже зажмурился в предвкушении.

— Ну чего же ты? Пойдем! — капризно надула губки Вика...

— Что — жена ротиком... ни-ни? — спросила она Александра после всего, под утро. — Ты так стонал...

— Не в этом дело. Вы, женщины, все разные. Новая женщина — новое ощущение! Вот у тебя — спортивное тело. Ты за ним ухаживаешь, это видно, это чертовски приятно. А жена толстовата, с ленцой...

— Са-аш! — Вика зажгла сигарету и затянулась. — Поговори с шефом, пусть возьмет меня бухгалтером! Он у тебя щедрый, говорят. А то этот Багрозаров уже достал!

— Поговорю.

ГЛАВА 33

Валерия долго «пережевывала» ситуацию с родителями и подругами. Все ее жалели и желали одного — наказать мужа, когда он вернется. «А если не вернется?» — начинала реветь она.

Шла вторая неделя августа, когда она решила навестить свекровь. Та ей и посоветуй: «Любишь? Значит, поезжай и будь рядом!». И дала адрес общежития.

— Здравствуйте! — Смирнов был озадачен молодой гостьей. — Гаров? Он в офисе на Свердлова. Работает. — Он развел руками. — А вы проходите, располагайтесь. Чай? Кофе? Он часов в шесть обычно возвращается...

На работе Александра позвала секретарша:

— Тебя к телефону.

— Гарик, мы едем! — голос Свириденко был полон энтузиазма. — Завтра будем! Слушай, тут такие девочки! Приеду, расскажу. Малковичу заплатили за Таджикистан, так что «бабки» все получите.

— Ты жене позвонил, что едешь? — не выдержал Гаров, завидую со всей силы своему преуспевающему другу.

— Ничего, и так встретит.

— Ладно, приезжайте. Мы тут порядком соскучились по Андрюхе. Забыли уже, как выглядит...

Смирнов курил на балконе, когда у подъезда остановилась машина Гарова. Он затушил сигарету и вышел в коридор. На лестнице шепнул Александру, что в комнате ждет его жена. Гаров остановился:

— Я сегодня ночую у родственников. Пока, — и развернулся уходить.

— Ты чего? Куда? — засуетился Смирнов. — А я что с ней делать буду? Обалдел совсем? Мы где спать будем? С твоей женой кровать делить что ли? Иди, встречай, разговаривай! Гаров сжался, как будто ему предстояло пройти очень серьезное испытание. Вошел, сухо поздоровался и сосредоточенно стал что-нибудь делать. Ему вдруг срочно понадобилось найти некоторые бухгалтерские отчеты их фирмы. Зачем они ему? Ах, да! Малкович же призжает, нужно будет рассказать о затратах, о прибыли...

Валерия ждала, что он заговорит первый. Но Александр молчал. Тогда она встала, поддаваясь его строгой энергии поиска.

— Может помочь? — заискивающе спросила она.

— Не надо, — слишком резко «отрезал» ее муж.

Он явно торопился.

— Ты что? Уходишь? — снова жалостно поинтересовалась она.

— Бери свои вещи и спускайся вниз, — уходя, Гаров столкнулся в дверях с Вадимом.

— Уже уходите? Даже чаю не попьете? — ухмыляясь, спросил он.

— К родственникам отвезу, — «бросил» на ходу Александр.

Оставив супругу у двоюродной бабушки, живущей со своими многочисленными детьми в небольшом частном домишке, Гаров сел в машину и умчался прочь. Было уже темно, когда он вернулся сюда обратно. Все спали. Любимая бабуля заботливо показала комнату, где нашлось пристанище Валерии. Гаров сразу разделся и лег с краю дивана, отвернувшись от жены.

— Я не сплю, — открыла глаза она.

Гаров промолчал и не изменил позиции. Вдруг резко вздрогнул, как от ожога: Валерия попыталась его обнять.

— Я... Хочу... Спать, — выдавил он из себя. — Спокойной ночи.

Следующим утром он выехал на работу ни свет ни заря. Промаявшись без дела полдня, Валерия пришла к нему в офис. Гаров сидел за компьютером в кабинете. При появлении жены, он вызвал в кабинет бухгалтера — симпатичную молоденькую блондинку, начал с ней общаться на тему поступающих в фирму средств. Последняя привыкла к всеобщему мужскому обожанию. Она со всеми была одинаково кокетлива и мила. Ей льстили и знаки внимания со стороны обаятельного начальника. Она по любому поводу опускала глазки с длинными ресничками и разглядывала носки своих самых дорогих туфель, которые были на местном рынке. Так и не дождавшись пока они закончат, Валерия ушла. Она наконец приняла факт, что вернуть назад мужа не получится.

Вернувшись к бабушке, она закрылась в комнате. Ночевать Гаров поехал в общежитие.

Но следующий день был к Валерии относительно благосклонен...

ГЛАВА 34

Ночью в Ейск вернулись Малкович и Свириденко. Встреча с командой была бурной.

— Завтра днем — работа, а вечером — море, море, и еще раз море! — громогласно восклицал Андрей в общежитии. За последнее время он раздобыл, поправился и погрузнел. Но военной выправки так и не лишился.

Погода днем выдалась на редкость пасмурная. Облака закрыли солнце. Ветер волновал волны и превращал их в пену. К пляжу подъехали сразу несколько машин.

— Познакомьтесь! Жена Александра Гарова — Валерия! — энергично подвел Александр Свириденко к Даше незнакомую девушку.

Комок подступил к горлу. Даша едва смогла натянуть на себя улыбку. Негромко ответила:

— Очень приятно. Даша, — и невольно стала оглядываться, ища глазами своего любимого мужчину.

Нашла. Он — слишком серьезный — стоял в группе парней поодаль, и слушал, что они говорят.

Когда решились, не смотря на погоду, искупаться, и разделись, Даша ревниво отметила, что Гаров сменил плавки на новые, такие, какие она себе и представляла. Ей было удобнее думать, что он услышал ее мысли и материализовал их, чем представлять, что плавки купила ему жена.

«Он тоже любит меня. Может, не совсем сознательно, но я существую в его ауре».

Рядом Валерия Гарова хохотала над плоскими шутками Свириденко, стараясь обратить на себя внимание.

«Что их привлекло друг в друге?» — задумалась Даша отстраненно.

— Даш, иди к нам! — крикнул ей Вадим Смирнов. Он и Мердыев расположились у самой воды и играли в карты. Взяв Максима за руку, она направилась к ним по неустойчивому песку. Малкович, разговаривающий с Гаровым поодаль, проводил ее внимательным взглядом.

— Скажи Свириденко, пусть компьютер тебе купит. «Бабки» он получил, — сказал Смирнов, когда Даша присела рядом.

— Мне все равно, что он купит.

— Слушай, а он что — деньги тебе не отдает? — поразился Мердыев. — Я когда домой возвращался с Афгана, первым делом деньги на стол — жене. Она сама планировала, что нужно купить, а на чем сэкономить.

— Смотри-ка, — Смирнов глянул поверх Алексея и Даши. — Муж твой удаляется с женой Гарова. Куда это они?

— Да они раздеваются, — оглянулся Мердыев. — Пойдут плавать.

— А-а! А я то подумал!.. Ты чего мне подкинул? Откуда здесь вальты? Забери!

— Черт! На Свириденко отвлекся...

— Так мы тебе и поверили. Да, Даш? Будешь с нами? Давай, сдавай на троих.

— Чего-то наше начальство заговорилось там. Судя по их лицам, решают мировые проблемы, — посмотрел Мердыев на Малковича с Гаровым. Даша опустила глаза.

Смирнов вдруг вспомнил:

— Слушай, а где вы с Гариком затерялись в субботу? Он хоть свозил вас тогда на пляж?

— Да, мы ездили на море, — Даша почувствовала, что краснеет, и стала растирать пылающие щеки.

— А нас — что? Не нашли? — продолжал пытаться Смирнов.

— Нет, — помахала головой девушка, еще более смущаясь.

— Чего пристал? Давай ходи уже, — вступился за нее Мердыев. — Не обращай, Даш, на нас внимание. Мы на самом деле добрые, мухи не обидим.

— О! Вот и муженек твой возвращается с женой Гарова. Гляди-ка — она прям преобразилась!.. К нам идут... — заметил Смирнов.

— Так! Чем это вы тут занимаетесь? Моя драгоценная супруга с двумя мужиками?! — захохотал Свириденко.

— Мы то всего-навсего играем в карты. А вот чем занимались вы? Нам с берега вас и не видно было, — не полез за словом в карман Мердыев.

— Мама, мама, подем! Подем, тебе покажу! — приковылял Максим и потянул Дашу на прогулку по берегу. Только что обнаруженные пенистые барашки волн привели его детское сознание в неописуемый восторг. Раньше он просто не обращал на них внимание. Место Даши за партией в «дурака» занял ее муж. Валерия, завернутая в большое полотенце, посмотрела на Гарова с Малковичем, не решилась подойти и, не особо торопясь, отправилась догонять Дашу с Максимом.

Ее неожиданные откровения по поводу неудавшейся личной жизни пробудили у Даши противоречивые чувства. С одной стороны ей было по-человечески жалко Валерию. А с другой — она понимала, что ее собственные чувства к Гарову могут жить без предъявления требований взаимности.

«Любовь Валерии слишком заиклена на себе, она должна получать обожание, даже если Гаров не в состоянии что-либо ей предложить. Но ведь это эгоизм?»

— А твой муж удовлетворяет тебя в постели? — спросила в продолжение беседы Лера.

— Что? — поперхнулась Даша. — В постели? Мой муж? Удовлетворяет. Да, конечно.

— А мы не спали уже полгода. Я его обнимаю, а он отпихивает. Может, ты посоветуешь, что сделать?

— Я? — заволновалась Даша. — Я не знаю. Правда, не знаю. Как здесь можно слушать советы других людей?

— Мы когда поженились, он меня на руках носил. У нас в доме два этажа. Так он легко меня на второй этаж занесет, кинет на кровать, и смотрит. Потом разденется и меня придавит так, что кости трещат...

— Давай вернемся. Так далеко ушли! Максим, пойдем назад, — попыталась сменить тему Даша.

— Давай, — не замечая ее настроения, продолжала Валерия, — Он боится, что я забеременею, ребенка рожу, и тогда он никуда от меня не денется. А как бы не так. Будь у нас сын или дочь, он все равно бы за своим Малковичем побежал в припрыжку.

— Лер, а может его нужно просто любить и попытаться ничего не требовать? — тихо вставила Даша.

Валерия сделала вид, что не расслышала.

— Ну что? По коням? — шел к ним навстречу Свириденко. — Погода портится. Будет дождь.

Все рассаживались по машинам.

Даша поймала первый взгляд Гарова на себе за весь вечер. Нежность и строгость, грусть и сосредоточенность...

Гаров решительно отвернулся и сел за руль. Его машина отъехала первой.

ГЛАВА 35

Температура прогрессировала. Максим задыхался и все время плакал. Даша полчаса назад дала ему ложку «Доктора Мом», намазала спину и горло йодом. Теперь же, в три часа ночи, сидела рядом, гладила малыша по голове, уговаривала не плакать и стараться ничего не говорить.

— Лапусь, бо-бо пройдет. Скоро-скоро...

В какой-то момент ребенок так сильно закашлялся, что разбудил отца.

— Нет, ты че сидишь? — заорал он на жену. — Ребенок задыхается, а ей все равно! Сделай что-нибудь, ты же мать!

— Во-первых, не кричи на меня. А во-вторых, все, что надо, уже сделано. Успокойся.

— Блин! «Успокойся!» Ты че мне рот затыкаешь? Я, е-мае, спать хочу. Я устал. Давай звони в больницу! Мамаша, блин... Доездила с Гаровым на море, что про ребенка даже забыла... Что? Думала — я не узнаю? А мне все рассказали! Да!.. Че расселась? Бегом вызывай «скорую»!

Приехавший врач послушал ребенка, посмотрел горло:

— Собирайтесь.

— В больницу? — спросила Даша.

— Да. Проколем вас дней пять. А там посмотрим... Видно будет.

...Днем Александр пришел в больницу. Сухо извинился перед женой за то, что наорал.

— Там сегодня вечером мать с отцом приезжают отдохнуть на море. Ты это... Ключ, может, свой отдашь, пока они здесь будут?

— Мог бы еще один сделать...

— Ты со мной так не разговаривай. Давай неси!

Он немного помолчал, когда Даша вернулась из палаты, исподлобья спросил, даже не спросил, а ввел в курс «дела»:

— Еще Валерия Гарова у нас поживет пока. А то ей негде. Я хочу ей помочь. Может, они с Гаровым помирятся.

Даша промолчала, сознавая, что ее слово абсолютно ничего не значит. И возражения воспримутся в совсем ином свете.

На следующий день медсестра вызвала их с Максимом к посетителям снова. На этот раз муж пришел с родителями и Валерией. Та сразу подхватила ребенка на руки, и он заплакал. Даше почему-то не хотелось с ними стоять и разговаривать, делать вид, что у нее такое же лучезарное настроение, как и у них. Все совсем-совсем не так. Наоборот. Зачем Валерия живет в одной комнате с ее мужем? Почему? Почему им всем так весело?

Она забрала ревущего Максима.

— Ой, какие мы нежные! — с какой-то легкой иронией произнесла Валерия.

— А мы на море! — бодрящий тон свекрови прозвучал дико в режиме тихого часа больницы. — Выздоровливай, молодец! — обратилась она к внуку, и отдала кастрюлю с едой Даше. — Печеночные оладьи Макс, а тебе макароны по-флотски, — деловито закончила она.

— Ну че? Пошли мы что ли? — Свириденко вдруг наклонился к Даше и поцеловал ее в щеку. Даша отвернулась, понимая, что сие действие было навеяно желанием покрасоваться перед Валерией.

— Успеешь, — буркнула свекровь. — Иди ко мне, моя рыба! — она буквально вырвала Максима из рук Даши.

Ребенок плакал. Но свекровь постаралась его перекричать:

— Ба-ба! Де-да! Па-па!

Даша тихо спросила у Валерии:

— Как с мужем?

— Он уехал со своим любимым Малковичем в Москву.

— Когда назад?

— Не знаю. Он спит со своей бухгалтершей.

— Мне кажется Саша не такой.

— Я попросила твоего Сашу вчера позвонить ей домой в двенадцать ночи. — Валерия специально сделала ударение на слове «твоего». — Просто... Попросить подойти его к телефону. Она знаешь что ответила? «Александр Николаевич только что ушел». В двенадцать-то ночи! Не поздноватенько ли для работы?

ГЛАВА 36

— Ну что, орел? Как настроение?

— Хорошо, дядя врач.

— Тогда выписываем вас. Прямо сейчас можете и собираться домой.

Даша аккуратно сложила все детские вещи в пакет, причесалась, подкрасила губы, попрощалась с медперсоналом и оставшимися соседками по палате. Села с сыном на маршрутку и поехала домой, где отсутствовала целых полторы недели.

За дверью слышался смех Валерии. Даша позвонила. Александр Свириденко, что-то ей на ходу отвечая, весело распахнул дверь. Из одежды на нем были только трусы.

— Ой! — удивился он. — Вы? Уже? Вас выписали?

Из-за его спины выглядывала завернутая в простынь не менее удивленная Валерия:

— При-ивет.

— Не ждали. Ясно. — Даша зашла в тесный коридор, отодвигая все еще удивляющегося мужа.

— Слушай, Даш, — проследовал он за ней на кухню. — Ты ж понимаешь: она одинока, ее муж бросил. Тебе не жалко ее? — говорил он о Валерии, затаившейся в зале. — Ты ж все понимаешь! Ты ж у меня хорошая. А она завтра уедет.

Даша, молча, быстро освободила пакет, отнесла вещи в ванную. На полочке рядом с детским шампунем «Без слез» расположились дорогая женская бритва, начатая коробка с женскими прокладками на каждый день и две коробки презервативов.

Единственное, что она должна была сделать — тут же собрать вещи и уехать.

«Куда? К маме? А Гаров?.. Так он никогда не узнает правды... И я его, может, никогда уже больше не увижу... Что же делать? Разводиться? А ребенок? Без отца? А работать где? Кем? Я не прокормлю себя и его. Как же быть?»

— Даш, я же должен женскую ласку получать... Что мне оставалось? Ты — в больнице. Мы с тобой уже сколько вместе не были? А? Три месяца? Я ж — мужик... У меня там стоит, если что...

Даша молчала. Она стойко для себя решила развестись и уехать к маме. Но только после того, как объяснится с Гаровым. Он поймет.

«Я люблю его, и скажу об этом».

Свириденко, отчаявшись добиться от жены хоть полслова, ушел в комнату. Валерия уже натянула джинсы и футболку. Сидя в кресле-качалке, смотрела кассету с мультиками Максима. Малыш тоже увлекся и забрался на диван.

Дашин муж расположился на полу у ног Валерии. Она кивнула ему, как бы спрашивая: «Как она?». Он пожал плечами.

Обстановка была натянутая. Даша молчала. Не потому что нечего было сказать — не было смысла говорить. Она приготовила ужин. Накормила Максима. Демонстративно отвернувшись, легла с ним спать. «Никому мы с тобой, Макс, оказывается, не нужны. У тебя больше нет папы, а у меня мужа».

Она не слышно глотала слезы, когда сын уснул, а рядом на полу мускулистый Александр Свириденко — человек, которому она собиралась всю жизнь хранить верность — почти всю ночь удовлетворял сексуальные потребности жены друга.

ГЛАВА 37

— Да, золотце! Да, любимая! — отвечал Жанне по сотовому телефону Андрей Малкович. — Как скажешь. Целую, целую!..

Он вел «бьюик» по ночной, готовящейся ко Дню города, Москве.

— Не устал, Сань?

— Нет. С чего?

— Не знаю. Так просто спросил. Не жалеешь, что уехал?

— Ты что? Нет, конечно!

— Сам удивляюсь, как все здорово повернулось. Завтра прямо с ребятами и переезжайте в МЧС. Договоренности есть, документы подписаны. Так что...

— Андрюх, ты небось с Шойгу теперь на «ты»?

— Я тебя умяю! Мы с ним встретились всего один раз в коридоре. Но кабинет наш теперь как раз напротив. Дела будем вести с генералом Красновым, под его ведомством. Сейчас оклиматизируемся немного, и попробуем заработать на поставках военной техники. Все, прибыли. Давай, до завтра!

Александр Гаров поднялся на третий этаж, открыл своим ключом съемную однокомнатную меблированную квартиру. Посредине зала стояла двуспальная кровать с измятыми грязно-рыжего цвета простынями. «Козлы, вашу мать!» — ругнулся Гаров на своих отсутствующих в данное время двух коллег. Он отправился в душ. Включил свет. Тараканы бросились врассыпную.

«Чего-то грустно тебе, Гаров... Жалко себя? Жалко! Никому ты на хрен не нужен.» — разговаривал сам с собой он, смывая мыло с голого тела напором теплой воды.

— А вот и мы! — услышал чуть погодя из прихожей радостный вопль.

Шумная компания, ввалившая в квартиру, состояла из двух живущих здесь парней и молодой гостьи. Посвежевший от душа Гаров пристально окинул взглядом девушку.

— Вика. Наш бухгалтер!

— Вика, это Александр. Наше все!

— Мне очень приятно.

— А уж как мне! — быстро ответил Гаров. — Мне вообще-то завтра вставать в пять утра. Так что я — пас, — отказался он от приглашения друзей посидеть за столом на кухне.

Вскоре Александру Гарову приснилось кубанское поле с подсолнухами. Яркое солнце тянуло их к себе. И он бежал по полю, как когда-то в детстве. Подсолнухи шумели от легкого ветра, и не кончались... Не кончались... И где-то впереди он увидел Дашу Свириденко. Она улыбалась ему словно возлюбленная Сухова из «Белого солнца пустыни». А он бежал, бежал, бежал, но ближе к ней не становился. А она стояла и улыбалась...

— Что? — отчего-то вздрогнул он и сел на кровати.

— Не бойся! Я с тобой! — сказала та, что была с ним рядом.

В комнате было очень темно. Девушка гладила его грудь и целовала. Она проглотила все, что в нем накопилось. И он снова уснул. Утром будильник трезвонил долго. Наконец Гаров дотянулся до него рукой, и ощутил, что его обнимают. Он открыл глаза. Вика крепко спала, прижавшись к нему. На другой половине кровати — Серега. На раскладушке — Стас.

ГЛАВА 38

Жанна положила трубку телефона на аппарат и ласково ее погладила. Вздрогнуть заставил шорох позади. Она обернулась:

— Ты? — едва выдавила из себя.

Муж — здоровый и грузный настолько, что промежуток рубашки от пуговицы до пуговицы топорщился от сильного натяжения, — стоял, облокотившись на дверной косяк.

— Это был твой любовник? — медленно спросил он.

Она хотела не ответить и шагнула по направлению к комнате.

— Я к тебе обращаюсь! — заорал он со всей силы и остановил ее, выставив руку вперед на стенку.

— Не надо на меня кричать! — усилием воли сохраняя внутреннее достоинство, отвечала Жанна.

— Меня только что повысили. Я завтра улетаю в Москву. Буду возглавлять Управление безопасности МЧС. А что теперь делать с тобой, я не знаю. Того, кто трахал мою жену, я обязательно найду. Но с тобой мне, по всей вероятности, придется расстаться. Думаю, проблем здесь не возникнет. Все, что в этом доме находится, куплено на мои деньги. Все, что на тебе одето, тоже — мое. Детей ты не в состоянии содержать, значит, они будут жить со мной. А где будешь жить ты, меня с этой минуты не волнует. Попрошу покинуть мою квартиру немедленно. Считаю до трех. Раз...

— Мне некуда идти, ты же знаешь, — тихо произнесла Жанна. — И детей своих я не брошу.

— Два... Я по десять раз не повторяю. Уходите, женщина, пока я не вызвал охрану. Я вас не знаю. Кто вы? И почему находитесь у меня в квартире?

— Как ты так можешь?

— Попрошу без лишних разговоров. У меня нет времени ждать. Сейчас я назову цифру три и пойду вызывать охрану, которая посадит вас в тюрьму, дорогая, за то, что вы пересекли границу моего жилища без моего согласия. Вы здесь не прописаны. А еще у меня в сейфе пропали пять тысяч долларов. Их украли вы, женщина. Их найдут у вас в сумочке. Так что покиньте помещение пока не поздно... Три.

Генерал-лейтенант Ванеев направился к телефону. Испуганная Жанна решила не дожидаться выполнения решения мужа и побежала к выходу. Она знала, что слов своих на ветер он не бросает. Его власть, связи и деньги имеют ужасную силу. Она не единожды оказывалась свидетельницей того, как невинных людей сажали в тюрьму только потому, что в чем-то они оказывались неуютны ее мужу. Он всегда шел напролом, убирая с дороги мешающих.

Она выскочила на Невский проспект. Единственный, кто мог ей помочь, и кому могла помочь она — Андрей. Но он был в Москве. Жанна решила переночевать в гостинице. А утром она что-нибудь придумает. Благо, она заранее готовилась к тому, что рано или поздно должно было произойти. Во Внешторгбанке на всякий случай накапливались деньги. А риэлторская контора подыскивала ей квартиру в районе Фонтанки. Она села за руль вишневой «десятки», подаренной ей Андреем.

— Андрейка! Он все знает. Он подслушал наш с тобой разговор. И еще! Он поклялся тебя найти. Будь осторожнее, прошу! Вы ведь теперь с ним встречаться будете. Он вступил в должность начальника Службы безопасности МЧС.

Малкович присвистнул.

— Ты ушла от него?

— Да.

— Я помогу тебе с квартирой. Сколько нужно добавить?

— Пятнадцать тысяч долларов.

— Пусть тебя это не волнует. Найдем. Главное, чтобы квартира тебе понравилась.

— Он сказал, детей не отдаст.

— И детей отвоюем. Не переживай.

ГЛАВА 39

Машина Багрозарова ожидала Вику у выхода из МЧС. Он ждал ее несколько дней подряд, пока она не вышла одна, без Александра Гарова.

— Вика! Девочка! Что за капризы? Трубочку не берешь. Ты, киска, не забывай бога ради, чем ты мне обязана. Это не Андрюша Малкович убил того гада, который изнасиловал твою сестру. Это не он привез тебя без копейки денег из твоей Чухонастовки. Это я тебе подарил Москву! Но ведь ты же умненькая у меня, и ты знаешь, что или ты используешь, или тебя. Так что же лучше? У нас с тобой был уговор. Я — привожу тебя сюда, а ты — ложишься в постель к тому, кому надо, и докладываешь мне то, о чем мужчина может доверительно рассказать только в минуты особой близости. Итак, что же ты расскажешь папочке про Андрюшу Малковича?

Вика достала из сумочки пачку женских сигарет. Но Багрозаров искривился:

— Пожалуйста, не кури при мне. Ты же знаешь: я не люблю.

Вика нервно положила сигареты обратно.

— Эти парни, Свириденко и Гаров — они соперники за благожелательное расположение Малковича. Не знаю, что между ними произошло, но они друг друга недолюбливают. У Малковича сейчас начнутся конкретные проблемы. Любовница его ушла от мужа — генерал-лейтенанта Германа Ванеева. И Ванеев сейчас ищет того, кто имел его супругу. Могу предположить, что начнется, когда он узнает, что тот, кого он ищет, находится у него под носом.

— Ты предположения оставь при себе. Давай дальше. Не умничай.

— Малкович сейчас готовится замутить новый проект, основанный на поставке дорогостоящего оборудования в МЧС.

— О какой сумме идет речь?

— Сто семьдесят миллиардов рублей.

— Вот эту тему мне обстоятельно, с подробностями, будешь докладывать. Держи, — Багрозаров протянул ей тысячу долларов. — Где тебя посадить?

— У метро «Динамо».

— Как этот твой последний-то в постели? Гарик? — оскалась, спросил Багрозаров Вику перед тем как распрощаться. — Удовлетворяет? А то ты чего-то нервная сегодня была какая-то.

— Удовлетворяет, — пристально всматриваясь в дорогу, ответила Виктория Мяснова.

— Ну и славненько. Не нервничай. Сейчас отработаешь тему — сделаю тебя главным экономистом страны. С президентом работать будешь!

ГЛАВА 40

— Как Москва?

— Нормально.

Гаров внимательно следил за дорогой. Александр Свириденко, уехавший в Волгоград по приказу Малковича, попросил его встретить жену Дашу и сына Максима.

— Вы в «Макдоналдсе» были когда-нибудь?

— Нет, конечно.

— Может, остановимся? По чизбургеру слопаем?

— Можно.

Даша усадила Максима за круглый стол. Сама села рядом. Гаров стал в быстродвигающуюся очередь. В черном распахнутом кашемировом пальто и такой же кепке он походил на Шарапова из «Места встречи изменить нельзя». Даша огляделась. Все столики были заняты. Публика была разной, но одеты все rispetабельно. К прозрачной стеклянной стене, у которой они расположились, подъезжали все новые и новые дорогие машины. Даша сняла свою скромную куртку и повесила на спинку стула, раздела ребенка.

— Держи! — протиснулся между столиков и людей Гаров и поставил перед Максимом цветастую картонную коробку. Мальчик постепенно сумел ее раскрыть, пока Гаров принес поднос с едой. В коробке оказался серый ослик, прыгающий в окно. В момент прыжка створки со звуком распадались на части.

Александр то и дело вел переговоры по сотовому телефону. Даша заметила его дерганность.

— Все нормально? — поинтересовалась она.

— Да, сойдет, — скорее машинально ответил он.

Больше всего на свете ей захотелось вернуться в прошедшее лето, на Ейский пляж. Теперь все изменилось. И Гаров другой. И она другая. Даша очень остро ощутила свою отрезанность от окружающего мира. До сих пор она жила узкими интересами своей семьи. Но той семьи больше нет. Остались она и сын. И пришла пора искать возможности, как выжить в этом страшном динамичном мире без мужа.

Зимой темнело рано. Пока они доехали в Фи́ли, где Александр Свириденко снял квартиру, вошла луна, и звезды ярко осветили окрестные высотки микрорайона. Гаров занес в подъезд сумку, Даша — заснувшего Максима. В лифте было очень тесно и очень неловко от внезапной близости. И он, и она разглядывали сумку, стоявшую сбоку. И он, и она одновременно ринулись в раскрывшиеся двери. И одновременно попятились назад, пропуская друг друга.

А когда все-таки вошли в квартиру, Даша положила ребенка на диван, Александр же «мялся» у двери, собираясь прощаться. Легкая растерянность

была ему очень к лицу. Даша вернулась из темного зала и подошла слишком близко к тому, кого любила. Она положила руки ему на грудь и тихо попросила:

— Не уходи. Останься. Пожалуйста.

Он как будто только этого и ждал. С горячей поспешностью Гаров обнял девушку и поцеловал. Потом чуть-чуть отстранился:

— Разуваться будем или как?

— Конечно, — улыбалась Даша.

— Давай ножку, — наклонился Александр и стал расстегивать ее высокие кожаные сапоги на платформе.

Даша пошатнулась и ухватилась за стенку:

— У меня закружилась голова.

— Думаешь у тебя одной? — поднялся счастливый Гаров.

Он быстро снял с себя пальто и ботинки. Снова притянул к себе Дашу, и снова его губы прильнули к ее губам. Они стояли посреди освещенного коридора и не могли оторваться друг от друга.

— Я люблю тебя, — прошептала Даша, по-кошачьи мягко глядя его грудь сквозь свитер.

— Да ладно! Тебе стало скучно, и ты решила развлечься, — как можно веселее сказал Гаров.

«Ответ абсолютно неверен!» — подумала Даша про себя, но возражать не стала.

— Я сейчас... Максимку нужно раздеть и в кровать уложить... Подождешь?

— Конечно, зайка!

«Зайка? Это приятно, когда тебя так называет мужчина, которого ты любишь».

Измученный долгой дорогой Максим даже и не подумал проснуться. Даша переодела его в пижаму и перенесла в спальню на кровать. Укрыла теплым одеялом. Секунду постояла, потихоньку поцеловала сына в щечку и вышла, закрывая за собой дверь.

Она услышала, как Гаров ответил на звонок сотового: «Нет, меня сегодня не будет. Да, дела». Даша догадалась, что звонила женщина, но ничего по этому поводу не спросила.

ГЛАВА 41

Когда она вошла в сумрачный зал, Александр стягивал с себя пушистый свитер. Хотя и было темно, Даша все равно опустила глаза. Гаров шагнул к ней. Правой рукой обхватил ее затылок из-под длинной копны распущенных волос, а левой плавно спикировал на выпячивающуюся грудь. Он целовал ее со всей возможной страстью, на которую был способен. А девушка совсем потеряла голову и шептала: «Сашечка! Любимый! Милый мой, родной, нежный! Я люблю тебя! Я очень тебя люблю! Са-ша!» Она произносила это даже не столько для него, сколько для себя. Потому что не сказать она просто была не в силах. Он же все жарче покрывал ее тело поцелуями, незаметно освобождая от одежды.

— Ай! — слегка вскрикнула Даша, когда Гаров прильнул к ее только что обнажившемуся соску.

Мужчина опустился на колени. Девушка ласково теребила его недавно стриженные волосы. Его губы почти добрались до ее трусиков, кокетливо выглядывающих из-под ажурных колгот. Он осторожно и медленно стал все вместе снимать с Дашиных бедер. И вот — она стоит перед ним совсем нагая. Секунд пять он пристально разглядывал ее тело, ничего не предпринимая. Затем встал, стянул с дивана матрас, расстелил простынь и дораздевался сам. Даша смущенно отвернула голову к стене, когда Александр остался совсем без ничего. Полоска света из коридора как раз попадала на него, возбужденного.

Он сел на матрас, схватил Дашу за руку и потянул к себе. Теперь она стояла на коленях между его широко расставленных ног. Гаров целовал ее грудь и гладил спину. Еще чуть-чуть — и он окончательно осмелел. Даша закрыла глаза и полностью доверилась тому, что собирался с ней сделать. Сначала он заставил ее бедра энергично двигаться, а затем раздвинул их чересчур широко, как показалось Даше, и посадил на себя.

«Как глубоко!» — мельком успела подумать Даша и тут же застонала.

— Тише, киска! — почти укусил ее ушко Гаров. — Тише, зай!

Даша стиснула зубы. А мужчина внезапно отодвинул ее от себя, уложил на спину. Он энергично двигался, пока Даша не закричала:

— Все!.. А-а-а-й!.. Са-ша!.. Все!..

И в тот же момент, после сильного удара бедрами, Гаров расслабленно опустился на нее.

— Детка моя! — провел он рукой по ее голове, освобождая красивое лицо от сбившихся локонов. — Чего ж ты так кричала?

— Я люблю тебя! — дрожащим голосом повторяла Даша, как будто боясь, что ее мужчина может подумать о ней плохо, что она — легкодоступная женщина, что ей нужен секс ради секса. А ей был нужен Гаров, и только он!

Она заплакала, ожидая, что теперь он может просто встать, одеться и уйти. Она же опять останется наедине со всеми своими принципами, взглядами и проблемами...

— Что случилось? Я сделал тебе больно? — мягко спросил он.

— Ничего, — продолжала всхлипывать она.

Внезапно Гаров посерьезнел:

— Я почему-то вдруг подумал... Твой муж случайно не спал с моей женой?

Он в упор смотрел на Дашу, и отвернуться ей никак было нельзя. Девушка перестала плакать и так же в упор уставилась на Гарова. Его требовательный взгляд ждал ответа на поставленный вопрос. Даша не хотела об этом говорить. Но он снова спросил:

— Да?

И Даша сдалась. Она кивнула головой. Гаров отвернулся от нее. Сел. Даша с ужасом ждала, что он сделает дальше. И он встал, торопливо одеваясь.

«Гаров! Не уходи! Куда же ты? Не уходи! Пожалуйста! Гаров! Не сейчас!» — глотая слезы, мысленно упрасивала его Даша.

Она медленно, волнуясь, встала. Осторожно дотронулась до его спины:

— Пожалуйста, не уходи!

— Даш! — обернулся он. — Ты не так меня поняла. Не обижайся!

Каждое его слово наполняла нежность, отчаяние, боль и беззащитность. Даша едва-едва сдерживала слезы.

— Ты хорошая! Ты открытая, откровенная, честная! Ты умница! А я? Я сам себе не принадлежу. Я везде и всюду зависим. У меня ни кола, ни двора, что говорится. Я сам себя порой боюсь. Может, я с виду такой спокойный, а внутри у меня все кипит, может... Прости, зайка... И ты... Ты все-таки не моя женщина... А с ней... — Гаров с горечью посмотрел куда-то в угол. — С ней я теперь точно разведусь...

— Прости, — он робко поцеловал ее в макушку перед уходом. И захлопнул за собой дверь.

Даша опустилась на корточки, съезжая спиной по стене.

— Я — твоя женщина, Гаров! Твоя! — повторяла она сквозь слезы.

И просидела так до рассвета.

ГЛАВА 42

Александр Гаров лавировал на двухсотом белом «мерсе» между оставленных на ночь, припорошенных снегом, машин. Он механически управлял автомобилем, не задумываясь о том, что делает. Лихорадочно свернул в арку, образованную между слитными домами. Затем направо. Снег мягко ложился на стекло, и Гаров включил «дворники».

Он выехал на широкую трассу и придавил педаль «газа». Обгонял редкие попутки, иногда попадавшие впереди на шоссе. Сосредоточенно смотрел на дорогу и презрительно повторял сквозь сжатые зубы:

— Стерва!

Что-то под ним вдруг застучало. Переднее колесо откатилось в сторону. Машина покосилась и резко развернулась. Гаров автоматически нажал на тормоза. Мимо промчался темный «джип», который протаранил бы низенький «мерс», если бы его не занесло влево!

— Черт! — выдавил из себя Гаров и судорожно достал из кармана мобильник. — Ахренеть просто!

— Гаров! Ты чего? Пятый час ночи! Рассвет на Москва-реке что ли решил встретить? Что случилось? — сонно проворчал Малкович.

— Андрюх! — голос Гарова вдруг задрожал. — Андрюх! Я должен уехать домой. Мне нужно! Насажаю местных шлюх в машину и — по Динской с ветерком! Я должен — понимаешь?

— Сань! Где ты сейчас? — окончательно проснувшись, серьезно спросил Малкович.

— Я на трассе где-то в районе Фили, — жалостливо «плакался» Гаров. — Твои сволочи «из волгоградской глубинки», которых ты так мило устроил с нами работать, открутили мне переднее колесо, которое давно скрылось с глаз моих долой.

— погоди! — встрял Малкович осторожно. — Может, это чеченцы. Ты же был с ними позавчера на «стрелке»? Видел, что договориться не возможно?

— Андрюх! Я убью Свириденко! — неожиданно заорал Гаров.

— Ты чего, Сань? При чем тут Свириденко вообще? Он же в Волгограде! Он не мог тебе открутить колесо! При всем желании!

— Он трахал мою жену!

Малкович на секунду замолчал, переваривая услышанное. Гаров сидел на корточках, притулившись спиной к машине, и глотал непослушные слезы — никак они не хотели держаться на месте, как он им мысленно не приказывал.

— Слушай, до тебя мне ехать где-то час. Подожди пока. Лады?

— Жду.

ГЛАВА 43

Выезжая на помощь Александру Гарову, Андрей Малкович сосредоточенно размышлял о том, почему Гаров в пять часов утра ехал по Филевской трассе? Что тому было причиной? Единственный, кто жил здесь из их команды, был Свириденко. Но тот сейчас в Волгограде.

«А вот его жена...»

Андрей призадумался, вспоминая единственную встречу с ней на Ейском пляже. Даша, кажется, зовут.

«Мы тогда долго стояли с Гаровым. И в какой-то момент их взгляды пересеклись. Я отчетливо помню, как это было! Нет, что-то за этим есть. Не все так просто, как кажется. Девочка решила поиграть в любовь? Что ж, посмотрим... Или другой расклад? Жена Гарова переспала со Свириденко. Эта Даша узнает и в отместку соблазняет Гарова... Так или не так?».

Андрей не стал выкладывать Гарову свои догадки. Он не стал его расспрашивать, потому как в данный момент дело это было бесполезное. Помог ему вызвать эвакуатор и отправить машину в ремонт. Отвез затем к себе на квартиру, порекомендовал хорошенько подумать о предстоящих действиях и в первую очередь успокоиться. Потому как месть нужно подавать холодненькой и тогда, когда ее перестали ждать. Гаров лег спать. А Малкович поехал... в Фили.

Даша вздрогнула от неожиданного звонка.

«Гаров! Он вернулся!» — вскочила она с дивана. И отпрянула, увидев за дверью Андрея Малковича.

— Здравствуй, — серьезно произнес он. — Шурик в Волгограде?

— Да. Разве вы не знаете?

— Просто уточнил.

Даша молчала, ожидая, что же привело к ней этого мужчину. Андрей сказать не торопился. Из соседней комнаты вышел Максим.

— Проходите в зал! Что ж это я? — предложила она.

— Я не надолго. Так, ехал мимо. Думаю, заеду, узнаю, как расположились, все ли нормально? Денег хватает?

— Хватает, — улыбнулась Даша.

Малкович заметил, что глаза ее были припухшими.

— А у нас тоже все хорошо. Вот в МЧС переехали. Шурик, наверно, говорил?

Даша кивнула, пытаясь понять, что же все-таки привело к ней этого человека. Она, наконец, собралась спросить о Гарове, когда Малкович опередил ее:

— Вот только с Санькой Гаровым что-то непонятное творится. Сегодня под утро чуть не разбился...

Даша широко раскрыла глаза:

— Он... жив?..

И Малкович окончательно убедился в том, что здесь замешаны чувства.

— С ним все нормально, — чуть-чуть улыбнулся он. — Просто колесо отвалилось... Завтра возвращается твой муж...

— Если хочешь, — тихо добавил он. — Он на следующий же день уедет обратно?

Даша как-то сразу кивнула. И это было естественно.

— Не переживай! Все будет нормально! — уходя, приободрил он ее.

ГЛАВА 44

Все произошло по сценарию, предложенному Даше Андреем Малковичем. Ее муж снова уехал, а она осталась с ребенком одна. Она ждала, что Гаров даст о себе знать первым. Она боялась влиять на него или, чего хуже, надоедать. Хотя последнее было как раз не про нее – она это чувствовала. Кожей. Сердцем. Кровью.

Она верила в любовь.

Это она, словно Ева, протянула яблоко. А теперь она – Ассоль, которая дожидалась своего Грэя.

А может быть ее чувства к Гарову – это трагедия «Вам и не снилось»?..

Прошло две недели, прежде чем Даша приняла решение. Она с трудом нажимала кнопки телефона. Ее руки дрожали.

– Алле, – торопливо-вежливый голос Александра говорил о его деловой занятости.

– Привет, – чуть помедлив, осторожно поздоровалась Даша.

Пауза. Пауза. Пауза. Пауза. Старинные настенные часы над Дашиной головой четко «печатали» время.

– ...Да. Я слушаю, – вторя Дашиному тону, ответил Гаров.

– Мы завтра уезжаем с Максимкой. Ты не мог бы нас отвезти на вокзал? – спокойно, как и старалась, сообщила Даша.

Снова тихо. И снова бьют часы.

– В Волгоград? – словно очнувшись от сна, спросил Гаров.

– ...Да, – ответила Даша.

Он ждал чего-то еще. Ждал. Трубка в левой Дашиной руке срослась с ухом. Она молчала.

– Хорошо, – наконец решился он. – Во сколько?

– Вечером. К девятнадцати на Павелецкий.

Гудки телефона. Вот и все.

«Я так решила. А может...? Глупая. Да. Просто дура. Жизнь – не сказка. Увы. А так хотелось... Я может и люблю... А он? Зачем ему разведенка с ребенком – „зимняя вишня“? Я все делаю правильно. Приеду в Ростов. Буду жить с мамой. Устроюсь на какую-нибудь работу. И все. Как это ни печально, но я ему не нужна. Не нужна! ОН НЕ ЛЮБИТ! НЕ ЛЮБИТ! НЕ ЛЮБИТ! Иначе бы позвонил».

Он позвонил в дверь в районе семнадцати часов. Близился к закату День Святого Валентина. Видимо, закат отразился и на лице Гарова. Он взглянул на Дашу мельком и тут же отвел глаза.

– Вещи все? – спросил он, показывая на сумки, стоящие в коридоре.

– Да, – ответила она.

— Тогда я жду вас внизу, — ответил Гаров, беря их в руки и выходя из квартиры.

Когда Даша спустилась, увидела, что Гаров был не один. В машине сидели незнакомые ей парень и девушка.

— Знакомьтесь, — сказал Гаров и указал на переднее сидение. — Вика Мяснова.

— Даша.

— Стас Лебедев.

— Очень приятно...

— А я — Максим, — вдруг неожиданно заявил о себе подросток мальчишка.

Даша догадалась, что Гаров спит с той, которая сейчас рядом с ним. Но решила не поддаваться своему унынию. Она активно общалась то с Максимом, то со Стасом, то с Сашей. И даже с Викторией. Последней это, правда, не особо понравилось. Женщин — их не проведешь. Они всегда чувствуют запах измены. Однако, Дашу ее тон еще больше раззадорил, и она на каком-то втором открывшемся дыхании вдруг болтала без умолку.

Вокзал как обычно был наводнен людьми. Александр в темпе достал вещи из багажника. Вика и Стас сразу же вышли из машины тоже. Гаров как бы мимоходом заметил:

— Да зачем вы пойдете? Оставайтесь. Я быстро. Помогу — и назад.

Но Вика неумолимо двинулась рядом. За ней и Стас.

— Ладно, спасибо вам большое, что проводили, — весело попрощалась Даша в вагоне.

И вошла в купе. Обернулась. Александр Гаров поставил сумки и теперь просто смотрел на нее. С одной стороны от него стояла Вика, с другой — Стас. Но Гарова уже это не смущало. Он стоял и смотрел на Дашу, как в последний раз. Он мысленно отпускал ее к мужу. Любил. Даша прочла это по его лицу. Но Вика? Если он с ней, значит, она ему в какой-то мере интересна?

«Вот и оставайся с ней», — решила про себя Даша.

А Гаров все стоял и смотрел...

Пока Стас не подтолкнул его:

— Ну что? Пойдем?

— Да, — сумрачно ответил Гаров.

И они ушли.

Даша продолжала шутить в том же, взятом ею в машине, тоне с Максимом и с соседями по купе — семейной парой, занимающейся аптечным бизнесом. Однако, мысль о том, что она никогда больше не увидит Сашу Гарова, не давала ей покоя.

«Мне без него очень плохо. И он знает об этом. Но даже не попытался предложить мне остаться, — уговаривала себя Даша. — Он такой же эгоист, как и ее муж. Абсолютно. Ну что его отличает? Только то, что я его почему-то люблю? Ладно, переживем. Не все в жизни, в конце концов, измеряется любовью. Есть еще работа, дети, родители. Жизнь — она многопланова

и разнообразна!».

Поезд тронулся. Он ехал и ехал. А Даша все шутила и шутила. И что-то в ее словах было такое, что привлекало к ней внимание всех окружающих. К ней, и ее сыну...

Часть III

ГЛАВА 45

— Что-й-то вы в дождь дома не сидите? Неужто работать пришли? — вежливо поинтересовался охранник редакции самой рейтинговой газеты в стране у вошедшей в помещение молоденькой брюнетки.

— Да, — односложно ответила она и проследовала к лифту, оставляя за собой едва заметную дорожку от капель, стекающих с зонта.

«Все-то всем нужно знать! Без дурацких вопросов просто никак! Какого черта еще бы я здесь делала, если бы не работала?» — мысленно проворчала журналистка Юлия Чернилина за закрывшимися за ней дверями лифта.

На восьмом этаже, куда поднялась девушка, сегодня не было ни души. Юлия уверенно шла по узкому коридору, со стен которого на нее взирали авторитетные лица популярнейших российских «умов».

«Где вы в этот субботний вечер? — зло подумала девушка. — Небось в коттеджах своих на Рублевке! А я тут — работай! Ну ничего! Будет и на нашей улице праздник! И коттеджик на Рублевке будет! И старенький „мерсик“ свой поменяю! И замуж выйду! Пусть-пусть пока мой последний — звездный Мистер Кручинский — трахается со своей администраторшей! Я разрешаю. Все равно она мне не соперница!».

Звонок сотового телефона отвлек Юлию от нервных мыслей. Она стала быстро рыться в сумочке. Наконец нашла «трубу».

— А я как раз о тебе думала! — игривым, сексуально-интригующим голосом «прожурчала» Юлия.

— Где ты? — быстро, твердо, энергично спросил тот самый Кручинский.

— Я работаю! — преувеличенно назидательно ответила Юлия.

— Ну-ну! От работы кони дохнут! Знаешь такую поговорку? Не переусердствуй там! Я завтра, кстати, прилечу! Хочу тебя! Надень, пожалуйста, розовое белье и чулочки!

— ...Хорошо!.. — мечтательно улыбаясь, заходила журналистка в огромный кабинет со множеством компьютерных отсеков. Юлия прошла за сорок пятый. Именно этот ряд принадлежал отделу расследований. И именно за эту ночь ей предстояло доказать себе и коллегам насколько далеко простирается ее власть. Говорят, четвертая. Но разве каждый журналист имеет влияние на окружающую толпу? Или на политиков, принимающих судьбоносные решения? А она сделает это! Мало того, что заработает авторитет, она еще и продавать свой труд будет за «дорого». Чего он там ей пообещал? Этот банкирчик?

«На машинку новую хватит!» — Юлия вспомнила худощавое отвратительное лицо Салавата Бабинова и мерзкую интонацию его голоса.

И тут же выкинула неприятный образ из головы, переключившись на «маленькое одолженье», о котором просил этот Салават Юсуфович.

Девушка привычными движениями запустила в работу старенький «макинтош». Компьютер заурчал, и этим звукам вторил только стук дождя по подоконнику.

Чернилина достала из сумочки очки, диктофон, записную книжку и какие-то документы. Надо сказать, что зрение у нее было, в принципе, неплохим. Но, одетые первоначально для создания делового имиджа, очки для Юлии стали неременным атрибутом рабочего процесса. Привыкла. И даже то, что вокруг не было ни души, не стало причиной для отказа от них. Журналистка надела позолоченную тонкую оправу на изящный носик и стала вдумчиво вчитываться в документы. Кои, собственно, не представляли из себя той ценности, за которую их выдавал Бабиров. Бумаги являлись ксерокопиями сделки, некогда совершенной Бабиным, как председателем «Градинвестбанка», и неким Малковичем, руководителем одного из подразделений МЧС. Суть договоров состояла в следующем.

Андрей Малкович обязывался поставить в МЧС спецтехнику на сумму в 170 миллионов рублей. А деньги эти субсидировал шойговскому ведомству Салават Бабиров с последующим их процентным возвращением в сейфовое лоно родного банка. Но... Со временем возникло одно «но». По словам банкира, незамысловато поставившего перед Юлией задачу, Андрей Малкович векселя на означенную сумму получил, а свои обязательства выполнил лишь на половину. То бишь техника, прибывшая к «спасателям», была ими оценена гораздо ниже. Соответственно, генерал Краснов, обещавший вернуть через Малковича векселя в «Градинвестбанк», вернул лишь 45 миллионов. Остальная сумма растворилась в воздухе. Зависла. А долг, как говорится...

Юлия встала, чтобы приоткрыть форточку. Гроздь капель по-прежнему тяжело тарабанили по стеклу. Прохлада мгновенно ворвалась в помещение. «Конечно, всей правды мне никто не скажет. Да и кому она нужна?» — спросила себя Юлия. Она снова села за компьютер и застучала клавиатурой, как бы соревнуясь со стуком дождя за окном. Ее безудержная фантазия лилась из строки в строку... До самого утра.

ГЛАВА 46

— Взгляни-ка на это! — на лакированный стильный стол, рядом с чашкой только что приготовленного ароматного кофе, легла развернутая газета «Московский комсомолец». Парень, бросивший ее, отошел от Андрея Малковича и сел на диван напротив, свободно облокотившись.

Малкович внимательно посмотрел на Сергея Просвирнина.

«Подумать только, всего лишь год назад эта сволочь держала его в заложниках в каком-то задрипанном Урюпинске, требуя за сохранение жизни денег. Господи, все хотят денег! Работать не хочет никто. А теперь он сапоги готов мне лизать, — не без самодовольства размышлял в своем кабинете несколько погрубевший Андрей Андреевич. — Еще бы! Это же я вытащил его из деревни! Ему такая жизнь и в самых смелых снах не снилась...».

— Что здесь? — кивнув на газету едва скользнувшим взглядом, спросил Андрей.

— А ты прочти, прочти! — твердо посоветовал бывший рекетер. — В твоих интересах!

Малкович медленно взял чашку кофе и опустил глаза. «Чип и Дейл спешат на помощь» — бросился в глаза ни о чем пока не говорящий заголовок. Андрей отхлебнул. А дальше его взгляд заметил что-то знакомое в мелком шрифте. Что? Да фамилию! Его фамилию!

«Малкович — фигура велеречивая... появляется в высших кругах только в военной форме... пообщавшись с ним, начинаешь верить, что он может превратить дерьмо в конфетку...».

«Нет, ну что за гадина это написала?.. Юлия Чернилина... Кто это?..»

Просвирнин с интересом следил за реакцией шефа: «Ага! Заинтересовался! Видимо, скоро его империи придет конец! Уязвим, собака! Все-таки уязвим! Думал, меня в работники взял, так я сапоги лизать всю жизнь буду? Обойдешься, гнида!».

Андрей быстро водил глазами по тексту. В статье говорилось о том, что он — должник «Градинвестбанка» и авантюрист, втеревшийся в доверие к благородному Сергею Шойгу.

«Значит, так?.. Юлия Чернилина... Чей же ты, дура, заказ выполняла?.. Краснов, сука, „кинул“? Или Бабиров? Я же достану вас, ребята! Ой, придет мое время!».

— Что делать думаешь? — вальяжно спросил Просвирнин и обратил внимание, как взгляд Малковича стал твердым и немигающим.

— Позови сюда Смирнова, Гарова и Свириденко... Или... Они уже в курсе?

— Думаю, еще нет. Газетку мне охранник внизу подсуетил, — чересчур спокойно произнес, вставая, Сергей Просвирнин.

Он двинулся к дверям и на секунду задержался у огромного резного зеркала. Опустил с головы на глаза темные очки: «Кто бы ни была эта Юлия Чернилина, появилась она со своей статейкой весьма кстати».

Вдруг неожиданно для Малковича развернулся:

— У меня семья, кстати, завтра приезжает. Ты обещал ключи от квартиры.

Руководитель отдела финансовых отношений Министерства чрезвычайных ситуаций с тяжелым укором посмотрел на Просвирнина. Мол, тут такие сложности, а ты — с такими пустяками. Но Просвирнин и не думал уходить. Молча стоял и смотрел.

«Ну, дожились, — пронеслось в голове Малковича. — Ни дать, ни взять, — сицилийский мафиози! Еще очки нацепил! Попробуй из такого человека сделай! Чего он ждет? Ах, да!».

Андрей Андреевич достал из верхнего ящика стола дорогую кожаную черную барсетку, нашел в ней связку ключей, отцепил два из них:

— Держи. Адрес помнишь?

— Помню. Новые девятиэтажки в Орехово?

— Давай! Встречай семью! Только сейчас все-таки прозвони наших парней. Пусть подъедут. Будем решать, как жить дальше.

Когда мужчина в черном костюме и темных очках вышел, Андрей Малкович медленно нашел спиной опору кресла. Прикрыл глаза. И ощутил, как насыщена тишина в кабинете. Такое затишье бывает обычно перед бурей. И буря не заставила себя долго ждать...

ГЛАВА 47

Дарья Свириденко шла по Ростову, устало не замечая кипучего движения жизни вокруг нее.

— Здрасти! — послышалось откуда-то сбоку.

Даша подняла глаза от серого асфальта и увидела двух веселых девчонок подросткового возраста.

— Здрасти, Дарья Николаевна! Вы со школы? А давайте мы вам поможем сумку донести! — зашебетали ее ученицы.

Прошел год, как Дарья покинула столицу и развелась с мужем. Ей повезло — в одной из музыкальных школ освободилось место преподавателя фортепиано. Она незамедлила трудоустроиться. Однако, ей, как новичку, установили самый низкий оклад. Тянуть сына было тяжеловато, но чувства к далекому Гарову помогало пережить все невзгоды.

Девочки искренне радовались встрече с молодой учительницей. Они схватили ее тяжелый пакет с нотами и по очереди несли его до самой Дашиной «хрущевки».

— Дарь Николавна, а мы технический зачет завтра сдаем или послезавтра?

— А разве я вам не записала в дневники?

— Вы сказали, что уточните.

— Ага! Пятый класс сдает в пятницу. Значит, послезавтра. Ну что? Будем прощаться?

— Ой, Дарь Николаевна! Мы так волнуемся, так волнуемся!

— Чего?

— Вдруг не примут зачет?

— Волнуетесь, значит, наоборот, сдадите! Бегите домой, а то меня уже заждались...

— Ладно, до свидания! — протянули ученицы сумку Дарье Свириденко.

— Пока-пока! Спасибо, что помогли, — улыбалась молодая женщина, внешне почти не отличавшаяся от тех, кого ей приходилось учить.

Ее настроение слегка улучшилось. Она поднялась на второй этаж. Комната в коммуналке была открыта настежь. Из ванны до входной двери шла водная дорожка.

«Ясно: работа Максима! — улыбнулась Даша. — Куда только мама смотрела?».

Она устало опустилась на стоящий в прихожей стул и медленно начала снимать с себя туфли. Напряжение, скопившееся за рабочий день, постепенно выходило из натертых мозолей, из гудящей головы, из подернутой остеохондрозом спины. Даша хотела только одного: упасть на что-нибудь мягкое, закрыть глаза и провалиться в сон.

— А кто здесь прише-ел?! — вышла в коридор Дашина мама Эмилия Андреевна. — Максим! Ну-ка иди, смотри!

Подросшему мальчику очень хотелось казаться взрослым. Он молча вскарабкался к Даше на руки и с интересом стал разглядывать свои разрисованные фломастерами ладоши. Как будто только что их увидел.

— Давай раздевайся скорее. Супчик сварила. С фрикадельками! Сколько тебе половников? Три?

— Мам! Ну какие три? Два. И то неполных!... Все, Максим, шагай в комнату, маме нужно идти руки мыть и кушать.

Мальчик послушно слез с коленок и твердо отправился по назначению, потом вдруг остановился:

— А ти руки с мылом будешь мыть?

— С мылом, с мылом! — улыбнулась Даша.

— Пра-авильна! — серьезно протянул малыш и ушел в комнату.

— Ну что? Разговаривала с начальством? — поинтересовалась Эмилия Андреевна, когда Даша уже отставила на край стола пустую тарелку.

— Разговаривала. Бестолку.

— Неужели ничего не прибавили к окладу?

— Не-а.

— И этот «герой-москвич» — папаша ваш — хоть бы копейку прислал сыну!

— Мам! — с укоризной произнесла Даша.

— А чего «мам»? Что, неужто он там бедствует, как мы? Бессовестный!

Денег действительно не хватало. Все время приходилось занимать. Потом отдавать. Потом снова занимать. И так бесконечно...

Даша лежала на кровати, дремая под думы о далеком, но любимом человеке, когда раздался громкий телефонный звонок.

— Дашу? Почему? Дома. Сейчас приглашу, — услышала она твердый и энергичный голос Эмилии Андреевны.

Полноватая пожилая женщина со скептическим взглядом протягивала ей трубку телефона:

— Тебя. Межгород.

У сонной Даши в ускоренном режиме забилося сердце: «Это он!».

Но звонил ее бывший муж.

«Из Москвы! Оттуда, где сейчас Гаров!» — только и успела сообразить она.

Александр Свириденко очень ясно и четко что-то говорил. И Даша все понимала. И не понимала. Сумбурно кружились мысли о том, что ей нужно поехать в Москву, что Александр эмигрирует в Испанию, что получил в Москве однокомнатную квартиру и что оставляет ее сыну.

— Деньги на билет выслал. Будет лучше, если приедешь в течение трех дней. Успеешь начать оформление документов, пока я еще не улечу, — твердо и уверенно диктовал, почти приказывал человек, с которым она когда-то делила постель. Он чуть приостановился. Помолчал.

— Максим там как? — вдруг спросил.

— ...Максим?.. Максим растёт... — растерялась Даша. — Да я сейчас его позову. Он, наверное, на кухне.

— Не надо, — отчужденно произнес мужчина. — Все. Я жду тебя. Позвонишь, когда возьмешь билет — встречу. Но на всякий случай запиши мой адрес и телефон...

ГЛАВА 48

Вадим Смирнов поднимался по ступенькам, покрытым красного цвета ковровой дорожкой. Чиновничьи коридоры МЧС сегодня стали очень знакомыми и родными. Он уже чувствовал себя здесь как рыба в воде, считая, что «награда» за былую смелость в чеченских военных лабиринтах нашла «героя». На душе было спокойно и весело. Он вчера только прибыл в Москву из Краснодара. Полгода назад Александр Малкович выполнил свое обещание – купил семье Смирнова квартиру в том городе, в котором они со Светланой хотели. Сейчас они сделали евроремонт, и Смирнов со спокойной совестью вернулся в столицу.

По пути ему встречались улыбчивые толстопузые «дядьки» в шикарных костюмах, которые протягивали ему руки, уважительно здороваясь. Вадим Геннадьевич понятия не имел, как их зовут и какие многочисленные должности они себе сочинили. Он также мило улыбался и подчеркнуто «вежливо» жал руки. И шел вперед. В кабинет Андрея Малковича. Несколько минут назад позвонил Сережа Просвирнин и сообщил, что Андрей ждет его у себя.

«Чего там стряслось, пока он отсутствовал?».

Кто-то из «толстопузых» вдруг отделился от группы «соплеменников» и твердым шагом направился к нему наперерез:

– Ты из команды этого придурка Малковича? – Смирнову показалось, что он спит, что этот «гнида» не с ним сейчас говорит, так отчетливо громогласно произнося каждое слово и делая ударение в фамилии шефа не на первый слог, а на второй, что показалось бывшему майору особенно обидно.

– Не понял... – оживленно и с любопытством, как только мог, Смирнов поднял брови. – Какие-то проблемы?

– Проблемы? – еще более раскатисто забасил «толстопузый». – Проблемы не у меня, а у вас – крадуны!.. Долги, мил-человек, отдавать надо! А не распи... ством заниматься! Признайся – спи... или денежки? Да? А денежки-то го-су-дарст-вен-ные!!! Их по-любому отдавать придется! Кинуть Сережу захотели? Не выйдет, дружочек! Не вый-дет!

– Какого Сережу? Какие долги? Че ты мелешь? Я тя знать не знаю! – заставил себя через силу обратиться к шумливому «дядьке» Смирнов «на ты», с прискорбием чувствуя как доброе расположение духа потихоньку начинает испаряться.

– Вообще, я тебя, козел, предупредил! Все руководство МЧС в гневе! Три дня вам на то, чтобы вернуть миллионы, а не то – поговорим в другом месте. Мои люди в прокуратуре уже ждут – не дождутся вашего появления в следственном изоляторе!.. – ритор высокомерно смерил Вадима Геннадьевича взглядом. – А говорил с тобой руководитель Службы

безопасности Министерства чрезвычайных ситуаций, генерал-лейтенант Ванеев!

Вадим Геннадьевич как-то растерянно сник и стал машинально оглядываться вокруг себя, натолкнулся глазами на группу «толстопузых», от которых минутой раньше отцепился этот самый Ванеев. Все они, замерев на месте, молча внимали с повернутыми головами в их сторону. И как по мановению волшебной палочки, натолкнувшись на взгляд Смирнова, мгновенно отвернулись и оживленно заговорили. Герман Ванеев направился к «своим» также внезапно, как пришел. А Смирнов еле-еле медленно и преувеличенно спокойно начал движение к тому кабинету, где его ждал друг и товарищ — его шеф, которому он доверял и служил безгранично верно. Он делал свои шаги осторожно — сквозь обволакивающие разговоры тех, которые с каждой секундой оставались все дальше, но не становились менее враждебнее от этого. Эти шаги были сродни тому, когда его однажды чудом отпустили чеченцы из своего «стана» обратно в комендатуру «Северного» — с предложением сдаться без боя. Он хорошо помнил те свои ватные ноги и острый ум, ожидающий каждую секунду выстрела в спину...

Он осторожно взялся за ручку тяжелой массивной двери, как будто она от поворота может взорваться. Зашел в кабинет Малковича, где кроме него уже находился Гаров. Смирнов также осторожно и спокойно прикрыл дверь. Развернулся. Медленно встретился глазами с Андреем. Тихо спросил:

— Жопа?

ГЛАВА 49

Огни приближающейся Москвы Даша наблюдала из окна самолета. Она прилетала в 21.00. Ночная столица жила очень активной жизнью. Все кипело, бурлило, двигалось, менялась ежесекундно. И эта «живучая» деятельность яркого сообщества влекла, манила, казалась избавлением от одиночества, переживаний, стрессов. Даша никогда не была раньше в Шереметьево-2. Она спускалась по трапу и чувствовала, как ее сердце бьется в ритм окружающему аэропорту. Казалось, еще чуть – и оно вырвется наружу, плавно внедряясь в общий организм мира. Даша представила, как земной шар превращается в одного огромного великана, который только и ждал, когда у него появится сердце. И вот она приехала в Москву, чтобы стать сердцем этого бесчувственного Гулливера, хаотично двигающегося, не замечающего ничего вокруг и рискующего своей силой разрушить параллельный мир «умерших» душ, а тем самым себя обречь на вечный мрак и смерть. У Гулливера была американская голова, китайские руки, африканские ноги, австралийский живот. Но еще не было сердца.

Ступив на землю, Даша приостановилась и пристально взглянула на бессознательно копошащихся. Как же они не понимают, что от них и только от них зависит жизнь всего сущего на земном шаре? Любить нужно! Любить! Любить все: от песчинки на пляже до бесконечного пространства вселенной! «Именно так, как люблю все это я!» – хотела закричать она. Но вместо этого ринулась в самую гущу Гулливера, стойко решив раздать кусочки своего беспокойного любящего сердца своим воинам на поле битвы с холодным разумом.

«Где сейчас мой Гаров?» – размышляла Даша Свириденко, заходя в мегаполис аэропорта. Она обожала книжки Булгакова и не боялась мистики, каких-то потусторонних странных событий. Читая литературу одинокими ночами на кухне и страдая от острых стрел «счастливых и успешных», она была натренирована. Ее сердце в эти минуты решило, что Гаров слышит его биение. Он должен чувствовать! И он ждет ее! Ждет!

Даша решила не предупреждать бывшего супруга о точном времени своего прибытия. Она ведь приехала, собственно, не к нему? Но ночевать на улице не хотелось. Поэтому она достала заранее приготовленный листок с новым адресом экс-супруга.

«Квартиру сыну, говоришь, оставил? Добрый ты наш! Что ж, посмотрим».

Красивая женщина иногда ловила на себе восхищенные взгляды москвичей, улыбающиеся ей уголками томных глаз и слегка заросших губ. Она выяснила у них, как ей доехать. Потом стала себя укорять за то, что несправедлива по отношению к Александру, давшему ей в прошлом свою фамилию. Может, человек действительно решил искренне позаботиться о них

с малышом? Может быть, он понял, что они слабы и нуждаются в любви и заботе, а не в военных действиях? Если бы только он верил в любовь к одной-единственной женщине! Если бы он ее любил! Они бы не разошлись. Как все-таки меняются люди под воздействием больших денег! А может быть, он понял, что сделал ей очень больно своими изменами? А может и к лучшему, что разошлись...

Она очень быстро добралась до новых высоток в Орехово. Поднялась на одиннадцатый этаж одной из них. Позвонила и обрадовалась, когда услышала шаги за дверью.

«Хорошо, что Александр сейчас дома!»

На ее удивление дверь открыла Вика, с которой ее знакомил перед отъездом Гаров. Та, в свою очередь, почти равнодушно взирала на ночную гостью.

— Привет. Заходи, — сказала она.

Даша снова почувствовала ту щемящую боль, когда впервые осознала, что ее муж ей изменил. Она незаметно сжала зубы и кулаки в карманах. Потом выдохнула и ответила:

— Александр пригласил меня зачем-то из-за сына. Так что я уж правда лучше зайду.

ГЛАВА 50

— ...Вот... Значит... Ты сейчас, а нет — сейчас уже поздно — лучше завтра с утра... Дуй к Бабирову в банк... Включай свое красноречие по максимуму как только сможешь!.. И...

— М-м-м??? Ты не понял, Андрей! — спокойно оборвал взволнованного Малковича Александр Свириденко. — Ты не понял! Я у-ез-жа-ю!

Свириденко четко проговаривал каждый звук, немигающе глядя на вспотевшее лицо начальника. В кабинете повисла тишина. Слышно было только, как часы на столе задавали ритм времени. Время — было сейчас единственное, что двигалось. Оба собеседника стояли у т-образного стола. Малкович — во главе, Свириденко — сбоку. Через минуту Андрей тяжело опустился в кресло и произнес три слова, которые потом, иногда, будут вспоминаться Александру, словно глас его внутренней совести. Он будет вульгарно смеяться над собой в эти моменты и ощущать легкие покалывания в сердце.

— Ты не прав, Саша, — тихо-тихо, едва слышно, сказал Малкович.

Гнев обид, накопленных за годы совместной работы, тут же забурлил, зашипел, вываливаясь из стоящего человека и мгновенно диффузно заполняя тесную комнату. Александр обвинял все и вся. Не истерично. Сдержанно. Словно на постаменте. Свысока.

— ...Я терпел очень долго. Очень. Я молчал. Ничего не говорил. Но теперь хватит. Натерпелся. Ты играешь людьми. Играешь так, как тебе удобно, как выгодно. И тебе наплевать, что они думают в отношении твоих приказов. Ты не выполняешь свои обещания. И хочешь при этом власти. Упиваешься ею. Ты лишил меня семьи. Ты разрушил мою дружбу с Гаровым. А я ведь любил его. Как брата любил. И жену любил. И ты мог бы дать мне тогда квартиру, и она бы не уехала. Мы бы не страдали финансово. А тебе было наплевать на Александра Свириденко. Так вот и мне теперь глубоко наплевать, что в вашем ведомстве, господин Малкович, происходит. Меня не интересуют ваши проблемы. Нисколечко. Ни грамма. Я уезжаю в Испанию. Адью. Целоваться не будем на прощанье. Горевать о вас не буду. Обещаю...

— Ты, Саша, не горячись. Сядь. Давай поговорим по-мужски, — Малкович очень мягко попросил Свириденко. Таким тоном он не говорил еще никогда и ни с кем. Свириденко преувеличенно нехотя и грубо отодвинул стул и сел на него, широко облокотившись.

— Саша, ты должен меня понять! Зачем тебе уезжать теперь, когда есть квартира?

— Квартира, — презрительно выдохнул Александр. — С каким трудом я ее вырвал у тебя!

— Да-да, Саша, я виноват, что не уделял тебе больше внимания. Но теперь все изменится — вот увидишь! Ты высказал свои претензии, то, чем ты недоволен. Я же не знал, что ты так думаешь! Я — не экстрасенс и не умею читать чужие мысли! Саша, у тебя все теперь есть для того, чтобы быть счастливым! С женой не сложилось, ну найди другую. Сколько их — этих одиноких баб — в Москве? Причем с деньгами, с машинами, с квартирами, с дачами! Мне что ли тебя учить? Ты же живешь сейчас с кем-то, насколько мне известно? Ну и женись, и живи по-человечески! Кто тебе не дает? А? Саша? Отдохнуть тебе надо? Ну пожалуйста — съезди за границу — отдохни неделю-другую! Но уезжать насовсем-то зачем? Ты не представляешь насколько там все дорого! А ты без работы, без знания языка...

— Язык я выучил.

— ...Выучил?.. Подготовился значит... — протянул задумчиво Малкович. — И почему ты считаешь, что я разрушил твою семью? Разве вы разошлись из-за квартиры?

Свириденко ненавидяще уставился в пол. Его как-будто пригвоздили к нему. Он подумал, что не стоило все-таки оставаться выслушивать этот бред, который нес шеф. Нужно было сразу свалить. Поздний час уже. И Вика ждет. Такое родное женское тело, которое он сейчас будет терзать поцелуями. Ох, и эротичная же телочка ему досталась! Гаров, дурак, не ценит телок! Так легко с ней расстался! За что я его любил-то, спрашивается? Тот еще тип...

— Саша, ты слышишь меня? — донесся до Свириденко голос Малковича, отвлекая его от приятных мыслей.

— Слышу, слышу, — нагло ответил бывший лейтенант российской армии. — Я наверно пойду. Мне нужно собираться — завтра самолет...

— Завтра?.. Уже? Так скоро? — стал еще серьезнее Малкович.

— Да, завтра. А семью мою ты лучше не тронь! Я вызвал жену, чтобы квартиру сыну оставить... Вот так, — вздохнул облегченно Свириденко. И не тебе судить, из-за чего мы разошлись. Мне лучше знать, что жене с сыном нужно.

Он резко встал, лихо саркастически отдал честь.

ГЛАВА 51

Шел март 1998-го. Лариса Ивановна Гарова набирала на своем стареньком аппарате телефона номер сотового сына, интуитивно чувствуя, что творится с ним неладное в этой Москве. Приезжал в последний раз сам не свой. Все перевернул вверх дном. Ремонт будто бы затеял. И в это же время по судам мыкался: с Валерией разводился. Та в свою очередь стала претендовать на машину Сашкину.

«Как только не стыдно было? Дом — полная чаша, все родителями дадено, — про себя украдкой рассуждала Лариса Ивановна. — Так все мало людям!».

— Ма! Я сейчас не могу разговаривать. Занят, — ответил, наконец, ее сын. Как-то отрывисто, односложно, динамично.

— Алло!.. Алло! — зачастила стареющая пожилая женщина. — Саша! Сашенька! Подожди! Саша, скажи, у тебя все в порядке? Все хорошо?

— Хорошо, ма. Я тебе перезвоню буквально через час. Я сейчас еду. В машине. Приеду на место, освобожусь и позвоню.

— Ага... Позвони, сыночек... Позвони... — протянула мать, когда Гаров уже отключился.

Она вытерла вспотевшее лицо платком, сбившимся с головы. Последнее время постоянно потеет ни с того, ни с сего. У врачей один ответ: климакс, который нужно просто пережить. Ох, да что же сердце так сильно бьется? Лариса Ивановна, только что поднявшаяся с табуретки, тут же опустилась обратно, прижав руки к груди.

«Нет, надо, чтобы Сашка вернулся домой! Хватит скитаться! Ей так тяжело стало управляться с домом... Вот сейчас позвонит он — скажу все, что думаю!» — женщина устало прикрыла глаза, стараясь прийти в себя, ища внутри организма хоть какие-то остатки силы духа.

Жанна, которую Гаров вез к Андрею по рано потемневшей Москве, с удовольствием наблюдала за эмоциональным водителем. С годами она научилась распознавать настоящих мужчин в тех, кто попадался ей на пути. Вот этот был настоящий. Как Малкович. Как ее умерший отец. Жаль, что не все такие! Земля носит и таких, как ее бывший муж — генерал-лейтенант Ванеев, грубый, хитрый, изворотливый и сластолюбивый «властилин» Службы безопасности МЧС. Не знала она, что ее жизнь распорядится с ней так сурово. Выходила замуж, когда все друзья родителей, академиков Ленинградского научного института, поставили на ней крест, как на невесте, жене и матери. В двадцать восемь лет у всех ее подруг уже были дети. И она — как в омут, так и не встретив сказочного принца, бросилась в сексуальные отношения с однажды встреченным Ванеевым — богатым и неженатым. Он всегда звонил в самый неподходящий для нее момент, предъявляя свои права на близость.

Как будто специально выжидал, когда она судорожно дописывала диссертацию, или когда отец слег. Но она терпеливо бросала все и садилась к нему в машину. Потом она забеременела, и Герман на ней женился. Ее первенец родился в день смерти отца. Читая акафист Ксении Петербургской в одной из церквушек рядом с домом, Жанна подсознательно чувствовала себя предательницей: ей казалось, что в смерти отца есть и львиная доля ее вины. Сын с дочерью ходили в старшие классы, когда она познакомилась на одной из элитных тусовок с Андреем Малковичем. Он долго вел с ней какие-то бизнес-переговоры, а однажды, подавая пальто в ресторане, приобнял за плечи и слегка поцеловал в затылок. Ласково так поцеловал... Один этот поцелуй перевернул всю ее жизнь. Жанна поняла, что бог посмеялся над ней, подарив любовь не тогда, когда она ее ждала всем сердцем, а тогда, когда она победила в строительстве своей семьи. Ведь у нее была семья! Полноценная и благополучная по всем общественным меркам. Но сердце безудержно рвалось навстречу Андрею Малковичу...

— Что? — всколыхнулась вдруг она, красиво стряхнув пепел сигареты за приспущенное окно.

Гаров сворачивал с широкой трассы:

— Да приехали, говорю... Быстро домчались, пробок почти не было на ваше счастье!..

— Что-что? — еще раз переспросила по инерции красивая ухоженная брюнетка. — На мое счастье?.. А-а, пробки?!.. Да, хорошо, что их не было...

— Вон машина Андрея... Так... А самого его еще нет... Сейчас я ему позвоню, — Гаров остановился у серебристого «бьюика» и полез в карман за телефоном. — Пускай спускается.

Жанна красиво выронила за окно дотлевшую сигарету:

— Не звони.

— Не звонить? — удивился Александр, растерянно прекращая нажимать кнопки сотового.

— Не звони, — так же спокойно и властно повторила Жанна. Помолчав, разъяснила удивленному Гарову:

— Я сама к нему поднимусь.

— ??? ...Может быть, не стоит? — слабо и смущенно попытался сопротивляться женской уверенности мужчина.

— Стоит, стоит! — кивнула Жанна.

«Мне ли бояться?» — подумала она, глядя из-под пушистых густых ресниц на очаровательного Гарова.

«Отбоялась свое!» — с этой мыслью шикарная женщина в натуральном полушубке мягко открыла дверцу белого «мерседеса» и медленно спустила сначала правую ногу, нащупывая асфальт высокой шпилькой каблука, затем — левую.

— Хоть Ванеев и сволочь, но за этот год он не сделал ни одной попытки как-то со мной связаться или отомстить, — объяснила свое решение Гарову Жанна.

Тот, в свою очередь, окончательно потерялся:

— Да я что?.. Я ничего не... — Гаров мялся, ища слова, чтобы объяснить, будто бы он не в курсе амурных дел шефа. Хотя это была чистая неправда. Об Андрее и Жанне знали все работники Малковича, частенько обсуждавшие между собой развитие их отношений.

Жанна медленно пересекала дорогу, оставляя за собой шлейф дорогих тонких духов, когда ее заметил только что севший в черную «волгу» Герман Ванеев. Его шофер повернул ключ, включил зажигание.

— Погоди-ка! — рыкнул генерал-лейтенант, оборачиваясь и рассматривая Жанну.

«Она! Тварь! Она!.. Вот и попалась птичка!» — не без самодовольства размышлял он о бывшей супруге. Ему не удобно было доставать сотовый телефон из-за тяжелой комплекции тела. Но он все-таки справился.

— Женя? Женя!.. Не в службу, а в дружбу!.. Посмотри, пожалуйста: там мимо тебя сейчас тетенька будет проходить... Брюнетка в коричневой короткой шубе... Ты, Жень, посмотри-ка, Жень, куда эта кралечка поднимется!.. Да я сам тебе перезвоню через пять минут, Жень!.. Да, в коричневом... Все. Действуй.

ГЛАВА 52

Ночью, когда она прилетела в столицу, Александр Свириденко вернулся поздно. Он нисколько не удивился ее присутствию в квартире.

— Хорошо, что приехала, — сосредоточенно сказал он, снимая черное пальто, торопливо повесив его на плечики и проходя в зал. — Вот доверенность на переоформление собственности квартиры на сына, подписанная моей матерью...

— Твоей мамой? — приподняла брови Даша.

— Да... Я же не дурак записывать квартиру на себя! Квартира сделана на мать.

— Так может быть она против того, чтобы отдать ее нам с Максимом?

— Не вам с Максимом, а ТОЛЬКО Максиму! — грубо бросил Свириденко, открывая уже кран в ванной и намыливая руки.

Даша, как ни старалась, не могла совладать со своей обидой, временно спящей на дне ее души. Она всячески была готова к подобному разговору, но как ни готовилась заранее, действительность все равно причинила боль.

«Разве можно так — покупать своего ребенка благосостоянием, унижая при этом женщину, выносившую и родившую этого ребенка, полным бесправием?» — внутренне возмутилась Даша Свириденко, но решила, что лучше промолчать. Ради сына.

Ее терпение не иссякло даже тогда, когда Вика зашла в ванную к Александру, громко закрыв за собой дверь на щеколду. Даша глотала слезы, стоя у окна в зале, и думая о будущем сына.

«За что, господи, ты так меня наказываешь? Почему мне нельзя жить с любимым мужчиной, растить детей без измен и предательств?» — задавалась вопросом бедная женщина. И не находила ответа.

На следующее утро Даша проснулась от звука хлопнувшей двери. И в то же время к ней вошел Александр.

— Просыпайся. Мне уходить нужно, — несколько торопливо сказал он.

— Да, я встаю, — сказала Даша, села на раскладушке и стала натягивать на себя брючный костюм.

— Значит, так. Слушай меня внимательно. По два раза объяснять не собираюсь. Вот тебе список тех организаций, где ты должна побывать, чтобы переоформить квартиру... Вот тебе деньги, необходимые на проживание здесь и на переоформление... Вот тебе ключ...

— А эта... Вика... Она здесь со мной будет жить?..

— Нет, — ухмыльнулся Александр. — Вика уехала к себе. Здесь она больше не появится.

— А ты? Сейчас уходишь?

— Да. Я сейчас уйду... И больше не вернусь... — мужчина сложил последние вещи в дорожную сумку, перекинул ее через плечо. — Ну что? Прощай что ли?

— Подожди! — засуетилась Даша, выскочила в коридор и остановилась, разглядывая человека, с которым когда-то делила постель. — Ты хоть позвони, как долетишь-то!

— Зачем? Долечу нормально. — Свириденко смотрел на нее, улыбаясь.

— Саш, ну... Счастливо тебе... Осторожнее там...

Даша вдруг приблизилась к его лицу и поцеловала в щеку. Потом протянула руку к его волосам и ласково растрепала их, как частенько «игралась» с сыном:

— Ну беги... Беглец...

Он в последний раз сдержанно улыбнулся и вышел.

Даша долго смотрела на закрывшуюся дверь, едва справляясь с нахлынувшей тоской о семье-мифе с верным мужем. Нет у нее настоящего мужчины. И никогда не будет. Ни она никому не нужна, ни уж тем более ее малыш-сын. Даша взяла себя в руки: «Я буду счастливой! Всем врагам на зло буду!». Она с внезапно появившейся силой встряхнула руками, как будто освобождалась от накопившейся боли. Она выплеснула ее из себя, переставая быть жертвой эгоистичных желаний других людей. У нее с сыном теперь есть квартира, а значит — прекрасная возможность начать жизнь заново. Да еще где? В столице, где она смогла бы осуществить свою детскую мечту — стать эстрадной певицей! Ее узнали и полюбили бы все жители страны! И кто знает — может со временем Александр Свириденко научится уважать ее хотя бы за то, что она мать его ребенка...

Девушка начала собираться в поездку по Москве для оформления документов. Выпила кофе. Аппетита совсем не было. И тут раздался звонок в дверь. Даша неожиданно обрадовалась: «Наверно Александр не улетел! Он все понял! И вернулся!».

Она выбежала в узенькую прихожую и по старой привычке распахнула дверь. На пороге стояли двое. Одного из них Дарья узнала сразу. Это был майор Смирнов. На нем была одета военная форма. Но от этого он совсем не казался солиднее. Даша знала его со времен жизни в Буденновске. И тогда, и сейчас он все так же казался ей веселым добряком, умеющим найти выход из любой ситуации с шуткой и прибауткой. Второго она не могла припомнить. Он был в длинном черном пальто и зеркально-черных очках, хотя в подъезде было не очень светло.

— Ты? — мгновенно среагировал от неожиданности Вадим Смирнов.

ГЛАВА 53

В бутике на Тверской тихо играла музыка. «Времена года» Антонио Вивальди Жанна знала так же хорошо, как и стиль платьев Вали Юдашкина. Любимая женщина Александра Малковича тщательно и придирчиво рассматривала пять отобранных ею. Она легко накинула на руку три из них и проследовала в примерочную комнату мимо зевающих от скуки продавщиц гламурного вида. Кроме нее здесь сейчас никто ничего не покупал. Напряженные скрипки наконец-то прорвались кульминацией, когда Жанна Ванеева натянула на свою, казалось, идеальную фигуру второе платье – серебристое и расшитое бисером. Она динамично, в такт «летней» встревоженной музыки классика, подняла голову к зеркалу.

– Тсс, – прошептал незнакомец в отлично отглаженном костюме и с каменным выражением лица.

– Что вы себе позволяете? – начала возмущаться Жанна, но остановилась от ощущения чего-то твердого и холодного, упершегося ей в спину.

– Он может выстрелить, – спокойно покачал головой мужчина.

Тогда женщина, сделав незаметное усилие над собой, красиво улыбнулась и спросила:

– Что я должна делать?

– Тихо, не привлекая внимания, отправиться со мной к синему «форду», стоящему у выхода. И сесть в него. Это все, что от вас сейчас требуется.

В машине, кроме водителя кавказской национальности, были еще двое. Они ни на грамм не удостоили новую пассажирку транспортного средства своим вниманием. Да, собственно, Жанна теперь на него и не претендовала. У нее теплилась надежда на счастливый исход, когда она водружала платье на место. Одна из продавщиц тогда, недовольно искривив ярко-красные «максфакторовские» губы, предложила примерить другие модели. Жанна, повернувшись к ней и выражая сожаление по поводу несостоявшейся покупки, всей мимикой своего лица старалась изобразить нечто ужасное, кивая глазами на стоящий на прилавке телефон, сотворенный под старину. Бутишная консультантша не поняла кодовых знаков лица странной посетительницы. Импозантный мужчина тут же взял ее под локоть и вывел на улицу. Дверь равнодушно зазвенела «китайским ветерком»...

Генерал-лейтенант Ванеев уже несколько минут разглядывал бывшую супругу. Он сидел в кабинете на втором этаже своей новой «рублевской» дачи и неотрывно следил за огромным плоским телеэкраном, на котором Жанна металась от края к краю как разъяренная тигрица. Ванеев нервно теребил пряжку своего ремня. По его приказу ее заперли в одной из лабиринтных комнат «дворца». Запереть-то заперли. Только что с ней делать дальше? Не век же ей тут куковать взаперти!?

Узнав о том, что Жанна встречается с Андреем Малковичем, генерал-лейтенант рассвирепел. Это означало одно — он стал посмешищем всего руководства МЧС. Наверняка все в курсе, перешептывались, и только ему — ни слова. Пусть бы она легла под какого-нибудь актеришку, менеджеришку, юриста, но не под мужика из его среды! С какими глазами он будет ходить на работу? Все-все теперь будет напоминать ему о шлюхе-жене! «Поздравляем вас, господин Ванеев!.. Ах, Герман Петрович, эти рожки вам как нельзя к лицу!.. Ох, слышали-с — ваша жена такая затейница в постели!..».

Он настолько погрузился в мазохистское самобичевание, что не заметил, как кто-то вошел в комнату и остановился у него за спиной. Очнулся от легкого прикосновения рук на своих размашистых плечах. «Да-да... Как хорошо, что я купил себе новенькую проституточку... Миленькая...», — вспомнил Герман Ванеев.

— Дорогой, — зашептала она над его ухом, облачаясь на спинку дивана. — Я «фордик» свой отдала в ремонтник. Так хочется забрать поскорее!..

— Сколько?

— Пятьсот доллариков.

Ванеев грубо отряхнул ее руки со своих плеч. Встал. Судорожно достал из кармана брюк скомканные купюры. Бросил их на тяжелый дубовый стол, стоящий неподалеку. Выбрал одну. Не глядя на девушку, протянул, зажатую в кулаке бумажку. Юлия Чернилина бережно взяла ее, разгладила:

— Герман-Герман! Не умеешь ты с денежками обращаться! Денежки порядок любят!.. А это что за мадемуазель? — игриво приговаривала, а затем задала вопрос журналистка, тут только заметив, что на экране идет отнюдь не кино.

Жанна, находясь по ту сторону, видимо тоже заметила маленькое оконце с видеокамерой. Она приблизилась к нему настолько близко, что ее приподнятое лицо заняло весь телевизор.

— Не лезь не в свои дела! — буркнул Ванеев, запихивая обратно так же грубо мятые доллары. — Тебе, как я понял, нужно отправляться в автосалон? Вот и отправляйся. Чем быстрее, тем лучше.

ГЛАВА 54

Битый час Андрей Малкович мучился двумя неразрешимыми загадками: где найти несколько десятков миллиардов рублей, чтобы вернуть долг, и почему отключила телефон Жанна. Он смотрел на часы и тут же забывал про время. Ему казалось, что его мозг — единственный на всей планете! Он плавился. Плавился! ПЛАВИЛСЯ!!! Кто-то заходил в кабинет, что-то ему говорил, а он не слышал. Он что-то отвечал, кажется. И, наверное, отвечал впопад, если его понимали...

— Не поверишь... Мы только что от Свириденко, — гулко раздалось в комнате. — Уехал, сердешный. Проверили. Точно. Только квартира-то не пуста, не пуста... Он квартиру-то жене своей бывшей оставил! Даша Свириденко нам дверку-то и открыла!

— Что ты сказал? — переспросил Смирнова Малкович, приподнимая голову. — Повтори! Что?

— Твой любимый Свириденко, говорю, сделал красивый жест: жене хату в Москве оставил! Не слабо, да?

— Да... Не слабо... — задумчиво протянул Андрей. — Не слабо... Надо Гарову сообщить...

— Да ща и позвоним. А он где, кстати?... И чего ты какой-то сумрачный?

— Что-то с Жанной случилось... Телефон не отвечает...

— погоди тревогу-то бить, наверняка батарея разрядилась или в метро едет, — попытался успокоить Малковича Вадим Геннадьевич, присаживаясь на стул рядом.

— Боюсь, твои шутки про метро сейчас не уместны, — впервые жестко оборвал Смирнова Андрей. — С ней действительно что-то произошло. Нюхом чувствую. Ванеев здесь замешан. Гнида эта «безопасная». Чувствую. А сделать ничего не могу.

После этого тона стало тихо. Малкович вдруг вспомнил свой сон трехлетней давности. Жанна падала со скалы... Она летела в пропасть... Или это была Мата Хари?... Господи, еще немного — и он сойдет с ума...

Вадим Смирнов достал сотовый:

— Саня! Сань! Ты где, друг? — набрал знакомый номер он.

До Малковича долетали отдельные обрывки фраз:

— Я — дома... В Динской... Отдыхаю, понимаешь...

Андрей резко протянул руку и буквально отнял телефон у застывшего от удивления на полуслове Смирнова:

— Гаров! Ты мне нужен! Ты мне срочно нужен! Без тебя никак, родной, ничего не выходит! Ты же как талисман наш: вот уехал, и дела стоят!

— Да ты что? Андрей? Я ж токмо неделю как дома! — растерялся Гаров.

Малкович не дал ему ни секунды на сомнения в собственной уверенности:

— Гаров! — почти перешел на крик он. — Гаров! Саня! Ты слышишь? Ты мне НУЖЕН! И нужен НЕМЕДЛЕННО! Я оплачу тебе билет на самолет сразу, как приедешь! И долг тебе выплачу по зарплате. Ты наверно про него и забыл уже? Ты только завтра... завтра, Сань, постарайся прилететь!

— Завтра? — не сдержался Гаров, слегка начиная поддаваться панике и волнуясь, как будто он — первоклассник и опаздывает на линейку, случающуюся в жизни каждого лишь раз в жизни. — Но... это не возможно... так сразу... мама не поймет...

Честно говоря, «Гарику» надоели московские бои за выживание, и он едва-едва успокоившись на домашних хлебах, стал было подумывать об окончательном увольнении с тем, чтобы начать жизнь заново. Еще пару-тройку лет назад он был готов пожертвовать собой в чеченской войне. Уж незнамо почему. Но готов был. А сегодня, познав другие войны — в изобильной и избалованной, капризной и развратной Москве — он жертвовать собой перестал. Даже ради друга, подарившего ему высшие круги этой самой столицы.

«Не за что и не для кого, собственно говоря, мне бороться! — размышлял он, лежа на мамином диване в станице Динской Краснодарского края. — Этот самый лучший друг — Андрей Малкович — в принципе, всегда мог опереться в выстроенной империи на Смирнова, на Просвирнина, на Свириденко, в конце концов. Нет, вот приспичило — вынь да положь Гарова, который выпотрошен морально во всех смыслах и ничего-ничего уже не может!».

Малкович и сам не мог понять после разговора с Гаровым — что на него нашло и ради какого срочного дела он требовал приезда Гарики в Москву. Отдав трубку Смирнову, он вернулся в то же унылое состояние, в каком пребывал до сих пор.

«Гаров? Зачем он действительно мне сейчас нужен? Взбаламутил только парня!» — мельком скользнуло в голове и тут же умчалось под воздействием образных страшных догадок и предположений о местонахождении Жанны.

«Нужно узнать адрес Ванеева», — решил он.

— Вадим, скажи Просвирнину — пусть через своих людей выйдет на Ванеева.

Своей фразой он прервал какой-то ход рассуждений Смирнова. Поэтому тот внезапно замолчал и скептически приподнял брови:

— Ты хочешь поговорить с Ванеевым?.. Ты можешь это сделать, не выходя из здания. Разве ты забыл, что еще работаешь в МЧС?

Малкович понял, что его мысли — это его мысли и только. Но оторваться от них и вернуться в общепринятый мир внешний сейчас было крайне сложно. Невероятно сложно!

— Вадим, мне нужно его место жительства! Где он живет? Я хочу знать — ГДЕ ОН ЖИВЕТ!!! — закричал Андрей.

ГЛАВА 55

В это московское утро Даша Свириденко впервые ощутила прилив сил и предвкушение чего-то очень-очень хорошего, позитивного и теплого за последний год. Она проснулась вместе с рассветом. И теперь нежилась в уютной кровати, наслаждаясь комфортным одиночеством. Даша представляла, как устроится на приличную работу, как привезет сына и отведет его здесь в первый класс. На это все нужно время. Пройдет полгода, год, и она обрстет новыми друзьями, может быть выйдет замуж, создаст нормальную спокойную семью. О Гарове она старалась не думать. Хотя ее последние встречи со Свириденко, Смирновым и Просвирниным будто вернули ее в то заветное лето, когда она впервые узнала своего «волшебника». Его любили все друзья. И встреча с ними подсказывала ее сердцу – насколько она сейчас близка к тому, кого любила.

Даша неторопливо выпила чашку «Нескафе», оделась и отправилась консультироваться по поводу оформления квартиры. Она боялась только одного: что такое положение вещей в будущем может оказаться для нее весьма и весьма проблематичным. Сделав шикарный подарок своему ребенку, отец великолепно будет влиять на становление личности отпрыска, настраивая его против нее. Вырастет эгоист, подобный папочке, – и выгонит ее в старости на улицу. Будет иметь право. По закону. Как хозяин квартиры...

Объехав и обойдя несколько кабинетов, где ей подсказывали дальнейшие квартирно-оформительские направления, Даша возвращалась в квартиру уже к вечеру. Ей предстояло еще поездить по различным организациям, пока все закончится. Но несколько справок она получила уже сегодня.

Даша вставила ключ в замок. Он не проворачивался. Она попробовала снова. Не получалось. Девушка решила, что что-то сломалось и собиралась позвонить соседям за подмогой, как дверь неожиданно открылась. Ее встречал бывший свекр.

– Здгавствуй-здгавствуй, – произнес картавящий от рождения пятидесятилетний Иван Николаевич. – Заходи... Чего застыла? Не ожидала?.. А мы там с матегью подумали-подумали... Да и гешили пгиехать посмотгеть, что тут происходит... Ну заходи что ли!... Чай не чужая!

Даша почувствовала, как тошнота подступала к горлу. Она судорожно сглотнула слюну, чтобы не показать своего отвращения.

«Что это я? Они же – родственники моего ребенка. Наверно просто захотели приехать в Москву, а чтобы не платить за гостиницу – решили остановиться здесь, – подумала девушка, уговаривая себя потерпеть какое-то время присутствие неприятных ей людей из прошлой жизни. – Я с ними вижусь только ради сына!».

— Мать сейчас вегнетя, — продолжил Свириденко-старший. — В магазин отпгавилась: холодильник у тебя совсем пуст.

У Даши совсем не было сил для общения, поэтому она ограничилась коротким приветствием и натянутой улыбкой на губы. Почти сразу потихоньку заглянула в ванну, потом в зал. Сев в кресло, Даша достала из пакета бумаги, пересмотрела их, и выбрала маршрут для завтрашних необходимых поездок. С кухни доносилось аппетитное шкворчание сковороды.

«Свекр, в отличие от своего отпрыска, любил домашнее хозяйство», — подумала девушка. Она все больше проваливалась в сон. Устало положив документы на стол, Даша Свириденко прилегла на кровать. Вздремнув какое-то время, она проснулась оттого, что в коридоре кто-то громко разговаривал. Она отличила бы этот командный голос даже спустя сто лет после расставания. Даша открыла глаза. В комнату входила ее свекровь.

Буркнув «здрости», громадная женщина уверенно занесла свое раскормленное холеное тело в зал и опустила его в кресло. Так же уверенно пухлые руки потянулись к стопе справок:

— Так. Это уже не нужно...

Даша не совсем осознавала, что происходит, и как такое вообще может произойти. На ее глазах доверенность, выданная ей и сыну на право достойного благополучного будущего, превращалась в мелкие кусочки и разлеталась по полу.

«Действительно, — как-то неоправданно равнодушно думалось Даше. — Как только я могла предположить, что у нас со Свириденко может когда-нибудь что-то наладиться? Совершенно глупо было такое представлять. Интересно, понимает ли эта женщина-танк, что ставит последнюю точку в отношениях ее сына с семьей?».

Она начала вставать. Спокойно представила, что переночует здесь, а утром поедет на вокзал за билетом. Но дальнейшее от нее уже не зависело. Ее спокойствие только подогрело азартную жадную месть свекрови.

— Ты... Это... Привози внука... Мы сами тут все на него оформим... Чего тебе тут делать-то? Работы нет! Устроиться трудно!.. Езжай себе спокойно. За Максима не переживай. Все, что нужно, у него будет. Будешь ему звонить. На лето забирать. У тебя ж там зарплата не ахти? А так полегче будет. Может, замуж выйдешь...

Последнее предложение было сказано куда-то совсем в сторону и с едва заметной усмешкой. Но Даша ее услышала. Откуда ни возьмись, у нее появились силы, и она с легкостью встала с постели и молча направилась переодеться к стулу, на котором развесила чуть раньше белый свитер и черные классические брюки. Она сняла халат, когда из кухни, вытирая руки о полотенце, вошел в комнату Иван Свириденко.

— Ну... Мать... Все готово... — отчитался он едва различимым заискивающим тоном перед своей женой, и тут же зло бросил в сторону снохи. — Пошли есть.

Эти слова, брошенные ей свысока, стали еще одним осколком, попавшим Даше в сердце.

— Спасибо, я не голодна, — все так же внешне невозмутимо продолжала собираться она.

— Голодна — не голодна, все гавно пойдем, — как-то упрямо и настырно настаивал водитель-дальнобойщик.

— Да пусть едет. Пусть. Не маленькая уже. Чего ее держать? Сын вырастет — все поймет: какую она жизнь ему устроила, мамаша, блин! — голос свекрови был полон презрения и надменности.

И вот здесь Дашу прорвало. Она мгновенно каким-то десятым чувством поняла, что уйти после открытых оскорблений, не хлопнув дверью, нельзя. Нужно рубить раз и навсегда.

«Хотите войну? Будет вам война!» — решила она и... стащила с левой руки обручальное кольцо под зуд вторившего надменности жены свекра. Кольцо полетело прямо в ноги восседавшей в кресле-троне «королевы-матери». Запихнув кое-как второпях халатик в сумку, Даша ринулась было в коридор, но Иван Свириденко преградил ей путь.

— А ключ? — резко напомнил он ей кто здесь хозяин. — Ключ на стол!

— Ключу-уч?.. Ах, ключу-уч!.. — не сразу даже и сообразила Даша «об чем спич» в порыве гнева. — Сейчас. Сейчас я его найду...

Она, было, дернулась лезть в сумку, но вспомнила, что он у нее в кармане пальто.

— Он в прихожей, — насильно заставила улыбнуться себя Дарья.

И уверенно обогнула обнаженный волосатый торс бывшего родственника. Достав ключ, она вернулась и швырнула его на пол. Пара ни на секунду не прекращала разговора и не последовала за ней в коридор. Даша в слезах натягивала пальто, когда увидела среди кухонной утвари хрустальную вазочку, подаренную ее подругой Сонькой Авдотьевой на пятинадцатилетие. Здесь были и другие памятные ей вещи, неоднократно выдавшие предательство и измены ее мужа. Но Даше почему-то стало обидно вдруг именно за эту маленькую конфетницу. Она достала ее с полки... «Говорильня» за стенкой не прекращалась... Даша отошла назад к дверям...

— Вот ведь бл... ь какая, — донеслось до нее...

Даша еще медлила, поднимая руку... Но потом... Как в омут с головой... Она закричала... Сильно-сильно закричала... Как никогда в жизни...

— А-а-а-а-а-а-а-а!..

Оконное стекло медленно оседало в темноту вместе с вазой из уютного и теплого детства... В зале наконец-то перестали говорить... Даша с невероятной силой сжала ручку двери, повернула ее и вышла на лестничную площадку. Впервые в жизни свежий воздух был для нее настолько драгоценным лишь потому, что им не дышали в эту минуту ужасные люди, оставшиеся за дверью...

ГЛАВА 56

Юлия Чернилина возвращалась из автосалона в особняк Ванеева ближе к вечеру. Она вела машину по Рублево-Успенскому шоссе плавно и красиво, как будто находилась под прицелом сотен голливудских кинокамер. «Форд» ей подарил друг банкира Салавата Бабинова, заказчика ряда ее статей в «Московском комсомольце». В отличие от Салавата его товарищ был молод и красив. Юлия с удовольствием бы вышла за него замуж или стала его постоянной любовницей, но мужчина с ничего никому не говорящим именем имел пагубную привычку современности — коллекционировать множественное число женщин. Благо, положение рантье давало ему на это время и возможности особо не утруждать себя ухаживаниями. Прежде чем отдать свое тело на растерзание требовательным ласкам олигархического мачо, ставшая недавно известной журналистка как бы вскользь обронила фразу о полученных на днях водительских правах. В таких кругах вообще принято говорить вскользь, не придавая значения сказанному. Но за тихой и равнодушной с виду беседой стоит огромная сила власти и громадный разгул мгновенно воплощаемых желаний. Юлия была знакома с правилами игры. На следующий день у ее подъезда стоял этот вот самый «форд», за рулем которого она сидела сейчас. Такова была цена нового коллекционного сексуального объекта. И мистер Икс не видел причин, по которым не мог его приобрести. Впрочем, этих причин для него не существовало вообще никогда. В основном он покупал себе «звездочек» шоу-бизнеса. Но эта журналистка случайно оказалась в кабинете Бабинова, когда он нанес ему визит. Ее неприкрытое нахальство во взгляде и точеная выхоленная фигура сыграли свою роль. Только как потом оказалось в отличие от сексуальной активности популярной певицы Инны Теменович, частенько выдумывающей поводы для встреч, Юлия Чернилина в постели оказалась скучна. Поэтому была употреблена одноразово.

Затем, после какой-то очередной светской тусовки, она проснулась в постели с пьяным Германом Ванеевым. Этот одним разом ограничивать себя не захотел. Он давно искал себе постоянную игрушку, которую можно было купить за деньги, которая в некотором роде пользовалась спросом у окружающих мужчин и на которой можно было испытывать все свои сексуальные прихоти. А последних у Ванеева было много. Изохрененная фантазия его имела садистские корни и заставляла партнершу испытывать, в конце концов, огромное желание высвободиться из-под его игрищ тела и духа. И тогда он напоминал про деньги, которые уже заплатил вперед. И с трепетным удовольствием продолжал мучить свою жертву до полного ее изнеможения и бессилия. Всех его проституток сутенеры увозили, как правило, сразу к гинекологу. Чернилина же была нужна ему надолго. Ее

социальный статус держал эмоции Ванеева на некоторой дистанции. Он смаковал ее тело, расчетливо привнося элементы насилия каждый раз по чуть-чуть. Она получала от него деньги и терпела «маленькие прихоти», наивно полагая, что как любая «гламурная леди», она сможет впоследствии воспитать мужчину и управлять его желаниями.

Юлии оставалось еще километра три. Впереди по обочине шел, шатаясь, какой-то бомж. Оборванный серый ватник прикрывал его не очень широкую спину. Неожиданно он покачнулся и упал прямо на проезжую часть. Юлия спешно вдавила ногу в педаль тормоза, хотя до мужчины оставалось еще метров пять. Никаких признаков жизни тот не подавал. Объехать его не представляло возможности. Поэтому девушка, не заглушая двигатель, осторожно огляделась по сторонам и вышла из машины. Медленно направляясь к упавшему, Чернилина еще ничего особенного не увидела, но уже почувствовала тревогу. Какой-то ветер прошелся по верхушкам деревьев. Густой лес что-то зашептал на своем языке. И эти тревожные ощущения проявились наяву. Чье-то плотное тело прижалось сзади. Юлия хотела закричать и оттолкнуть обидчика, но тот одной рукой сжал ее рот, а другой крепко обхватил ее талию. Страх смерти сковал ее мысли. Она мечтала только об одном – чтобы ее оставили в живых: «Пусть заберут все! Машину! Валюту! Золото! Но только оставят меня жить!».

Вадим Смирнов очень быстро, но не менее плавно, поднялся с асфальта, резким движением сорвал с себя ватник и выбросил его в кусты. Сзади хлопнула дверь Юлиной машины. Через секунду «форд» остановился рядом. Она увидела водителя. Его лицо было ей знакомо. Она судорожно перебирала в памяти своих знакомых, но так и не вспомнила, кто этот незнакомец. Тот неожиданно заговорил с ней. Не жестко, не в приказном тоне, а как-то даже добродушно.

– Мы не причиним тебе зла. Не расчленим и не закопаем в этом лесу твое красивое молодое тело. Ты будешь жить долго и счастливо. Любить мужчин. Вертеть их капиталами. Может быть, судьба окажется столь благосклонной – и ты выйдешь замуж за одного из них. Все это ждет тебя только в одном случае. В каком? Если госпожа Чернилина милостиво согласится мне помочь. Это не потребует от нее никаких особых усилий. Ей не нужно будет грабить банк и кого-то убивать. Я прошу тебя просто со мной поговорить...

Андрей Малкович замолчал и выразительно посмотрел на нее.

– Сейчас тебя отпустят. И ты не станешь кричать. Ты не станешь бежать в лес и пытаться спасти свою жизнь, потому что никто не собирается у тебя ее отнимать. Я настоятельно рекомендую тебе не делать этого, а сесть в машину и ответить на несколько моих вопросов.

Журналистка с облегчением вслушивалась в слова этого странного человека. Он как будто ее заворожил. И она ему поверила, что случалось с ней крайне редко. А впрочем, выхода у нее все равно не было. Юлия попыталась кивнуть головой в знак согласия, но крепкие руки невидимого мужчины еще сильнее сдавили ее губы. И она поняла, что даже если ее сейчас отпустят,

далеко уйти эти двое ей все равно не дадут и вернут обратно. Тогда она посмотрела прямо в глаза водителя ее авто. Карий их цвет затягивал глубоко-глубоко. Она в них проваливалась, но, вовремя спохватившись, взмахнула объемно накрашенными ресницами в знак согласия.

ГЛАВА 57

Юлия Чернилина не сразу решилась рассказать Андрею Малковичу про ту женщину, которую она видела на киноэкране в комнате Германа Ванеева. Она сидела на переднем сиденье своей машины, и размышляла о том, что услышала от «главаря» этой «мафии», взявшей ее в «плен». Она была стопроцентно уверена, что им нужна была именно та женщина. И Юлия могла им помочь. Этим она убьет сразу двух зайцев. Во-первых, уберет подальше от Германа свою конкурентку (иначе, зачем бы он держал взаперти некую леди?) на пути к достижению статуса жены мужика такого высокого уровня. А во-вторых, она заработает некую сумму денег (ведь эти сумасшедшие ребята заплатят ей, не так ли?).

— Я могу рассчитывать на некоторое вознаграждение за свой ответ на ваш вопрос? — поинтересовалась она.

— Можешь. В разумных пределах, — скривился, как будто только что съел лимон без сахара, Андрей.

И достал из-за пазухи пачку стодолларовых купюр.

— Хватит? — равнодушно спросил он, кладя деньги на бардачок.

— ...Наверное, да, — осторожно протянула Юлия. Она не ожидала такой немаленькой и мгновенной оплаты своих услуг. Но вида не показала.

— Так говори, — тут же потребовал Малкович.

После ее гламурно-жалостливого пересказа последней встречи с Германом Ванеевым Андрей Малкович вытащил еще одну пачку денег и аккуратно положил рядом с первой. Вадим Смирнов слегка заерзал на заднем сидении.

— Андрей Андреевич Малкович, мой друг, товарищ и просто очень добрый человек, — назидательно начал свою речь он. — Немножко тебе соврал сегодня.

Юлия осторожно перевела взгляд с бардачка на лицо Малковича, потом повернулась назад.

«Малкович, Малкович, Малкович», — судорожно вспоминала Чернилина про себя, откуда ей знакома эта фамилия.

«Тот самый Малкович!» — осенило ее через минуту.

Смирнов усиленно протирал пистолет, продолжая свое торжественное обращение:

— Хотя... Наверное, не соврал... Он просто не знал, что мы решили тебя в живых не оставлять. Так что давай выходи из машины.

И сам резво открыл дверцу «форда», собираясь, по догадкам всех присутствующих в салоне машины, отвести Юлию в лес.

Чернилина со страхом вжалась в сиденье и робко еще раз глянула на лицо Малковича:

— Я не пойду. Убивайте здесь.

Андрей, пряча усмешку на губах и отвернувшись от журналистки, ответил Смирнову:

— Это действительно новость для меня. Я ведь хотел предложить Юлии... не знаю, к сожалению, отчества...

— Ивановна, — заметно нервничая закивала собеседница.

— Ага... Ивановне... Хотел предложить Юлии Ивановне помочь нам пробраться в хоромы Германа Пантелеймоновича...

— Он кажется не Пантелеймонович, — снова нервно встряла журналистка.

— Ага... Не Пантелеймоновича... Ну ты понял..., — повернулся он к Вадиму еще больше. — Но если мои ребята считают, что мы сможем это сделать и без помощи Юлии... Ивановны... Что ж...

Малкович задержал на некоторое время интонацию голоса. И свободно выдохнул:

— Я возражать не стану.

Смирнов подмигнул третьему члену «команды». Стас Лебедев, парень с туманным взглядом, достал из кармана куртки пистолет, выбрался на улицу одновременно с Вадимом и открыл дверцу Юлии Чернилиной:

— Выходи. Не хочется пачкать кровью сидение машины.

ГЛАВА 58

План по проникновению в дом Ванеева был разработан в считанные минуты. Юлия Чернилина, не на шутку испугавшись, рассказала все, что знала. А знала она со своим журналистским любопытством и то, что Герман Ванеев возвращается домой обычно далеко за полночь, и то, что после его приезда во двор сразу выпускаются несколько овчарок, и то, что по всему километровому периметру высокого забора незаметно пролегает проволока, по которой в ночное время пускается ток, и многое-многое другое.

Начертив схему расположения всех комнат на трех этажах, Юлия догадалась, что Жанна может находиться в подвальном помещении, под бильярдной комнатой. Только там она до сих пор не бывала из-за того, что дверь всегда находилась взаперти.

По задумке Малковича Юлии предстояла важная миссия. На ее плечи ложилась проблема отвлечения охранника на короткое время от просмотра видеонаблюдения за дорогой. В эти минуты они и подойдут к воротам...

— Слуша-ай! — кокетливо обратилась Юлия к охраннику, когда вернулась наконец в дом Германа Ванеева. — У тебя зажигалки не найдется? Я свою в машине оставила, лень возвращаться.

Охранник, молодой парень, обернулся и заинтересованно оглядел ее с ног до головы.

— Найдется, — свысока ответил он.

И протянул ей взятую со стола зажигалку.

Поблагодарив, Юлия исчезла из его поля зрения. Но через несколько минут вернулась снова.

— Что еще? — вальяжно поинтересовался парень.

— У меня дверь в комнату не открывается. И помочь кроме тебя некому, — взволнованно зачастила журналистка. — И вообще я боюсь. Вдруг туда кто-нибудь забрался, пока я отсутствовала!

— Не мели ерунду! «Кто-нибудь» сюда пробраться не мог! — с издевкой, высокомерно парировал охранник.

— Ну пожа-алуйста! — как можно жалобнее попросила Юлия, вспоминая как ее совсем недавно чуть было не оставили в лесу Малкович и его «гоп-компания».

Охранник внимательно поглядел на экран системы видеонаблюдения, не заметил ничего подозрительного и встал с кресла.

— Ну давай, веди, показывай, чего там у тебя случилось. Только быстро.

Он еще раз оглянулся на экран, и вышел из комнаты в длинный коридор за Юлией.

— Пойдем, конечно. Сейчас... Смс только отправлю... Подруга ждет на тусовку в клубе... Написала: «Не жди»...

Журналистка повела охранника этажом выше.

В это время Андрей Малкович, получив ее смс-сигнал, вместе с Вадимом Смирновым двинулись из недалекого укрытия к высокой калитке. Стали по бокам, прижавшись спиной к забору, чтобы видеокамера их не «считывала».

Через пять минут Стас Лебедев, пошатываясь, издалека подошел к калитке и нажал на звонок. Охранник только что вернулся к себе, едва отойдя от трепетного чувства, всколыхнувшегося при близком нахождении с симпатичной «милашкой».

— Вали отседова! — пробурчал он в микрофон, нажав на кнопку радиосвязи с входными воротами.

Но «пьяный» Стас и не подумал уходить. Он обиженно скривился. И... сделал вид, что еле-еле попал пальцем в звонок. Но, попав, обрадовался и задержался на нем бесконечно долго.

Охранник, разозлившись на такого бродягу-алкоголика, быстро ринулся к калитке. И уже, было, размахнулся кулаком, отперев ее, как что-то тяжелое придавило его к земле. Он потерял сознание.

Втроем занести его в дом не составило проблемы. Заклеенный скотчем рот и связанные руки были гарантией того, что он, очнувшись, не позовет на помощь своих «собратьев» из другой половины дома.

Когда, с помощью журналистки-гида, они добрались до бильярдной и спустились вниз, на улице совсем стемнело. Недалеко, в коридоре, слышались голоса. Два охранника, не спеша, направлялись в их сторону. Дойдя до лестницы, они повернули рубильник, и весь двор вокруг засиял как в самый жаркий летний полдень. Малкович с друзьями и Юлией, плотно прижавшись друг к другу, еле-еле уместались под лестницей. Их не заметили. И через некоторое время они уже могли высвободиться.

Взломать дверь бесшумно было сложно. Но можно. Обессиленная Жанна с надеждой во взгляде встретила своих спасителей. Андрей Малкович бросился к ней и помог встать на ноги. Он ненадолго прижал ее к себе, нежно поглаживая спину. Вадим Смирнов их поторопил.

— Я сейчас пойду свет вырублю. Но, боюсь, это будет длиться недолго, — сказал он. — Нам обязательно нужно успеть, пока его не включат снова!

Взяв Жанну за руку, Андрей Малкович потянул ее к выходу. Через десять минут они стояли у противоположной входу стороне забора этого огромного двора. Здесь в траве валялась стремянка из гаража, заблаговременно оставленная Юлией Чернилиной.

— Ты сейчас перелазить и ждешь нас в машине. Она где-то рядом. Там Стас. Мы с Вадимом вряд ли успеем до того, как включат рубильники. Поэтому рисковать не будем — как-нибудь отстреляемся уж. А тебе, чтобы не погибнуть от пули Ванеева или его грозных ребят, лучше сейчас перебраться!

Приподнявшись на ступеньку, Жанна обернулась. Будучи почти вровень с лицом Андрея, она наклонилась, чтобы его поцеловать.

— Потом, милая... Нацелуемся еще, — улыбнулся он.

— Я люблю тебя.

— Все хорошо. Просто нужно поспешить, родная.

Жанна вновь взялась за стремянку. И через минуту уже пыталась спустить колени на ту сторону...

Андрей отвернулся в ту секунду, когда горячая энергия электричества прикоснулась к рукам Жанны... Она успела последний раз произнести имя любимого человека... Или ей это показалось?..

Бывший капитан морского флота Андрей Андреевич Малкович сделал шаг по направлению к дому, когда вокруг засияла иллюминация. Он стал поворачиваться назад.

«Жанна должна была успеть! — счастливая улыбка продолжала сиять на его лице. — Господи! Ты не можешь у меня отобрать самое дорогое!».

Вдруг стало нечем дышать... Яркий свет обступил плотным кольцом... Ее глаза жгли огнем... Ее сердце проникло к нему под кожу и стучало... Хоть один глоток воздуха!.. Он осторожно попытался пошевелиться. Жанна... Или Мата Хари... сделала шаг назад и исчезла совсем. Он остался один. Снова жуткая тишина. Она была и до этого. Но теперь Малкович ее слышал. Ощущение безнадежной потери заставило сердце сжаться и на мгновение застыть. Он с трудом нашел в себе силы сделать шаг вперед. Чтобы... как тогда, во сне... холодная бездна обступила его летящее тело вместе с ее...

Чья-то тяжелая рука легла на его плечо. Вадим Смирнов тяжело выдавил из себя: «Ей сейчас уже хорошо... Там... Не делай этого... Сейчас подъедет Ванеев и собак на нас спустит... Нужно уходить... Мы вернемся... Потом... Позже».

ГЛАВА 59

Даша Свириденко приоткрыла глаза от яркого солнца, бьющего из окна. Она чуть приподнялась, увидела мирно сопящего Гарова и снова вернулась в прежнее положение — на плечо любимого мужчины. События последней недели замелькали перед ней как на перемотке видеокассеты. Даша едва могла собраться с мыслями: все кружилось, рвалось, трепетало. Александр слегка заворочался, спросонья нежно прижимая ее к себе...

Выйдя ночью из той чуждой ей квартиры, она шла куда попало. Метро уже было закрыто, и Даша шагала по проспекту, не придавая значения тому, что происходило вокруг. Почему-то совсем не думалось о традиционном комфорте: можно ведь было пойти в какую-нибудь гостиницу, спокойно переночевать и отправиться утром в Ростов к маме и сыну.

Почему-то вспомнился Вадим Смирнов, развлекавший ее позавчера игрой в карты. Его предложение играть на десять отжиманий не могло не вызвать у нее приступа смеха. Она громко засмеялась. Но согласилась. Особенно веселым оказалось, что за полчаса она не проиграла ни разу. То ли он специально поддавался, то ли и вправду ей почему-то везло. Оставаясь «в дураках», Вадим каждый раз обиженно «надувал» губы и падал на пол. Даша не понимала, как он мог легко отжиматься с таким большим животиком?! И хохотала еще больше!

Подойдя к какому-то яркому зданию, облепленному со всех сторон рекламными щитами, она заметила таксофон. Динамично перерыв свою сумочку и найдя записную книжку, Даша Свириденко набрала номер пейджерской компании и продиктовала сообщение следующего содержания:

— Выгнали из дома. Гуляю по ночной Москве. Завтра возвращаюсь в Ростов. Даша.

От Вадима Смирнова, не смотря на поздний час, тут же пришло ответное сообщение на ее пейджер.

Девушка остановила такси и отправилась по указанному в нем адресу, предполагая, что просто попрощается с хорошим другом и отправится на Павелецкий вокзал. Но дверь ей открыл... Саша Гаров.

Молодой человек только что прилетел из Краснодара и не знал, что вот так вот, неожиданно, здесь, на снимаемой Вадимом квартире, окажется та единственная, которую любил. Как ни в чем ни бывало, Гаров взял ее руки и потихоньку притянул к себе. Теплые и влажные, его губы нежно потребовали от нее чего-то такого, отчего у Даши сильно заекало и зауhalo внизу живота. Ее пережитая обида и гнев растворились в объятиях любимого человека, долгожданного и неповторимого.

— Ты голодная? Ужинать будем? — спросил он еле слышно, прижимая свою шершавую небритую щеку к ее щеке и все больше запутываясь и задыхаясь ароматом ее волос.

— Я потеряла его.

— Кого?

— Аппетит, конечно.

Они засмеялись.

Из зала раздавались звуки радио.

— Для Даши и Александра, к сожалению, они не указали свою фамилию, звучит эта песня, — в приподнятом настроении вела ночной эфир Ксения Стриж.

И тут же запели Филипп Киркоров с Машей Распутиной: «Были белее снега свадебные цветы... Мне улыбался ты... Это было как во сне... Будет в жизни нашей много дней таких, как этот, может быть...».

— Это для нас, Гаров? Может, я схожу с ума? Сплю? Где моя голова? Она на месте? — спросила Даша.

— Угу, — промурчал он в ответ.

Он продолжал гладить ее волосы, наслаждаясь и теряясь в них. Потом поднял на руки, захлопывая плечом дверь, и отнес на раскладушку — единственное спальное место в центре комнаты. Он проникал в нее неистово, страстно пульсируя на протяжении всей оставшейся ночи. Сколько же раз он брал ее? Десять? Пятнадцать? Двадцать? Даша даже не пыталась вспомнить.

— Да вы, девушка, оказывается, обожаете тантрический секс! — улыбнулся Саша в один из своих недолгих перерывов.

— Это не секс, Гаров! Это любовь! — возразила она, сидя на его бедрах и вглядываясь в каждую новую морщинку забытого лица.

Вместо ответа он потянулся руками к ее торчащим соскам и стал нежно их гладить. Даша едва слышно застонала и почувствовала, как что-то под ней медленно затвердевает. Она слегка приподнялась на коленях и наклонилась, чтобы поцеловать влажные припухшие губы. Он обхватил руками ее спину и прижал к себе. Потом рывком перевернул на бок и через минуту сам оказался сверху. Вошел. От неожиданной мужской жесткости Даша вскрикнула. В этот момент раскладушка скрипнула, накренилась и совсем опустилась на пол.

— Саш, не на... до... — попыталась высвободиться девушка. Но Гаров еще более настойчиво и требовательно овладевал ею, пока не достиг еще одного своего пика высшего наслаждения, именуемого оргазмом.

ЭПИЛОГ

В феврале 2004 года Андрей Малкович отдыхал у себя на подмосковной даче. Он сидел на диване и просматривал слайды с фотографиями запечатленного прошлого. На них очень часто мелькало лицо Жанны Ванеевой, его любимой женщины. Сейчас эмоций почти не осталось. Ни злости на ее бывшего мужа, ни обиды на себя, что не сумел уберечь ее хрупкую, ни горечи на судьбу. Тоска. Легкая, спокойная грусть. Это да!

Музыка по радио «Эхо Москвы» сменилась сводками последних новостей: «Чрезвычайная ситуация в МЧС стала прямым следствием ущербной схемы взаимозачетов, активно практиковавшихся в конце 90-х... Сегодня Московский окружной военный суд начинает оглашать приговор по самому громкому делу „оборотней в погонах“... На скамье подсудимых — начальник Управления безопасности МЧС Герман Ванеев и шестеро офицеров МУРа. На их счету многочисленные злоупотребления, вымогательства, незаконные задержания, подбросы оружия, боеприпасов, наркотиков... Обвиняемые в коррупции действительно виновны. Таков итог судебного заседания...»

Рядом раздался звонок телефона. Андрей нажал на зеленую кнопку. Голос Вадима Смирнова прорвался сквозь сотовую связь с какими-то хрипами и шипами, но так же бодро, как и обычно:

— Не-э! Ты это слышал?.. Ты слышал, как мы их «сделали»?!...